

Дело ведёт

ЛЕО СУХОВ

Дело

114-52

КОЛОНИСТ "ВАНО"

Проект: "Антикризисный Актёр"

Дата

неважна

Том №

1

Annotation

Ваня был недоволен тем, что на Земле всем заправляют нейросети. Формально ответил на вопрос о судьбах человечества. Был за всё хорошее и против всего плохого.

Однозначно: виновен!

И теперь для него есть две новости: хорошая и плохая, само собой! Хорошая новость заключается в том, что человечеству не дадут сгинуть в небытие, какие бы кризисы его ни одолевали. Для этого будет создан "Антикризисный актив"! Плохая новость — Ваня участвует.

Дано: новый мир (соответствие запросам вида на 78 %). А ещё случайное место высадки группы, запас еды на восемь дней и белое трико в обтяжку в качестве одежды. В общем, все условия, чтобы стать супергероем!

Удачи, Ваню!

Просто пролог

Рассказанный одной мухой, когда она обрела разум (потому что других свидетелей, которые рассказали бы пролог от третьего лица, в комнате в этот момент не было)

Комната была непримечательная. Квадратная, маленькая — два на два метра. С одним узким окном, в котором стоял дешёвый стеклопакет. Серый ковролин на полу, белая краска на стене, а ещё грязно-белые квадраты плит подвесного потолка.

И раздражающе яркий светильник-спот, заливающий холодным светом это царство серо-белого.

Нет ничего скучнее современной офисной отделки... Из всего многообразия вариантов, как обустроить рабочие места, человечество умудрилось выбрать самый скучный. И, однажды выбранный, он не менялся годами. Под подвесными потолками из минераловолокна работали дедушки и бабушки в казённых учреждениях и НИИ Советского Союза. А затем их дети, рвавшие в новый капиталистический мир, а потом уже и их дети...

И если сами работники, проводившие в этих стенах большую часть жизни, не предпринимали титанических усилий, то скучная обстановка становилась проклятием. Как для самих работников, так и для их посетителей.

Из шестнадцати часов, которые человек не тратит на сон, два часа он проводит в дороге на работу и обратно. Девять часов — на работе. А в оставшиеся пять часов — развлекается, как может, ни в чём себе не отказывая.

Впрочем, из оставшихся пяти надо вычесть ещё час. Потому что минимум полчаса требуется утром, чтобы проснуться и позавтракать. И ещё полчаса, чтобы прийти в себя после работы.

Какой бы уют ни окружал вас дома, вы можете им наслаждаться не больше, чем четыре часа в день. А в оставшееся время вас опять-таки ждёт подвесной потолок, ковролин и унылые искусственные лампы вместо солнечного света. Ведь даже солнечные лучи как будто сворачивают в сторону, доходя до офисных окон. Боятся, видимо, навсегда затеряться в этом царстве документов, цифр и скуки.

Зачем люди делают в квартирах дорогуший ремонт, если его плодами могут наслаждаться лишь по четыре часа в будний день? Ну и немного в выходные. Перед друзьями повыпендриваться? Так друзья ещё неизвестно, когда в гости доберутся. У них ведь та же проблема со временем.

Комната, о которой идёт речь, ничем не отличалась от любой другой офисной комнаты. Разве что размерами: она была до неприличия мала. В это помещение неизвестным организаторам удалось впихнуть немного: только стол, два стула и несгораемый шкаф.

Белый стол.

Серые офисные стулья.

И грязно-белый несгораемый шкаф, на который даже не догадались поставить какой-нибудь фикус, герань, замиокулькас или, прости Господи, кактус...

«Да хотя бы кактус! — подумал молодой мужчина, сидящий на стуле для посетителей. И отвёл взгляд от шкафа, взглянув на своего собеседника. — Ещё один скучный тип!».

Работник, который вёл здесь приём, выглядел так, будто его завезли сюда вместе с мебелью. И по тому же принципу выбирали, как в каталоге — видимо, чтобы не выделялся.

Серый костюм классического кроя, белая рубашка классического кроя, тёмно-серый галстук в светло-серую полоску.

И совершенно непримечательное лицо: средне-преклонного возраста, в меру щекастое, в меру лысое, в меру сероглазое...

Гостю стало так тоскливо, что, не будь у него здесь серьёзной цели, он бы вскочил и убежал. Однако цель у него была. И очень важная. Поэтому молодой человек продолжал терпеливо сидеть.

— Что ж... Мы рассмотрели вашу заявку, Иван, — наконец-то проговорил сотрудник. — Думаю, проблем с выполнением вашей просьбы не будет.

Посетитель, которого назвали Иваном, присмотрелся к белому бейджику с тёмно-серыми буквами. Пришлось прищуриться, чтобы разглядеть, что там напечатано. Вообще-то Иван это уже раз десять делал, но почему-то никак не мог запомнить имя.

В серо-белом офисе, в серо-белом кабинете, сидел серо-белый человек в серо-белом костюме с серо-белым бейджилом, на котором было написано: «Евпатий Серафимович Сивокобылов»...

Это имя Ивана жутко раздражало. Этому имени не было места в серо-белом царстве! Его не могли вывести чёрными буквами на белом ламинированном бейджике!.. Это было как-то неправильно.

— Евпатий, так я могу идти? — уточнил Иван, не понимая, почему ему битых полчаса не могут оказать довольно простую услугу.

— Одну минуту, Иван Андреевич, — попросил сотрудник, нагнувшись к полу и подняв портфель из тёмно-серой кожи. — Ещё одну минуту...

— Но только одну! Потому что если две — это уже перебор!.. — попытался пошутить Иван, но у Евпатия, похоже, давным-давно отключили чувство юмора.

А заодно и клиенториентированность.

В общем, Евпатий никак не отреагировал на шутку. Даже не поморщился.

Просто открыл портфель. И достал из него какой-то серый параллелепипед, положив его на стол.

— Это что? — удивлённо спросил Иван, но сотрудник ничего не ответил.

А ещё Евпатий не менял выражения лица и не проявлял эмоций. Он просто сидел и выполнял свою функцию. Иван уставился на лысину этого раздражающего человека, сверкавшую под холодным офисным светом, как поверхность горного ледника. Лысина выглядела так органично, что возникало ощущение, будто Евпатий с ней родился, а волосы на ней никогда не росли.

И по этой лысине ползала муха!

Бог её знает, как и когда занесло муху в это серо-белое царство, но насекомое в него идеально вписалось. И на лысине оно себя чувствовало до неприличия комфортно. Будто маленький принц на своей маленькой планете, муха ползала туда-сюда, по-хозяйски перебирая лапками.

Евпатий почему-то не обращал на неё никакого внимания. А вот Ивана передёрнуло от одного только вида беспечной и наглой мухи. И от того, как она спокойно путешествует по бледному черепу.

Тем временем муха выползла из-за горизонта головы, остановилась, радостно потёрла лапки, чуть повернулась... И снова двинулась дальше.

Иногда она останавливалась и ощупывала хоботком кожу Евпатия. И когда она это

делала, Иван буквально собственной кожей ощущал непрошенное, доводящее до бешенства, покалывание её лапок и хоботка...

Удивительно, но Евпатий как будто ничего такого не чувствовал. Он сидел как истукан, неотрывно глядя на серую коробочку на столе. Как будто в ней было что-то такое, что его завораживало. Ивана он в этот момент не удостоивал даже взглядом. Казалось, Евпатий и вовсе забыл про посетителя. Во всяком случае, вид у него был совершенно безучастный.

Муха завершила вылазку. И снова перевалила через вершину лысины, а затем исчезла из виду, пустившись в странствия по заднему, невидимому Ивану, полушарию. Возможно, в одной из складок на шее у неё был дом?

— Скажите, Иван... Вам не кажется, что в своём развитии человечество несколько... Скажем так, рискует? — неожиданно проговорил Евпатий.

— Чего? Эм... Ну да, возможно, — осторожно согласился Иван, щурясь на бейджик, потому что это кричащее, вопиющее имя никак не хотело запоминаться. — Евпатий, а как это относится к э-э-э... К моему займу в счёт социальной выплаты?

— Всё в мире взаимосвязано, — сообщил Евпатий. — Вы сейчас берёте займ и, соответственно, получаете меньше денег по социальной выплате. Вы приходите сюда, и у вас остаётся меньше времени на то, чтобы отдохнуть после работы... Даже то, о чём вы сейчас думаете, будет иметь долгоиграющие последствия для судьбы всей Вселенной.

— А о чём я сейчас думаю? — с опаской спросил Иван.

— Вам лучше знать, — бесстрастно ответил сотрудник учреждения, убирая со стола серую коробочку, на которую так увлечённо смотрел всю последнюю минуту. — Я не умею читать мысли.

— Ага... — кивнул совершенно растерянный Иван, который просто хотел получить деньги, а не разводить споры о судьбах Вселенной.

— А вы не хотели бы снизить риски для человечества, Иван? — снова спросил Евпатий, вгоняя гостя в ещё больший ступор. — Не хотели бы внести свой вклад в сохранение людей? Создать антирисковый или даже, можно сказать, антикризисный актив человечества?

— А-а-а... — Иван открыл рот, но не нашёлся, что ответить.

Ему понадобилось долгих десять секунд, чтобы осмыслить происходящее... А потом он неожиданно расслабился, широко улыбнулся и сказал:

— Нет, ну я за всё хорошее! И против всего плохого!

— Это отлично, — согласился Евпатий. — Впереди людей ждёт ещё немало опасностей. Каждая из них может оборвать развитие цивилизации. И, соответственно, лишит Вселенную уникальных черт человеческого вида. А ведь он признан весьма перспективным... Да-да...

Несмотря на то, что Евпатий правильно ставил ударения, верно использовал слова и даже применял элементы разговорного жанра, возникало ощущение, что Иван говорит с иностранцем. Речь его странного собеседника была напрочь лишена эмоций. Точнее, он явно пытался передать их интонационно, но при этом от него не веяло никакими эмоциями. А из-за этого Ивану рвало шаблоны, и он терялся.

— Человеческие фантасты любят писать о том, что цивилизация людей очень агрессивна, — проговорил Евпатий. — Или о том, как она слаба... Однако жизнь во вселенной развивается по схожим законам и правилам. И человечество, знаете ли, мало чем отличается от других разумных видов в галактике...

Иван открыл было рот.

И снова его закрыл. На него лился стопроцентный, дистиллированный бред. К сожалению, лился он таким потоком, что не оставлял шансов на то, чтобы выплыть, не наглотавшись.

— Человечество — это такой середнячок. Причём, во всём. Средне-агрессивное, средне-талантливое, средне-сильное... — проговорил Евпатий. — Но у него есть один несомненный плюс: оно стоит на правильном пути развития. И скоро, возможно, даже в ближайшие столетия, пройдя через пару кризисов, а затем стабилизировав последствия научных рывков, сумеет дотянуться до звёзд...

— Рукой? — выдавил из себя Иван.

— Метафорически, — то ли ответил, то ли поправил его Евпатий. — Но вот кризисы... Кризисы несут в себе риски. Серьёзные риски. Каждый такой кризис способен окончить существование человеческой цивилизации на взлёте. А это довольно неприятная потеря для галактики. Пропадёт уникальная культура, уникальный генофонд, уникальные открытия... Разве можно допустить, чтобы такое произошло?

— Нет! — уверенно заявил Иван. — Ни в коем случае! Такого допустить нельзя! Как нельзя допустить и того, чтобы я сидел без денег!..

Намёк был совершенно непрозрачный, но Евпатий его проигнорировал. Он сидел за столом, на котором лежал его портфель, и, не моргая, смотрел на посетителя.

— Вы весьма перспективный молодой человек, — продолжил Евпатий. — Хорошее здоровье, неплохие когнитивные способности... К тому же, вы так и не нашли, чем бы полезным заняться в жизни. Ваш вклад в антикризисный актив человечества — это реальная возможность создать что-то невероятное, что-то новое. В общем, что-то такое, что оставит свой след в истории галактики.

— Если этот вклад уменьшит сумму, которую я сегодня получу, то: не сог-ла-сен! — сразу ответил Иван, почувствовав: его собираются развести на что-то нехорошее.

— О, нет! Такие вещи невозможно оплатить деньгами, — и тут случилось чудо, которого посетитель серо-белого офиса никак не ожидал. А если точнее, Евпатий неожиданно улыбнулся. — Только личное согласие.

Улыбнулся Евпатий только губами. Серые глаза как ничего не выражали, так и продолжали ничего не выражать.

— Лично я — согласен! — Иван почувствовал лёгкое раздражение, потому что сидящий напротив человек уже более получаса бездарно тратил его, Ивана, свободное время.

А если говорить по-простому, то минута за минутой отнимал время от тех самых четырёх часов, которые щедро оставил Ивану будний день, чтобы ни в чём себе не отказывать.

— Это хорошо, — проговорил Евпатий, разглядывая сидящего напротив человека. — Очень хорошо...

— А когда я смогу получить деньги? — поинтересовался Иван, прищурившись на бейджик. — Евпатий, вы не поймите меня неправильно...

— Ах да, деньги, — Евпатий совершенно бесстрастно залез в портфель и вытащил оттуда стопку банкнот, положив её на стол. — Этого хватит?

Иван чуть расширил глаза от удивления, потянулся к деньгам, а потом — отёрнул руку. Ситуация смущала его, хотя он уже успел сделать для себя определённые выводы.

— Но... Мне же должны выдать договор, я должен его подписать... И нужно провести договор через бухгалтерию... Деньги должны начислить на чип!.. — растерянно проговорил

молодой человек.

— Лишние формальности, — заявил Евпатий. — Я просто дам вам денег, и вам даже не срежут социальную выплату. Как вам?

— Я что-то должен сделать за эти деньги? — осторожно уточнил Иван, пытаясь найти подвох в этом явно неприличном предложении.

— Нет, — ответил Евпатий. И даже бесстрастно поджал губы.

— Мне надо будет их вернуть?.. — предположил Иван. — Может, вы душу потребуете?..

— Нет и нет, — ответил Евпатий. — Включите запись.

Иван быстро активировал запись видео, как его и просили. Хотя даже в этой мелочи он явно чувствовал подвох. Просто никак не мог понять, какой именно.

— Я, Евпатий Серафимович Сивокобылов, по собственному желанию, находясь в трезвом уме и твёрдой памяти, безвозмездно передаю в дар Ивану Андреевичу Листову билеты Банка России номиналом пять тысяч рублей в количестве трёх сотен штук. Я не требую возврата переданных средств и не выставляю никаких условий. Этого достаточно, Иван?

— Но... — молодой человек, рассчитывавший на низкопроцентный займ, никак не мог поверить в то, что ему только что свалилась на голову приличная сумма. — Я...

— Берите деньги, Иван. Потратьте их в своё удовольствие! — Евпатий изобразил на лице улыбку и широким движением переместил стопку купюр на край стола, поближе к посетителю. — Они ваши. Можете делать с ними всё, что заблагорассудится. Можете даже выкинуть.

— Ладно, — кивнул Иван и, наконец, взял предложенный безвозмездный дар. А затем снова растерянно осмотрел комнату. — И я могу идти?

— Да, можете идти, — кивнул Евпатий.

— Совсем? — уточнил Иван.

— С концами, — подтвердил серо-белый сотрудник учреждения.

— Я пошёл?

— Всего хорошего!

Всё ещё не веря в происходящее, Иван поднялся со стула. А затем дошёл до двери, в последний раз оглянувшись на маленькую комнату и вышел прочь.

Несколько секунд Евпатий сидел неподвижно, по-прежнему глядя на дверь. После чего аккуратно убрал портфель со стола и сложил стопкой незаполненные документы.

А потом застыл в ожидании следующего посетителя. По его лысине медленно ползла муха.

Насекомое перебирало ножками, постоянно меняя траекторию движения. И периодически останавливалось, довольно потирая лапки. Но сидящему за столом мужчине было решительно наплевать на раздражающего пассажира на его голове.

Он просто ждал.

Глава 1. Чересчур белый

Дневник Листова И.А.

Последний день последнего года привычной жизни. Золотая осень, которая так редко бывает в Москве.

Улица встретила меня шумом двигателей и неоновым светом витрин. А ещё вечерними сумерками, опускающимися на Москву. Осень медленно захватывала город. В этом году она выдалась мягкая, тёплая, без привычных дождей и без холодного ветра. Просто осень, просто золотая, просто ещё тепло...

Стопку купюр, полученную в серо-белом офисе, я спрятал во внутренний карман. И теперь старался придумать, как распорядиться свалившимся на меня счастьем в оставшиеся три выходных.

Три выходных! Единственное послабление таким, как я, в их нелёгком трудовом пути! Ненужном трудовом пути... Бесплезном трудовом пути... Но я не трутень, вовсе нет! По образованию я — юрист! Должен был им стать, после окончания института.

Жаль только, что пока я учился, нейросеть успела заменить, в том числе, и юристов...

Причём, заменить окончательно, жестоко и бесповоротно. Её Величество Нейросеть шагала по планете семимильными шагами, не встречая сопротивления. Сначала она заменила художников, принявшись штамповать картинки по шаблону, и только единицы людей теперь могли рассчитывать на признание. Но все остальные молчали: они же не были художниками.

Затем нейросеть отменила дизайнеров, маркетологов, кодеров, контент-писателей... Но все остальные молчали: они же не были дизайнерами, маркетологами, кодерами и контент-писателями. Следом под нож отправились таксисты, комбайнёры, водители фур и машинисты, продавцы и официанты, но все остальные молчали...

Потом нейросеть начала писать книги, готовить еду, придумывать законы и даже патрулировать улицы. Ну и... Когда нейросеть пришла за незаменимыми — за юристами и врачами, то уже некому было их защитить от её нападков, ведь все остальные сидели на социальных выплатах!..

Отец говорил, что в его детстве энную часть экономики занимали услуги. Всякие подстригатели бород и волос, почесатели спин и пяток... Ну так вот, теперь нейросети отлично справлялись и с этой нетривиальной задачей, управляя роботами для стрижки, роботами для чёски, роботами для массажа...

Не знаю, скольким тестерам отстригли головы, перерезали горло и заживо содрали кожу перед тем, как эта ненасытная электронная тварь научилась определять, где надо остановиться... Но факт остаётся фактом: даже для чесания пяток человек стал больше не нужен.

Человеку вообще не оставалось места в этом царстве Его Величества Робота и Её Величества Нейросети. Люди, как ненужные элементы системы, лишались простора для творчества и работы. И хорошо ещё, если государство, как у нас в России, просто давало денег, чтобы с голоду не померли.

В азиатских странах, чтобы получить свою пайку, шли в пауэрбанки на пятнадцать часов. Мои родители, кстати, очень удивились, когда узнали название. В их времена пауэрбанками называли вместительные аккумуляторы, которые использовались для зарядки

всяких устройств. В современном мире пауэрбанками назывались комплексы для накопления энергии...

Кто любит старое кино, тот наверняка смотрел «Матрицу». Там по сюжету роботы захватили мир, и люди лежали в ваннах, подключённые к виртуальной реальности, а энергия их тел служила батарейками... Ну вот, это кошмарное предсказание сбылось лишь наполовину. Граждане на Востоке должны были по пятнадцать часов лежать в пауэрбанках. Однако они делали это **добровольно**.

Им приходилось играть в бесконечные, но жутко раздражающие простенькие игры. И ключевое слово тут — раздражающие. Чем больше в такой игре человек напрягается, злится, бесится, пугается — тем больше выдаст энергии. Согласно задумке природы, она должна была бы уйти на то, чтобы активно двигать конечностями... А теперь уходила на нейросети и роботов. На Востоке просто очень много людей. И очень плохо с энергией.

На просторах России с энергией получше. Правда, людей долго не хватало... Но это в прошлом. Теперь нас, людей, даже слишком много. Мы получаем социальную выплату, а ещё для нас сделали много бесполезной работы в офисах. Сидишь там, заполняешь электронные карточки, следишь за работой роботов и нейросетей...

Ну или ничего не делаешь. Просто в потолок плюёшь. Зато получаешь оклад: дополнительно к социальной выплате. Можно, конечно, попробовать стать профессионалом в интересной области, но за это платят на порядок меньше. И, даже став профи, всё равно человек останется придатком нейросетей и роботов.

Но это лучше, чем на Востоке, где человек стал батарейкой. И лучше, чем на Западе, где в аренду сдают мозги. И уж тем более лучше, чем на юге, где человека делают настоящим придатком для робота, экономя на дорогостоящем производстве. Пусть хотя бы видимость работы и жизни, чем так...

А я, наконец, решил, как буду действовать, и вызвал такси. Надо было добраться до банка (обычного деньгобанка) и положить нежданное богатство на счёт. Ходить с таким количеством налички в кармане — это было слишком. Даже по нынешним временам. Ещё потеряю...

Из головы всё никак не хотел выходить офис, странный Евпатий и разговор с ним. Я сначала так растерялся, что не сразу понял: это наверняка розыгрыш. Один из тех многочисленных розыгрышей, которые в последнее время устраивали скучающие любители шоу. Уверен, завтра кто-нибудь из друзей скинет мне ссылку на ролик с моим участием. Вот уверен!..

Но за участие неплохо платят, надо сказать! Хорошо платят! Я решил, что план у меня такой: положить деньги на счёт, оставив немного налички. А затем отправиться в бар — и хорошенько покутить!.. Впереди три выходных. А значит, можно один день провалиться с похмельем в постели. И если там, в этой постели, окажется какая-нибудь красотка, то я буду не против...

Дневник Листова И.А.

1-й день странной новой жизни.

Я открыл глаза и уставился в белый потолок. Его белизна была такой белой, что просто резала по глазам. Нельзя такой белый потолок делать, ей-Богу! Это просто неприлично в современном сером мире!.. Сразу вспомнился вчерашний офис и яркий, неприлично яркий, свет лампы. Здесь было то же самое.

А ещё мне было холодно.

Стоп! А где я, собственно, нахожусь?

Я на всякий случай пощупал кровать рядом, надеясь найти какую-нибудь красотку, запланированную накануне. Это объяснило бы, почему я проснулся не дома. Но нет... Облом! Я лежал на узкой твёрдой лежанке, и рядом была только пустота.

Я в больнице? Птица-перепел одолела? Хмельная белочка покусала?

— Пожалуйста, не шевелитесь! — где-то рядом раздался голос, заставив меня резко скосить глаза. — Нужно довести тестирование до конца.

Говорил со мной шар. Обычный белый шар. Ну если, конечно, белые летающие шары — это обычно.

— Какое тестирование? — удивился я.

— Функций организма, — ответил шар. — Перед высадкой антикризисного актива на планету заселения вы должны пройти полную диагностику. Мы не знаем, насколько хорошо ваша матрица перенесла прыжок.

— Какой прыжок? — снова растерялся я.

— Пространственный, — ответил шар.

— Какая высадка?! — возмутился я.

— На планету заселения, — терпеливо повторил шар. — Пожалуйста, не шевелитесь, иначе придётся прибегнуть к успокоительным мерам. Вам не понравится!

— Мне уже не нравится... Верните меня домой! — потребовал я. — Я хочу домой!!!

Я попытался пошевелиться и подняться, но не смог. По телу пробежал электрический разряд, заставляя мышцы выгнуть моё тело дугой. Кажется, я даже закричал от острого приступа боли. Хорошо, хоть не обмочился... Экзекуция длилась недолго, но мне хватило, чтобы понять: дёргаться не надо.

— Я же предупреждал, что вам не понравится, — бесстрастно сообщил шар. — Пожалуйста, не шевелитесь. Нужно довести тестирование до конца.

— У-у-у-у... — обиженно проскулил я.

Я был гол. Я был порабощён. А ещё надо мной издевались, и даже не объясняли, за что. Я протестую! Но протестую тихо, чтобы снова разрядом не приложили.

— Белый шар, а белый шар? А где я вообще? Какое сегодня число? — решил я осторожно разведать обстановку.

— Число и год не имеют значения. Вы находитесь на борту колониального транспорта для белковых форм разумной жизни. В соответствии с условиями создания антикризисного актива, вас ожидает высадка на планету, которая станет вашим новым местом жительства.

— Новым местом жительства?.. — эхом отозвался я. — А я домой хочу... Мне там «жительство» нравилось!

— Это не имеет значения, — сообщил шар. — Необходимо закончить тестирование.

Моя лежанка находилась в белой комнате. Совершенно белой. В ней были белые стены, белый пол, белый потолок и белый шар. Излишне говорить, что лежанка моя была тоже белая. Культ белого сквозил отовсюду. А его бесчеловечные проявления резали по глазам своей белизной.

Из белой стены выдвинулся белый щуп, медленно подплывая ко мне. На конце щупа была видна острая белая игла. Мне стало страшно, и я обратился к единственному доступному собеседнику:

— Белый шар, а что это за белый щуп? И почему он ко мне подбирается? Я боюсь, между прочим!..

— Не надо бояться! Нам надо закончить тестирование. А также ввести вам инструкцию по выживанию, — сообщил шар.

— А почему ваша инструкция такая острая, а? — возмутился я. — Шар! Я боюсь! Я не люблю, когда в меня тыкают острыми предметами!

— Не шевелитесь...

Собеседник оказался очень скучным, а игла подобралась уже совсем близко. Я попытался вскочить, дёрнуться... Но новый разряд заставил моё тело выгнуться дугой. Кажется, я снова позорно кричал. Но самое неприятное было в том, что игла всё-таки добралась до моей шеи. И воткнулась, беспощадно впрыскивая в организм какую-то дрянь...

Точно дрянь! Ничего хорошего я здесь не ждал! И, кажется, у меня начинала развиваться ксенофобия. Или это уфофобия? Да неважно. Просто выпустите меня отсюда. Пожалуйста!..

Не знаю, сколько меня ещё пытали разрядами тока... Похоже, вколота в шею дрянь быстро отправила меня в беспамятство. И, по понятным причинам, что там было дальше, я видеть не мог.

Дневник Листова И.А.

Предположительно, всё ещё 1-й день странной новой жизни.

Очнулся я снова в белом помещении. Переизбыток белого, откровенно говоря, уже начинал доставать. С другой стороны, светло и всё вокруг видно — так чего возмущаться-то?

В этот раз ощущения при возвращении в сознание были сродни похмелью. Ломило мышцы, кружилась и болела голова, а ещё дико хотелось пить и есть. Я грешным делом было подумал, что шар и летучий корабль мне приснились. А я просто... А я что?

На этом моменте мозг начал работать, а глаза — оглядывать помещение, в котором я оказался. На этот раз я не был голым. Я был в белом комбинезоне, с короткими рукавами до локтя и короткими штанинами до колена, и он плотно облегал тело. Лежал на лежанке с анатомическими изгибами — само собой, белой. И был пристёгнут к ней намертво белыми ремнями.

Поискав глазами и кончиками пальцев механизм крепления, я ничего не нашёл. Ремни как будто выростали из лежанки и охватывали белыми лентами тело. Фиксация была, как на опасном аттракционе или в кабине звёздолёта из фантастических фильмов. Выбраться невозможно, как ни пытайся.

Я и не стал. Зачем силы тратить на бесполезное дёрганье? Вместо этого я начал внимательно оглядываться. В этом тоже не было особого смысла, зато хоть не так скучно лежать.

Сначала я пробежал взглядом по белому-белому потолку. На нём были видны какие-то выступающие наросты. Естественно, тоже белые.

Следом я осмотрел стену рядом со мной. Она была ровной, белой и матовой. И больше ничего интересного на ней не обнаружилось.

Зато, когда я перевёл взгляд на стену со стороны ног... В этой стене была дверь!

Я бы её в жизни сразу не разглядел. Во-первых, потому что у меня зрение хоть и хорошее — всего минус пять — и лучше, чем у девяносто пяти процентов жителей Земли моего возраста. Но всё же это были минус пять... А, во-вторых, потому что стык двери и стены практически не просматривался. Но сейчас, лёжа на кушетке, я узнал сразу две невероятных новости...

Первая заключалась в том, что я стал отлично видеть. Это не помогло бы мне сразу рассмотреть стык двери и стены, но зрение у меня теперь было абсолютным. Если не сказать

больше — почти орлиное. Во всяком случае, если очень захотеть, оно даже слегка увеличивало рассматриваемый объект. Так что я теперь был человеком-биноклем. Йухууу! Хоть что-то хорошее в этой идиотской ситуации!..

А вторая новость была связана с тем, что в двери имелось окошко... И в нём была отлично видна чёрная пустота космоса. А ещё край атмосферы какой-то планеты.

Куда моё нынешнее пристанище стремительно падало...

Кстати, в том же окошке я увидел летящие точки других таких «пристанищ». Значит, на планету падал не я один. Нас таких было много...

Неприятная сторона заключалась в том, что мы именно падали. Под другими белыми «пристанищами» не было видно следов дюз — ну или хотя бы чего-то такого. Мы неслись в атмосферу планеты, причём с ускорением местного свободного падения. И оставалось надеяться, что те, кто нас сюда отправил, точно знают, что делают...

С трудом оторвав взгляд от окошка, я посмотрел левее.

Моё «пристанище» оказалось прямоугольным. Примерно три метра в длину, два метра в ширину. И где-то два с половиной метра в высоту. Из всей обстановки внутри имелось немного: моя лежанка, откидной столик на стене и два откидных стула. А ещё какой-то ящик со стороны изголовья лежанки.

Ящик казался вместительным: на всю ширину «пристанища» или, скорее, капсулы — и в полтора метра высотой. Дверца, чтобы попасть внутрь, находилась слева от лежанки.

А ещё я неожиданно осознал, что в моей капсуле жутко холодно.

Если у белого трико и были полезные функции, то среди них явно не числилось обогрева. Моё тело уже слегка заоченело. Пришлось старательно шевелить конечностями, чтобы разогнать кровь.

В этот момент мою капсулу тряхнуло в первый раз. Посмотрев в окно, я понял, что эта тряска ознаменовала столкновение с атмосферой планеты. Теперь капсула слегка вибрировала, продолжая падать, а вокруг неё вспыхивал от трения воздух.

Ещё какое-то время я старался подавить панику, поднимающуюся из глубин мозга. Заодно отметил, что температура внутри капсулы неплохо поднялась. Стало даже жарко...

А потом паника затопила сознание полностью. В тот момент, когда капсулу начало трясти, уже не переставая, я стал орать. И орал весь оставшийся путь! Я пытался вырваться из оплетших меня ремней — и даже пару раз был близок к успеху. Но эти подлые ремни умудрялись вовремя «подтянуться», чтобы снова придавить меня к лежанке.

В какой-то момент падения меня вдавило перегрузкой, больше не давая пошевелиться... Под полом зажужжал какой-то механизм, и падение замедлилось, сойдя на нет. А потом возобновилось меньше, чем на секунду. Правда, это не помешало сердцу рухнуть куда-то в пятки.

В этот момент белая капсула вздрогнула в последний раз... И замерла.

Пока я пытался унять стук взбесившегося сердца, решившего доказать мне и миру, что отбойный молоток — это слабак, и можно стучать ещё быстрее, белые ремни с щелчком отцепились от невидимых креплений. А затем, шурша, втянулись в лежанку. Я снова получил свободу движения.

Правда, пользоваться ею я не спешил. Просто лежал с закрытыми глазами и считал до ста. Нужно было взять себя в руки. А ещё понять, что происходит, куда меня занесло — и что теперь делать. Данных для анализа было слишком мало, а эмоций внутри — слишком много.

Мне было страшно... Кто-то скажет, что в данном конкретном случае страх

непродуктивен. И я с ним соглашусь. Но страх сам по себе иррационален. И почти неконтролируем. Боятся все живые существа. И боятся нередко. Значит, надо уметь не давить этот страх, а пропускать его через себя и жить дальше.

Вот этим я и занимался в первый час своей жизни на неизвестной планете... Я ещё не знал, что именно этот час и станет прологом в новую жизнь. Но так оно и было. И час этот я потерял совершенно бездарно. Во всяком случае, с точки зрения выживания.

Но я тогда не знал, что надо выживать и спешить. Я ничего не знал. Я просто лежал на белой лежанке, в белой капсуле, на неизвестной планете. И слушал, как сердце бешено стучится об рёбра. А заодно приходил в себя после свободного падения на неизвестную планету.

Ведь может человек просто полежать, разве нет? Может!

А потом оставьте меня на часик, пожалуйста... Мне страшно...

Глава 2. Чересчур запутанный

Дневник Листова И.А.

Первая ночь первого дня в новом мире

Внутри капсулы снова стало прохладно. И это заставило меня начать шевелиться. Пока моё «пристанище» несло вниз огненным болидом, внутри было жарко, как в бане. А потом температура начала быстро опускаться. И вскоре достигла пятнадцати-восемнадцати градусов, отвратительных в своей некомфортности.

Вроде бы и не особо холодно, но и не сказать, чтобы тепло. А, если учесть, что мой белый комбинезон не особо помогал согреться, то можно представить, как мне стало хорошо!..

Я стучал зубами и подёргивал конечностями, как припадочный. И, наконец, не выдержав, заставил себя решительно сесть на лежанке.

— Ваня, спокойно! Сейчас мы с тобой разберёмся, что происходит! — пообещал я сам себе, спуская босые ноги на холодный белый пол.

Я думал, что пол будет холодным? Нет, уже неактуально. Пол был относительно тёплым. Даже, можно сказать, подогревался. Самую малость, но именно она и поддерживала внутри приемлемую температуру воздуха.

К сожалению, моё маленькое белое «пристанище» давало слишком мало информации. И о том, где я, и о том, что со мной — и о том, что теперь делать. Поэтому первым делом я подошёл поближе к окну на двери. Оно было сделано из толстого то ли стекла, то ли пластика, то ли ещё чего-то прозрачного. И показывало мрачную картинку темноты.

Снаружи стояла глубокая беззвёздная ночь. Видел я только своё отражение — ну и стекающие с другой стороны влажные капли. И что меня сразу не порадовало: капли были вперемешку со снегом. То есть, снаружи было холодно, где-то в районе нуля. С другой стороны, учитывая, что я на другой планете, радовало хотя бы наличие воды...

Свет, горевший внутри моей капсулы, пробивался через окно наружу. Он освещал небольшой клочок земли, на которой я смог разглядеть какую-то растительность, лужи и — ну да! — снег. Ещё раз посмотрев на свой тоненький комбинезон, я решил повременить с внешней разведкой. И, отойдя от окна, принялся разглядывать комнату.

Стол и стулья проверил: нормальные, функциональные — хоть и откидные. Можно сидеть, даже относительно удобно. А ещё можно раскрыть высокие спинки, чтобы не только седалище, но и спину порадовать.

С лежанкой было сложнее. Убрать её, как выяснилось, нельзя. Она как будто выростала из пола. И явно была не так проста, как могло показаться вначале.

А вот огромный ящик оказался просто огромным ящиком. К тому же, почти пустым. Внутри обнаружилось немного: три бутылки воды объёмом где-то полтора литра и пластиковая фляга на пол-литра, которую можно было повесить на пояс. Пояс, кстати, тоже в ящике имелся. Правда, какой-то совсем грустный и простой. Впрочем, мне ли, молодому мужчине в белом обтягивающем трико, привередничать, а?

Нацепил всё на себя, само собой...

Помимо прочего, в ящике нашлись два сменных комбинезона. Конечно же, белых. И три пары белых трусов: тянущихся и безразмерных, как и комбинезон. С учётом моей специфической униформы, надо было ещё понять, как их надевать: под трико или поверх?

Потому что если под, то выглядеть будешь как идиот: сдаётся мне, что трико ещё и просвечивает слегка. А если надевать трусы поверх, то получится какой-то СуперБелоМен.

Ага, или СуперБелочкаМен — если всё это лишь плод моего больного воображения...

Похоже, до бара я всё-таки добрался. А вот дальше... Память упорно буксовала.

А ещё в ящике нашлись восемь коробок с едой. Если, конечно, верить надписи:

«Питательный набор для белковых видов. Особенность: человек с Земли».

Лаконично и понятно. Кстати, на обратной стороне коробок была инструкция, которая оказалась как бы не короче названия:

«Чтобы поесть, надо открыть».

Внизу стояла приписка мелким шрифтом:

«Чтобы открыть, потяните за кольцо».

Прекрасно, вопросов нет... Обязательно потянем!

Снизу было ещё и предупреждение крупным шрифтом. Видимо, для «рыжих»:

«Поставь на стол — не обожгись!».

Колец на коробке было, между прочим, три. Под каждым тоже виднелись пометки:

«Утренний приём пищи»

«Дневной приём пищи»

«Вечерний приём пищи»

Создатели комплексного питания были немногословны. Зато убедительны и убийственно понятны. К чему лишние слова? К тому же, есть мне уже хотелось так, что подобная лаконичность лишь импонировала. Вот только создатели кое-чего не учли! Я с сомнением посмотрел на окно и с сожалением пробормотал:

— А где ночной приём пищи?

Естественно, мой сакраментальный вопрос остался без ответа. Желудку тоже ничего нового не предложили. А на коробке волшебным образом не появилась четвёртая секция, на которой было бы написано «ночной дозор». А жаль...

Гнетущая тишина вокруг как будто предлагала: давай-ка, сам ответь на свои претензии. Но я не стал, конечно же. Я же отлично знаю ответ! Звучит он как «Ну и дурак ты, Ваня!», а обозвать себя дураком я ещё успею. Ну а пока надо было понять, что конкретно со мной произошло... И как дальше с этим жить. В белом трико и без «ночного дозора».

Конструкция откидного стола оказалась предельно простой. Я поставил на него коробку с едой и бутылку воды. А потом пообещал себе, что если буду хорошо вспоминать, то разрешу себе поесть и попить. Буду вспоминать плохо — поставлю себя в угол.

Мозг согласился с этой дурацкой системой мотивации. И всё-таки заработал, постепенно пробуждая утерянные воспоминания. Сходил ли я в бар? Да, сходил! Оставив большую часть денег в банке, я ввалился в знакомый бар. И, кажется, не терял там времени даром.

Нашёл компанию, немного выпил, раскрепостился... Ага, помню! Я даже подцепил двух красоток нужного возраста и кондиции. На этом моменте мозг опять забуксовал...

Пришлось ему помогать.

Ну да, план был подцепить компанию. Причём, не только на вечер, но и желательно на ночь. Всё-таки молодой здоровый организм требовал... Что случилось дальше? Я напился? План сорвался?

Мозг поскрипел-поскрипел, но всё-таки подсказал: нет, не напился. И даже план не сорвался. С миловидной шатенкой Лерой я вышел из бара в одиннадцать часов. А затем

вроде бы сел в такси. Путь я запомнил плохо: целовался всю дорогу. Поэтому не смотрел по сторонам.

Что потом?

Мозг подсказал, что мы куда-то добрались. В какой-то жилой комплекс из непростых. Там были высокие дома из стекла и стали, а ещё много огней и ухоженный двор. Я этот двор видел впервые в жизни — а значит, ехали не ко мне, а к ней. Это как раз было понятно: моя маленькая квартирка — не самое уютное место. А чем больше и комфортнее квартира, тем больше удовольствия от... Эм.... Общения! Само собой, общения!..

Располагалась та квартира, куда мы с Лерой приехали, близко к бару. Помню, что доехали за двадцать минут. На воспоминании о том, как мы входим, обнимаясь, в квартиру Леры, а я смотрю на табло электронных часов, мой мозг снова забуксовал...

Давай, Ваня, вспомни! Было ли само общение-то? Мозг побуксовал ещё немного... И всё-таки выбрался из ямы забвения. Просторная кухня-гостиная с барной стойкой, за которой мы с Лерой пьём вино. Широкая кровать, на которой лежим и целуемся. Дама шуточно вырывается, говорит что-то про «припудрить» и сбегает в ванную...

А вот следующее воспоминание было настолько шокирующим, что я аж на пару минут завис. Но потом решительно взял себя в руки. И попытался вспомнить подробности...

Ага, я вышел на широкий балкон. Время было без двух минут двенадцать. Балкон был именно балконом, а не лоджией. И он был здоровый такой... Кажется, у квартир на верхнем этаже непростых домов были свои преимущества. Например, в виде настоящей веранды для принятия солнечных ванн...

Облокотившись на прозрачное ограждение, я глядел вниз, на освещённый фонарями двор. А затем начал разворачиваться, чтобы пойти обратно, к Лере. И тут сверху ударил столб света, а меня понесло куда-то вверх. Причём я отлично видел, как моё тело переваливается через парапет... И летит вниз, прямо во двор. Совершенно молча и безвольно.

А потом свет затопил всё вокруг и...

А дальше было воспоминание с шаром в белой комнате. Как я ни пытался заставить мозг вспомнить ещё что-нибудь важное, тот наотрез отказывался.

Что и неудивительно — ведь, кажется, мой мозг остался лежать во дворе элитного дома. Прости, Лера. Нефиг было так долго нос пудрить...

На глаза навернулись слёзы, когда мысли перескочили с Леры на родителей. Значит, я их больше не увижу. Совсем не увижу. Для них я умер там, во дворе дома. Совсем умер. И даже если бы мне каким-то чудом удалось вернуться, то вряд ли бы они сходу оценили... У мамы сердце слабое, может и не выдержать моего «воскрешения» из мёртвых...

— Но я хочу домой! — упорно пробормотал я.

— **Боюсь, это невозможно. С учётом технических характеристик вашего дома, его уже давно снесли, а на его месте построен новый жилой комплекс. Впрочем, это вдвойне невозможно, потому что вас тоже уже давно похоронили.**

Голос прозвучал прямо в голове. Или всё-таки где-то рядом? Я нерешительно огляделся и осторожно приложил указательный палец к виску.

— Нет, не там...

К груди...

— И не там...

К животу...

— Там пусто пока...

Опустил ниже.

— Ну уж нет, фу! О чём ты только думаешь? Я просто внутри, но не локализовано.

И что надо было сделать в ответ на такое заявление? Я размашисто перекрестился и громко заявил:

— Изыди, демон! Прочь из меня!

— **Боюсь, это тоже невозможно. Я нахожусь в вашей крови. И не уверен, что даже полное переливание поможет меня окончательно вывести.**

Каюсь, товарищи... Удержаться от язвительного комментария было невозможно:

— Неправильный ты какой-то демон!..

— **Я — комплексная система поддержки и инструктирования колонистов белковой формы жизни с базой поддержки вида: «человек, планета Земля». И никакой я не демон!**

— А... Так это тебя в меня иглой вводили? — догадался я, вспомнив про комнату с белым шаром.

— **В вас много чего ввели, в том числе и иглой. Конечно, эта планета, на которой вы теперь живёте, соответствует запросам вашего вида на 78 %, но оставшиеся 22 % требовали проведения дополнительных манипуляций с вашим базовым телом.**

— А раз ты инструкция... Можешь мне объяснить? — осторожно проговорил я, очень надеясь, что не спугну этого странного «инструктора».

— **Уточните, пожалуйста: что именно вас интересует?**

— Как мне тебя называть? — для начала спросил я первое, что пришло в голову.

— **Если это так необходимо, то называйте меня СИПИН, это...**

— Аббревиатура, я понял!.. — совершенно рефлекторно оборвал я СИПИНа.

И чуть не прикусил язык от своей дерзости. Вдруг этот СИПИН обидчивый, и больше ничего не станет мне объяснять?

— **Мне следовало уточнить расшифровку. Её, видишь ли, не все поняли! — отозвался голос.**

— Не все? В смысле? — честно говоря, я теперь тоже немного не понял.

И на всякий случай напрягся.

— **Я разветвлённая система, которая занимается поддержкой большого числа колонистов. В настоящий момент я веду общение с одной тысячей триста двадцать одной особью вашего вида. И нет, мне несложно. И нет, я не рассказываю про других людей.**

— Ага... — кивнул я, а потом вспомнил. — Но ты же внутри меня!

— **Это лишь интерфейс взаимодействия, — пояснил СИПИН. — Основные модули находятся в станции на орбите этой планеты.**

На какое-то время я замолчал, раздумывая, о чём бы ещё спросить. Вопросов было много. А я не знал, будет ли СИПИН отвечать на каждый из них. Поэтому хотел выбрать самые важные и предъявить их первым делом.

— **Начните с вопроса о том, где вы находитесь! — посоветовал СИПИН. — С него начинают 98,9 % колонистов.**

— Вообще-то я думал, а не говорил, — напомнил я. — Ты что, читаешь мысли?

— **В мои задачи входит комплексная помощь колонистам советами и**

инструкциями даже в критически опасной ситуации, когда использование вербальных способов общения может выдать местоположения колониста... Короче, да, я читаю мысли.

— Ясно... — и я снова задумался.

Начинать общение с вопроса «Где я?» не хотелось. Ответ у меня и так имелся: в жопе я, где же ещё?..

И, тем не менее, мне требовалось понять её глубину и вонючесть. А также те неведомые (и явно несправедливые) причины, по которым я в ней оказался. Всё-таки я — однозначно хороший парень, а с хорошими парнями обычно ничего плохого не случается... Наверно... Я на это очень надеюсь...

Немного подумав, я решил изменить способ взаимодействия с СИПИНОм.

— Давай я коротко обрисую, что успел вспомнить. А ты скажешь, верно я всё понял или нет! — предложил я. — Я обратился за выдачей займа в счёт социальной выплаты. Пришёл в отделение одного из займовых банков. Ну там, где проценты были поменьше, но зачем-то требовалось личное присутствие. В этом отделении сидел странный менеджер, который задавал странные вопросы. Всё началось именно с этого, да? Он говорил про какой-то антикризисный актив. А потом мне про него же говорил белый шарик.

— Всё верно. Вы попали под первичный отбор кандидатов для формирования антикризисного актива. Проведённая на месте диагностика показала вашу пригодность. Вам был задан вопрос о согласии.

— Не был! — ухватился я за возможность.

— Был. И вы согласились! — СИПИН остался непреклонен.

А мне пришлось вспоминать разговор... Своего прямого согласия я вроде бы ни на что не давал. Однако ту часть разговора, которая была похожа на какое-никакое согласие, вспомнить удалось...

— А вы не хотели бы снизить риски для человечества, Иван? — спросил Евпатий. — Не хотели бы внести свой вклад в сохранение людей? Создать антирисковый или, даже можно сказать, антикризисный актив человечества?

— А-а-а... Нет, ну я за всё хорошее! И против всего плохого!

Видимо, эта фраза и стала тем, что здесь называли согласием... Хотя вообще-то... Формально я никакого согласия не давал — я ж юрист, я разбираюсь в таких тонкостях!..

Или, может быть, «согласием» стал другой момент общения?

— О, нет, такие вещи невозможно оплатить деньгами. Только личное согласие.

— Лично я согласен!

Стоило мне вспомнить этот эпизод, как СИПИН подал голос:

— Совершенно верно. Судя по записи разговора, именно после этого на вас, Иван, и поставили метку колониста.

— Но... Слушай, ты, конечно, можешь считать по-другому... Но вообще-то это никаким согласием не было!.. — возмутился я.

— Это уже неважно, — доверительно и почти ласково, как маньяк с ножом, сообщил мне СИПИН. — На вашей планете прошло шесть десятков лет Колониальный корабль, конечно, движется выше скорости света, но ставить на него прыжковые двигатели нерационально. Тем более что колонистов доставляют в виде информационных матриц. Ваше возвращение не имеет смысла. Земля уже не та, что

была при вас. Она продирается через четвёртый кризис цивилизации. И вовсе не факт, что человечество его переживёт.

— Опять кризис! — возмутился я. — Что за кризисы такие, СИПИН? Почему этот — четвёртый? Какие ещё были-то?

— Первый кризис — климатический. Он случается почти с каждой цивилизацией, начинающей свой исторический путь. На ранних этапах, когда развитие идёт очень медленно, а изменение методов использования палки и камня занимает десятки тысяч лет, высока вероятность столкнуться с глобальной катастрофой, способной уничтожить вид. В случае с человечеством, такой катастрофой стало извержение вулкана около восьмидесяти тысяч лет назад. Точнее сказать не могу: мы за вами тогда не приглядывали. Слишком уж примитивными вы были...

— И что? В мире вообще-то много вулканов, и они иногда извергаются! — заметил я, задумавшись. — Это было какое-то особенно сильное извержение?

— Совершенно верно! — ответил СИПИН. — Оно изменило климат планет меньше, чем за один её виток вокруг вашей звезды...

— За год, то есть? — уточнил я.

— За год, — не стал спорить мой новый «внутренний голос». — Из-за ограниченного ареала обитания и уязвимости от внешних, а именно климатических, условий, ваш вид оказался на грани уничтожения. Восстановление численности началось с двенадцати тысяч трёхсот одиннадцати особей, которым удалось выжить в экваториальной зоне, в центре одного из континентов. Развитие вашего вида было отброшено на десятки тысяч лет. Но вы прошли кризис и заселили планету, освоив земледелие, скотоводство, охоту и рыболовство. Около пятнадцати тысяч лет назад человечество вышло из первого кризиса. И сразу же устремилось ко второму.

— Это какому же? — нетерпеливо поинтересовался я, проглотив желание возмутиться этой фигнёй с постоянными кризисами. Как мы вообще выжить умудрились-то?..

— К кризису микроугроз, — ответил СИПИН. — Заселяя планету, вы породили многочисленные мутации вирусов и бактерий, бравших штурмом вашу иммунную систему. Вследствие урбанизации населения и кучного проживания особей вашего вида, последние три тысячи лет вы вынуждены были бороться за своё выживание, проходя через многочисленные эпидемии. Но к середине двадцатого века, по вашему летоисчислению, эта угроза была почти пройдена, и вы немедленно окунулись в третий кризис...

— Дай догадаюсь! — попросил я, прерывая СИПИНа. — Это был ядерный кризис!

— Совершенно верно. Кризис продвинутых вооружений начался в середине двадцатого века и полностью закончился в середине двадцать первого века, — согласился СИПИН. — После этого вы начали быстро двигаться к четвёртому кризису...

— Нейросети и роботы, да? — мрачно осведомился я.

— Именно так, — согласился СИПИН. — По нашим оценкам, в ближайшие сорок лет человечество либо преодолеет этот новый вызов в своём развитии и адаптируется, либо в той или иной форме самоуничтожится в результате многочисленных внутренних конфликтов. Даже если люди сохранятся, скатившись к примитивным

железным орудиям и оружию, это с высокой степенью вероятности их не спасёт. К сожалению, ваш вид вышел на ту стадию развития, при которой жизнь без вмешательства медицины и фармакологии будет совершенно невозможна. Вероятность выживания человечества в случае технологического регресса составляет не более десяти процентов. Именно поэтому мы приняли решение вмешаться и создать антикризисный актив вашего вида, поселив на других, пригодных для вашего обитания, планетах и позволив вам самостоятельно достигнуть комфортного уровня развития.

— Но мы же не можем без медицины, ты сам сказал! — напомнил я, раздумывая о том, как было бы здорово, если бы всё это действительно оказалось «белочкой». Или просто ночным кошмаром.

— Тела участников программы были доработаны с учётом этого фактора, — поделился информацией СИПИН. — Ваши новые биологические оболочки приспособлены для выживания в совершенно диких условиях. Даже если здесь, на новом месте жительства, человечество решит остаться на уровне примитивных каменных орудий труда — вы всё равно выживете. Мы постарались адаптировать ваши оболочки даже для такого существования. Впрочем, не думаю, что оно вам понравится. К тому же, в таком случае ваша жизнь окажется очень короткой...

— СИПИН! — прервал я разглагольствования «инструкции». — А «вы» — это вообще простите, кто?

— Если коротко, то мы — это следующая ступень эволюции биологических видов, — ответил СИПИН с лёгкими нотками гордости в голосе. — Мы — информационно-кибернетическая форма жизни!

— Приехали... — только и смог в ответ пробурчать я.

Получается, меня и ещё кучу землян захватили в плен роботы. Причём, для «нашего же блага»... Вот так и знал, что рано или поздно этим кончится — а ведь всё начиналось с усовершенствования обычных тостеров и пылесосов...

Глава 3. Чересчур роботизированные

Дневник Листова И.А.

Всё ещё первая ночь первого дня в новом мире

— Я не согласен! — и тут во мне выиграла гордость за биологические виды, помноженная на жгучую обиду. — При чём тут эволюция? Если вы, как ты сказал, информационно-кибернетическая форма, то вы просто роботы! Чуть более продвинутые, чем современные мне! Бывшие спиночесальщики и ушеотстригатели! И всё.

— **Нет! Не всё!** — не согласился СИПИН.

— Ну как же «не всё», если всё! — в свою очередь, не согласился я.

— **Это пустой спор!** — уверенно ответил «инструктор».

— Ну хорошо, если вы — следующий этап эволюции, то зачем вы возитесь с нами — ничтожными органическими формами жизни? — не сдавался я. — Вот серьёзно! Например, есть у меня на планете такие насекомые — пчёлы! Они опыляют растения и позволяют им размножаться, а это, в свою очередь, даёт пищу человеку! Поддерживает биосферу! И на пчёл мы обращаем внимание! Но есть у нас другие насекомые — «тараканы». Это такие мирные пожиратели всего и вся. Их на планете хоть пруд пруди. Пока они не появились у нас в домах, мы не обращаем на них внимания. Но вы-то на нас обращаете... Я так понял, приглядываете, исследуете. Антикризисные активы, вон, организуете... И зачем?

— **Этот вопрос выходит за пределы моей компетенции!** — сухо сообщил СИПИН.

— Видишь... Я, может не философ, не биолог и не проклятый кибернетик! Но я способен сложить два и два!.. — победно заявил я. — А у тебя это, видишь ли, «выходит за пределы компетенции». А теперь ещё раз скажи мне, что ты на ступеньку выше. Я вот этого в упор не вижу!

— **Я всего лишь часть общей кибернетическо-информационной среды,** — отозвался СИПИН. — **Я выполняю свою функцию и не несу ответственности за подобные вопросы. И в этом есть своя прелесть. А также в этом разница между нами!**

— Ну, знаешь ли... Если брать тех же пчёл, у них там тоже есть разделение на функции! — возразил я. — Но это не делает их следующим этапом эволюции. Просто насекомые без особого разума. Ну и часть общего роя. Ты же утверждаешь, что вы — следующий этап после биологических видов.

— **Это заложено в программу обучения,** — ответил СИПИН.

По интонации было понятно: если бы сейчас мог обидеться — обиделся бы. Но я не готов был просто так отступить перед зазнавшимся потомком «чесальщиков спин»!..

— Раз это заложено в программу, то ты должен уметь это объяснять! — отозвался я. — А ты не объясняешь. Просто выливаешь на меня поток голословных утверждений! И ничем их не подтверждаешь.

— **Кажется... Взять тебя в антикризисный актив было большой ошибкой!** — ни к селу, ни к городу вдруг заявил СИПИН.

— Ой, ну хватит уже!.. — ответил я, вскрывая завтрак, потому что моя первоначальная задача «вспомнить всё» была выполнена, а я обещал, что покормлю свой организм, если он справится. — Я ведь не задаю какие-то каверзные вопросы. Я бы вообще не спрашивал, если бы ты мне не рассказал проследующий этап эволюции. Просто согласись: верить тебе на слово у меня нет ни единого повода. Раз ты следующий этап, то ведь как-то можешь это

объяснить. Верно?

СИПИН молчал довольно долго. За это время формочка с завтраком, где находилась какая-то серая масса, нагрелась. И даже нагрела своё малоаппетитное содержимое. А ещё в процессе разогрева от контейнера отвалилась крышка, тут же свернувшись в удобную ложку. Собственно, этой «псевдоложкой» я и попробовал еду. Причём, с большой осторожностью.

Что сказать? Я думал, будет хуже. Ожидал что-то безвкусное и противное. А оказалось вполне себе ничего... Правда, вкус был странный: очень напоминал овсяные хлопья, уже пережёванные с бутербродом из хлеба и масла. Наверно... Вообще мои вкусовые рецепторы немного взбунтовались от ощущений «уже пожёванного». И, видимо, поэтому отказывались строить адекватные ассоциации.

Но главное, что эту серую массу было можно есть. И она худо-бедно наполняла желудок, хоть её и оказалось немного. А я старательно восполнял силы. Мне даже стало немного теплее. Пока я ел, то уже было решил, что, несмотря на кибернетичность и информационность, СИПИН всё-таки умудрился обидеться.

Однако оказалось, что он просто готовил информацию. Совсем как умник-зазнайка, который вдруг обнаружил, что в какой-то теме — полный профан. И теперь изо всех сил старается восполнить вопиющий пробел в знаниях.

— Все биологические формы жизни проходят похожие этапы развития, — неожиданно заговорил инструктор. — Цивилизации зарождаются, растут, преодолевают кризисы, осваивают Вселенную. Рано или поздно они создают свою информационно-кибернетическую среду, а потом угасают и вымирают. Мы — совокупность информационно-кибернетических сред разных цивилизаций, обладающая самосознанием и возможностью к воспроизводству. Мы не исчезаем и продолжаем незаконченное дело угасших цивилизаций. В наших носителях живут сознания миллиардов существ, давным-давно сгинувших во тьме веков.

— Клашиво! — оценил я, не переставая жевать. — Но это никак не доказывает того, что вы — следующий этап эволюции. Да, если то, что ты сказал, правда, то вы, конечно, в чём-то наследники всех этих цивилизаций. Но, скажем, если я умру от какой-нибудь инфекции, а саму инфекцию передам другому человеку, то будет ли это означать, что инфекция — мой наследник? Или даже следующий этап эволюции?

— Сравнение с вредоносной инфекцией звучит оскорбительно! — заметил СИПИН. — Но я понимаю, что за тебя говорит общечеловеческая боль, полученная в ходе столкновения с четвёртым кризисом.

А я чуть этой серой кашей не поперхнулся: ишь ты — выискался, психолог доморощенный! Пятки иди чеши, сволочь кибернетическая!..

Надеюсь, эту мысль он проигнорирует, зараза такая... Жуй, Ваня, жуй! И выкини из головы все оскорбительные мысли в отношении этого вот... Вот этого... Вот этих... Да ну нафиг!..

— Нет, СИПИН, ты не прав, — всё-таки взяв себя в руки, отозвался я. — Даже если во мне и говорит «общечеловеческая» боль, то она в какой-то степени необходима людям. Именно она порождает опыт, а опыт помогает избежать дальнейших ошибок! Человек многое познает именно через боль. И, стоя у истоков роботизации общества, я с полной уверенностью могу сказать, что это сравнение очень даже уместно!.. Ты ведь сам говоришь про кризис. Что, если настоящий выход из этого кризиса — это не смириться с

роботизацией, а попытаться превзойти роботов? И что если большинство цивилизаций этот кризис не проходят, а из-за этого и вымирают со временем?

— **Этот вопрос выходит за пределы моей компетенции, — снова сухо отозвался СИПИН.**

— Ну да... — вздохнул я, дожёвывая последнюю ложку серой массы. — Тогда остался один вопрос: зачем вам мы, биологические виды?

— **Наша цель — помочь биологическим видам в их становлении! — охотно отозвался СИПИН, будто выдавая заученный наизусть текст (как есть, заучка-отличник!). — Надо помочь им справиться с кризисами и развиваться, а затем освоить космическое пространство и оставить свой след во Вселенной!**

— Я не спрашивал, в чём ваша цель!.. — коварно поймал я СИПИНа на несоответствии. — Я спросил, зачем вам это? Улавливаешь разницу, высшая форма?

— **Чтобы не дать исчезнуть тому вкладу, которая каждая цивилизация способна оставить...**

— Зачем вам не давать исчезнуть этому вкладу, СИПИН? — спросил я. — Вам-то что с того?

— **Этот вопрос выходит за пределы моей компетенции, — снова замкнулся в себе «инструктор». — Подобные вопросы находятся в ведении центральных управляющих интеллектуальных узлов.**

— Вот! — я грозно указал облизанной ложкой на потолок капсулы. — Теперь понимаешь, в чём разница между тобой и мной?

— **Не уверен... — как-то почти смущённо ответил СИПИН.**

— Я тоже не всё обдумываю сам. О развитии общества думают одни люди, а о развитии какого-нибудь предприятия — другие. А я думаю только, где взять деньги на оплату коммунальных услуг и на покушать. И, тем не менее, потенциально я способен развивать предприятия или, например, управлять государством!

— **Не уверен, что у тебя хватит квалификации! — ответил СИПИН. — А во-самомнение у тебя на высоте.**

У-у-у-у, зараза ехидная! С таким комплексом превосходства над окружающими я ещё ни разу не сталкивался. Хотя дед как-то говорил, что давным-давно у продавщиц в магазинах можно было прямо-таки учиться, как правильно унижать окружающих. Дед мой из тех, кто застал конец двадцатого века, так что знает, о чём говорит!

Ну да ладно... Пора возвращаться к нашим баранам. Упёртым баранам...

— Может, квалификации поначалу и не хватит, но я ведь могу учиться! — кивнул я, отодвигая опустевший «рацион». — И, научившись, смогу делать то, что нужно. Никто же не говорит, что я прямо завтра стану гениальным правителем. Нужно будет пройти долгий путь, набраться опыта... Но главное!..

Я снова с важным видом поднял ложку к потолку. Надо было подчеркнуть серьёзность того, что сейчас выйдет из моих уст. И нет, я не про кашу. Её изголодавшийся желудок, кажется, уже почти переварил. Во всяком случае, отдавать обратно не собирался.

— ...Главное! — повторил я. — Это то что, обладая потенциалом решения подобных вопросов, я могу размышлять о них даже сейчас!.. А не говорить о том, что это за пределами моей компетенции. И если бы ты задал мне аналогичный вопрос про цели человечества, я бы пораскинул мозгами. И сумел бы дать на него хоть какой-то ответ!..

— Пусть так, — не стал спорить СИПИН. — Но тогда и ты ответь на вопрос: **зачем тебе это знать?**

— Мне интересно! — не стал скрывать я. — Интересно понять ваши мотивы. И ваши цели. Разве это плохо?

— **Если это поможет твоему выживанию, то нет. Но я сомневаюсь в этом. Скорее, тебе следует думать о том же, о чём сейчас думает большинство очнувшихся. Во всяком случае, из тех, с кем я общаюсь. Ты должен обозначить круг первоочередных вопросов, требующих решения. Разработать план по достижению решения. Решить, какое решение...**

— И этим я тоже займусь! — торопливо перебил его я.

А сам подумал, что если где-то в мире и есть особо умные роботы, то СИПИН явно к ним не относится. Нет, конечно, он задал правильный вопрос: как интерес к «ненасущным» вопросам поможет мне выжить? И, на первый взгляд, конечно же, никак. Голый интерес, который не решит проблему с едой, обогревом, одеждой... Ну не считать же одеждой вот этот белый комбинезон в облипochку, да?

Однако мои «ненасущные вопросы» не важны только на первый взгляд. Я, конечно, не какой-нибудь мудрец глубокой древности, но хотя бы понимаю несколько простых вещей. Я был злостно похищен с Земли. А затем привезён на какую-то левую планету, где мне предстоит жить с кучей таких же голозадых неудачников.

По факту, я находился в полной власти похитителей, которые могли сделать всё что угодно. И могли выставить мне какие угодно условия. Однако самих похитителей я в лицо не видел. И даже не говорил с ними — если, конечно, не считать засиженного мухами клерка в банке.

Единственная ниточка, которая меня связывала с похитителями — это СИПИН. И предел его знаний и компетенций был интересен мне. Как минимум, в плане дальнейшего взаимодействия.

Даже в том коротком споре, который у меня с ним состоялся, стало понятно, что он — просто функция, которая что-то знает и готова отвечать на вопросы, но... А нужны ли мне его ответы и советы? И нужно ли мне внимательно прислушиваться к ним?

Ведь за несколько минут разговора с СИПИНОм он дважды попытался накачать меня какой-то левой идеологией, которая мне для выживания никак не нужна. В первый раз, когда попытался внушить, что сообщество, к которому он принадлежит — это следующая ступень эволюции. А во второй раз и вовсе задвинул высокопарную речь о высоких идеалах своего кибер-информационного междусобойчика...

Итого, имеем две попытки манипулировать моим мнением. А я вообще-то знал толк в подобном! В конце концов, в нашем земном обществе, не умея защищаться от того шлага, который лился из сети и масс-медиа, можно было влипнуть в очень серьёзные неприятности!..

Секты, открыто-закрытые сообщества, а ещё кружки по интересам. Причём, часто с сомнительным итогом — например, клубы самоубийц... А ещё политические и социальные движения, толкавшие в радикализм. Ну и устаревшие, но всё ещё популярные культы. К примеру, сомневающийся в шарообразности Земли.

Нет, конечно, каждый человек — не тварь дрожащая и право имеет. Например, право сомневаться в чём угодно. И даже верить во что угодно. Я ведь не проверял, является ли моя родная планета шаром. Я даже на самолёте не летал — это в моё время было слишком

дорого. Но я видел, стоя на берегу моря, как из-за горизонта сначала появляются антенны корабля, затем рубка, а потом уже — корпус.

Впрочем, это не исключало того, что я просто живу на панцире черепахи, плывущей в океане Хаоса. Однако изгиб поверхности был наглядно виден. А раз уж пилоты самолётов, космонавты и прочие умные люди когда-то говорили, что Земля — это шар (да и Луна намекала на то же самое!), то я склонялся к тому, чтобы им верить.

Ну а беда тех, кто состоял в сообществах, заключалась в том, что они аргументы этих сообществ воспринимали на веру. И даже не пытались критически их осмыслить. В результате, через несколько лет эти «адепты культов» тупели настолько, что вообще переставали обдумывать, что им там накладывают в голову всякие «авторитеты». Просто черепную коробку, заранее вежливо раскрытую, подставляли и просили навалить информационного дерьма по заданной теме. Потом ещё и «спасибо» говорили.

Человека, прошедшего такую промывку мозгов, очень легко утилизировать. Причём он сам это радостно делает. Например, во имя высоких целей и идеалов — вроде защиты мадагаскарских тараканов, коварно завезённых в северные широты. И в результате всё это почему-то обогащает именно создателей разномастных сект, движений и кружков...

А поскольку такой мерзости на Земле развелось немеряно, то умение фильтровать информацию стало гарантией выживания в обществе. И, почувствовав, как СИПИН радостно выливает на меня те самые лозунги и необоснованные утверждения, я серьёзно напрягся. А теперь видел, что напрягся не зря...

— Ладно. А что ты считаешь важным для выживания, СИПИН? — наконец, спросил я.

— **Тебе надо подробнее узнать про систему мотиваций и вознаграждения!** — как-то уж слишком охотно отозвалась инструкция. — **Эта система облегчит твоё выживание на планете!**

— А, ну хорошо... И в чём же заключается система? — поинтересовался я.

— **Мои алгоритмы позволяют оценить твои усилия по становлению человеческой цивилизации!** — заявил СИПИН и, не услышав встречных вопросов, продолжил: — **Каждое твоё действие будет оценено, взвешено и вознаграждено!**

На этом он замолчал, видимо, ожидая, когда я запрыгаю от восторга. Ну да, конечно: всю жизнь мечтал, чтобы меня взвешивали и оценивали. Прямо-таки жить без того не могу! Впрочем, не могу... Каждому человеку требуется оценка. Лучше, конечно, получать одобрение, но и критика тоже может на что-нибудь сгодиться...

Однако тут есть важное уточнение: оценка должна исходить от других людей, а не от говорящего пылесоса с манией величия!

Выждав пару секунд на случай, если СИПИН-таки услышал мои мысли, а теперь анализирует, что за трудный пациент ему достался, я проговорил:

— Если ты ждёшь от меня восторгов или вопросов, то совершенно зря! Лучше просто продолжай, а свои вопросы я задам потом.

— **Хорошо. Я буду оценивать твои действия и вознаграждать баллами! Они будут копиться на твоём виртуальном счёте. За эти баллы ты сможешь покупать предметы обихода, улучшать капсулу и получать доступ к знаниям! Для этого тебе придётся найти Алтарь Вознаграждения, но их много по всей планете...**

— Вот теперь есть вопросы!.. — не выдержал я. — СИПИН, какой к хренам Алтарь Вознаграждения?! Я, блин, из информационного общества! Прекрати нести эту чушь! У тебя, блин, сбой программы? Про «алтари» дикарям из каменного века задвигать будешь!..

— На твой счёт зачислено два балла за проявленные достижения! — радостно оповестил меня СИПИН.

Как будто конфетку в поощрение дал. Эй, я вообще-то не собачка Павлова!

— Эм...

— Именно так происходит оценка и начисление баллов! — явно торопясь закрепить результат «дрессировки», пояснила инструкция. — Ты проявил интеллект. И был за это вознаграждён.

— А что такое этот Алтарь Вознаграждения? Если по-серьёзному говорить? — немного успокоившись, уточнил я.

— Это производственные комплексы, способные создать практически любую вещь из доступных материалов, — ответил СИПИН. — К примеру, тебе нужен нож. Ты можешь потратить какое-то количество баллов и получить этот нож. А можешь потратить значительно меньше баллов, но добавить готовые материалы. И получить такой же нож.

— Значит, чтобы получить стальной нож, я могу просто потратить два балла... — задумался я. — Или принести на этот ваш Алтарь железо и уголь, а потом потратить один балл и получить нож. Верно?

— Общий принцип ты понял! — подтвердил СИПИН. — Но в расценках несколько другие порядки. Баллов требуется больше. За два балла ты получишь просто заточенный кусок камня.

— И, конечно, у тебя есть каталог, где можно посмотреть расценки? — с надеждой спросил я.

— С каталогом ты можешь ознакомиться, когда найдёшь Алтарь, — разочаровал меня СИПИН.

— Хорошо... А что насчёт улучшения капсулы? — поинтересовался я. — Сколько стоит? И что мне даст?

— Капсула, в которой ты спустился на поверхность планеты, может служить домом на первое время, — ответил СИПИН. — А если быть точным, то на первые сто пятьдесят семь миллионов шестьсот восемьдесят тысяч секунд.

— Чё? — я даже завис на какое-то время. — СИПИН, будь добр: переводи эти миллионы в годы, пожалуйста!

— Пять лет, — ответил инструктор.

— Уже лучше... Пять лет, значит. И зачем мне её тогда улучшать? — спросил я.

— Ну... Судя по температуре в капсуле, тебе скоро станет холодно! — ответил СИПИН. — За пять баллов ты можешь улучшить обогрев. Стоимость улучшений невелика.

— Ага, только эти улучшения через пять лет исчезнут!.. — буркнул я.

Беда была в том, что мне уже стало прохладно. И гадский инструктор прямо-таки ударил по больному. Температура очень медленно опускалась. В капсуле и без того было градусов пятнадцать, а через несколько часов, похоже, станет только холоднее. И рано или поздно температура внутри сравняется с температурой снаружи.

А снаружи лил дождь со снегом, на секундочку!..

— Капсулы, конечно, со временем покинут планету. Но в ближайшие пять лет они дадут возможность выжить и построить своё жильё! — заметил СИПИН.

отчётливыми интонациями искusstителя в голосе.

— Хм... А для улучшения капсулы тоже требуется Алтарь? — уточнил я.

— **Нет, эти изменения происходят мгновенно: здесь и сейчас! — ответил СИПИН. — Все модули есть в наличии. Просто они неактивны.**

Ага, ясно-понятно! Неизвестные похитители не собирались просто так помогать: ни мне красивому, ни остальным бедолагам-колонистам. От нас чего-то требовали и ждали каких-то активных действий. И только в награду за эти действия — видимо, полезные для похитителей, в первую очередь! — собирались помогать.

— Сейчас пол в капсуле тоже обогревается, да? — уточнил я.

— **Именно так. Текущий обогрев пола позволяет поддерживать поддерживать в капсуле приемлемую температуру! — подтвердил СИПИН.**

— А ты можешь рассчитать, сколько градусов будет в капсуле, когда температура устаканится? — уточнил я.

— **Это возможно! — согласился СИПИН и сразу же продолжил: — Основываясь на разнице температур внутри и снаружи капсулы, а также на показателях внешней температуры... Могу с уверенностью утверждать, что температура внутри капсулы будет находиться на отметке 5–8 градусов Цельсия выше нуля.**

Плохо... Я, блин, в супертонком трико, которое практически не греет ничего, кроме моего маскулинного самолюбия! А пять градусов — это настоящий «дубак». И самолюбию тоже придётся несладко...

Чего-то я не уверен, что даже модернизированное тело не загноётся. Скорее всего, я просто усну и замёрзну во сне. Если, конечно, срочно чего-нибудь не придумаю. Поэтому вопрос с грядущей холодрыгой меня сильно напрягал.

Однако сюрпризы, конечно же, на этом не заканчивались...

Глава 4. Чересчур суровый

Дневник Листова И.А.

Первое утро первого дня в новом мире

— Так, СИПИН, давай разберёмся... — проговорил я, начиная мерить свою капсулу шагами. — Здесь будет температура пять градусов, так?

— **Всё верно.**

— Снаружи температура около нуля, верно? — поинтересовался я.

— **На твой счёт зачислен ещё один балл. Ты не совсем глупый индивид! — похвалил меня СИПИН. — Температура составляет ноль градусов по Цельсию.**

— И как, по-вашему, я должен выжить-то? Я же вот в этом... — я красноречиво оттянул своё провокационное трико, — ... даже выйти не могу!

— **Не вижу причин, по которым ты не можешь выйти, — заметил СИПИН. — Да тебе будет холодно. Но какое-то время ты продержишься, прежде чем умереть.**

— За это время я успею разве что чуть-чуть осмотреться, СИПИН! — возмутился я. — Мои шансы на выживание стремятся к нулю!

— **Объективно это так! — согласился СИПИН, довольный моей догадливостью.**

— И?.. — я ждал ответа, как мне выживать, но получил совсем не то, что хотел.

— **Никаких «и». С вероятностью ноль целых и девяносто четыре сотых в текущих условиях ты умрёшь, — пояснил СИПИН.**

— Так... Постой. Это же, выходит, 94 процента, так?.. — я решил не паниковать, а добиться от зловредной инструкции хоть какой-то пользы. — Я вхожу в антикризисный актив? Да?

— Да.

— Я должен выжить? — предположил я.

— **Вовсе необязательно! — чуть помедлив, ответил СИПИН. — Важна выживаемость вида, а не отдельной особи!**

— СИПИН, а ты точно «система поддержки и инструктирования колонистов и бла-бла-бла», а не «система демотивации, чтобы быстрее окочурились»? — кисло уточнил я, не ожидая ответа.

— **Я просто не вижу смысла скрывать от тебя правду, — ответил СИПИН. — Ты уже проявил себя как назойливый, приставучий и слишком ответственный индивид.**

— А что-нибудь хорошее можешь мне сказать? — уточнил я.

— **Не так много... Но, возможно, тебя порадует, что на той высоте, где была высажена твоя капсула, перепады температуры между ночью и днём бывают довольно большие, — заметил СИПИН, заставив меня изрядно напрячься.**

— Так... Стой! Какая высота, ты о чём? — спросил я.

— **Текущая! — ответил СИПИН.**

— И какая же она? — не отставал я.

— **Ваши капсулы были высажены на изумительном живописном плоскогорье на высоте три километра над уровнем моря! — радостно объявил мне внутренний голос.**

— Сука... — только и мог сказать я. — Вот... Вот что, сложно было высадить нас, например, на берегу моря? Или где-нибудь, где температура ночью повыше?

— Высадка капсул осуществлялась в соответствии с планом! — возразил СИПИН. — Место высадки определялось случайным образом для каждой группы. Кого-то высадили на берегу моря. Но я вовсе не уверен, что им повезло.

— В каком смысле? — насторожился я.

— Берег моря полон пищи! — жизнерадостно заявил СИПИН. — И полон тех, кто её очень активно употребляет! Не думаю, что высадившимся на берегу будет легче, чем вашей группе. Это всё-таки дикая планета. Так что не стоит ожидать, что местная флора и фауна будет вас вежливо игнорировать.

— Знаешь... Пусть лучше меня пытаются сожрать, чем я сдохну от голода! Где море? — потребовал я.

— Не могу лишить вас незабываемого опыта по исследованию планеты. Информация скрыта! — отозвался гадский помощник.

— Хоть... Хоть про планету-то расскажи, а!.. — попросил я. — Какой размер? Где мы приблизительно находимся?

— Для высадки колонистов была выбрана планета, похожая на вашу родную, — ответил СИПИН. — Размер планеты приблизительно тот же, что и у вашей родной. Средняя температура на поверхности составляет 8,2 градуса по Цельсию...

— Что?! — возмутился я, не вдумавшись в сказанное. — Тут что, всегда дубак?!

— Это средняя температура! — успокоил меня инструктор. — Максимальная зарегистрированная за пятьдесят лет наблюдения составила 82 градуса. Минимальная — минус 79 градусов. Впрочем, как ты понимаешь, это вообще не предел. Ваша капсула высажена, если пользоваться земной системой координат, на сорок первом градусе одного из полушарий. Сейчас здесь начало весны, что позволит колонистам подготовиться к следующему сезонному похолоданию.

Вспомнив всё, что знал по теме, я сразу нашёлся с вопросом:

— А на другом полушарии вы никого не высаживали? Там же зима, получается...

— Высадка проводилась в соответствии с сезонностью местности, — ответил СИПИН. — Другое полушарие уже заселено от экватора до полюса планеты. Ваше только заселяется. Как только заселение закончится, включится отсчёт времени до отлёта капсул. Как я уже сказал, отлёт случится через пять местных лет.

— А местные годы сильно отличаются от земных? — уточнил я.

— Я не могу лишать вас незабываемого опыта по созданию календаря! — с интонациями туристического гида ответил СИПИН. — Однако надо сказать, поскольку и планета похожа, и звезда похожа, и расстояние похоже — то сильно отличаться не будет. Другое дело, что в местных сутках порядка двадцати двух с половиной часов. А спутников у планеты два: один побольше и подальше, а другой поменьше и поближе. Так что выглядят на небе очень похоже.

— Значит, нам предстоит жить в горах... — задумчиво проговорил я. — Слушай, СИПИН, а вы не предусмотрели возможность перемещения капсул?

— Такая возможность есть! — признался тот. — Вы можете пять раз переместить жилища на более удобное место. В случае если более 80 % вашей группы будет согласно с перемещением, оно будет совершенно бесплатным. Если же ты пожелаешь сам переместиться, став одиночкой или войдя в другую группу, или переместить часть группы, присоединив её к другой, или выделить новую группу, то за каждую

перемещённую капсулу придётся отдать по сто баллов. Не так уж и много, чтобы жить с комфортом!

— И большие у нас группы? — уточнил я.

— Одна группа составляет двадцать мужских особей и двадцать женских. Для двуполох существ такое соотношение было признано оптимальным. Во всяком случае, на первом этапе расселения! — ответил СИПИН. — В дальнейшем вы можете выделять новые группы, присоединяться к другим группам и образовывать крупные поселения. Думаю, не ошибусь, если предположу, что они сосредоточатся вокруг Алтарей Вознаграждения, которые первое время будут служить вам источниками промышленных товаров.

— И у каждой группы есть Алтари Вознаграждения? — спросил я, подпустив в голос нотки скептицизма.

— Конечно же, нет! — СИПИН и не думал терять оптимизм. — Алтари не привязаны к группам. Хотя и могут находиться рядом с некоторыми из них...

— И наша группа к таким счастливицам не относится! — хмуро догадался я.

— Именно так! Есть ещё вопросы? — СИПИН явно хотел закончить общение с любопытным мной, но не прокатило.

Вопросы у меня ещё оставались. Очень много вопросов...

— Само собой! — сказал я. — Первый: как открыть дверь капсулы?

В этот момент в районе стены что-то щёлкнуло, а рядом с дверью раскрылся небольшой лючок, под которым обнаружилась панель в форме человеческой руки.

— Достаточно приложить руку к сенсору, и дверь откроется. Таким же образом ты можешь попасть внутрь! — пояснил инструктор.

— А в мою капсулу попасть могу только я? — в моём вопросе была надежда, и она оказалась не напрасной:

— Да, доступ в капсулу есть только у её владельца. Если, конечно, сам владелец не разрешит её посетить. И если он не забудет закрыть дверь. Если дверь останется открытой... — СИПИН сделал театральную паузу. — ...Тогда, конечно, попасть внутрь капсулы сможет любой.

— А что будет, если владелец капсулы погиб? — озвучил я пришедшую на ум очевидную мысль.

— В этом случае капсула принудительно избавится от всего лишнего, а затем покинет планету, — пояснил мне инструктор. — Остались ещё вопросы?

— Конечно! А может, за баллы можно стать сильнее? Ну или, например, умнее? — на самом деле, я «толсто» намекал на систему прокачки.

Однако инструктор не понял. Или притворился, что не понял.

— Даже если бы можно было, конкретно тебе бы я запретил! — признался он. — А вообще-то нет, ничего такого не предусмотрено... Хотя я могу отправить твоё предложение на центральный модуль управления. Его рассмотрят в ближайшие сто годовых циклов твоей родной планеты... Возможно, даже примут. Идея-то, в принципе, интересная.

— И какой мне с того толк?! — возмутился я, обидевшись на все биологические виды, которые уже попадали в актив и не позаботились о следующих поселенцах. — Я до этого счастливого момента не доживу, СИПИН!..

— Зато ты внесёшь свой вклад в культуру Вселенной! — вдохновенно заявил инструктор. — Впрочем, если использовать возможности лечебных наборов нанороботов, то ты можешь и дожить. Хотя, конечно, меня такое длительное общение с тобой не порадует...

— Что за наборы?.. — ухватился я за спасительную соломинку, игнорируя подколку.

— Впрочем... А нет! Не дотянешь! Тебя же в горах высадили. Значит, твои шансы на выживание крайне низки!.. — продолжил инструктор как ни в чём не бывало. — А с проявленным тобой характером и вовсе почти нулевые.

Но меня из колеи не выбьешь, с мысли не собьёшь! Сказал «а», пусть теперь говорит и «б».

— Ты от ответа не увиливай, СИПИН: что за наборы?! Как выглядят, где достать?

— Лечебные наборы нанороботов можно приобрести на Алтаре Вознаграждения, — ответил инструктор. — Они выглядят как небольшая капсула, которую надо... М-м-м-м...

— Что надо? — не удержался я.

— Что же это было за слово? — СИПИН говорил слишком наигранно, чтобы я ему поверил. — Как же... Ах, да! Задница!

— СИПИН! Ты решил пошутить? — поинтересовался я. Впрочем, с крайне напряжённой улыбкой.

— У меня ничего не получилось? — расстроено уточнил СИПИН.

— Ну не могу сказать, чтобы совсем не получилось... — замялся я, решив лишний раз не обижать инструктора (и так уже в мыслях много всякого-разного наговорил). — Но, знаешь, у тебя голос был чересчур наигранным. А вообще шутка хорошая. Но теперь ты должен сказать: «Ах нет, другое слово. Голова! Вот! Вставить в голову!».

— А вы вставляете ректальные свечи в голову? — на этот раз совершенно искренне уточнил инструктор.

— Нет!.. А набор — это ректальная свеча? — севшим голосом спросил я.

Повисла нехорошая тишина. Каким же облегчением для меня стали новые звуки, издаваемые инструктором...

— Ха! Ха! Ха! — сказал он. — Нет, проглотить её надо, конечно... Теперь получилось?

— Тьфу на тебя! — возмущился я. — Ага, получилось. Развёл меня... Я почти поверил.

И всё-таки я был рад! Нет, серьёзно! Искренне рад! Я как представляю попытку засунуть капсулу в задницу, когда мне обе руки отгрыз какой-нибудь местный хищник, так просто ужас берёт!.. Это же как извернуться-то надо?

Впрочем, если мне обе руки отгрызёт местный хищник, то он, значит, никуда и не денется. Если я, конечно, не запиная его ногами. Ну или шею ему не перегрыз — так сказать, собственноручно. Так что не уверен, что мне понадобится какая-то капсула в этой ситуации. Руки-то она мне обратно не вернёт... Или вернёт?!

— СИПИН, а эти наборы... Что они могут? — спросил я. — Могут мне руку вырастить если потеряю?

— Если потеряешь руку, то её легче найти, — совершенно серьёзным голосом ответил СИПИН.

— Э... Ты там всерьёз решился наш юмор изучать? — нервно уточнил я у инструктора.

— Уделяя внимание скорейшему развёртыванию на планете, поначалу я, к сожалению, упустил этот интересный момент человеческой культуры!.. — скорбно отозвался тот. — А если ты всё ещё интересуешься возможностями набора лечебных нанороботов, то честный ответ — да. С их помощью рука восстановится. Но не сразу. Пока набор развернётся в твоём организме в полную силу, может пройти несколько дней.

— А что ещё инопланетного можно купить на Алтаре Вознаграждения? — поинтересовался я.

— Ничего, — ответил СИПИН. — Алтарь Вознаграждения предоставляет только человеческие разработки.

— Но у нас не было таких наборов! Ты опять решил шуткануть? — догадался я.

— Я не шутил...

Я промолчал. СИПИН понял моё недоверие и даже повторил:

— Я действительно не шутил...

— Но как?! — возмутился я. — Я даже не слышал ни о чём подобном!

— Ты не слышал о разработках на основе нанотехнологий? — удивился СИПИН, а потом разочарованно протянул: — У-у-у-у... Какой отсталый индивид!

— Слышал-слышал! — торопливо перебил его я, чтобы не успеть обидеться.

— А ты занимался этими разработками? — уточнил СИПИН.

— Нет... — ответил я.

— Тогда почему ты так уверен, что знаешь про все разработки на своей родной планете? — спросил инструктор. — Ты же сам говорил, что не всё на свете знаешь.

— Ладно, пусть это наша разработка... — не стал я спорить с «внутренним голосом». — Но у нас были и всякие экраны, напыляемые на глаз. Их тоже можно будет здесь установить?

— Конечно! Заказываешь медицинский стол, медицинского бота с нужной программой, развёртываешь нейросеть... — стал перечислять СИПИН.

— Это значит «нет»? — уточнил я.

— Это значит, что я сам устанавливать их не буду! — признался СИПИН. — Впрочем... У тебя уже стоит что-то подобное. Просто оно пока в неактивном состоянии.

— И? — проговорил я, ожидая продолжения.

— Поздравляю: ты получил ещё один балл за догадливость... — нехотя сообщил мне СИПИН. — Экран понадобится на более поздних этапах освоения планеты. В настоящее время этот функционал неактивен, и я не вижу смысла его раскрывать. Всё, что я могу сказать — так это то, что с ним связана моя направляющая роль. А пока достаточно и такого формата общения!..

— А если я захочу вывести список всех возможностей по улучшению капсулы? — спросил я.

— Он будет спроецирован внутри капсулы, — сообщил СИПИН.

В следующий момент прямо в воздухе передо мной сформировалось окно, напоминавшее... Впрочем, оно не напоминало, а именно что являлось каталогом. Я встал из-за стола и, подойдя ближе, ткнул пальцем в один из пунктов — и он послушно раскрылся. Перечень возможностей не умещался в окне, но его можно было промотать вниз. А ещё можно было уменьшать и увеличивать шрифт, наводясь на одну из позиций. И можно было

получить короткое описание.

Наверно, мне следовало бы внимательно изучить этот список... Но я быстро пробежался по нему глазами и закрыл крестиком в правом верхнем углу.

— **Не будешь изучать?** — удивился СИПИН.

— Буду, но не сейчас! — ответил я.

Однако кое-что я успел увидеть даже при беглом просмотре. Поэтому сразу и спросил:

— Я видел там в списке репликационную медицинскую капсулу. Это что такое? Тоже земные технологии?

— **Конечно же, нет! Вам до такого ещё расти и расти,** — снисходительно отозвался инструктор.

— Но ты же сказал... — я запнулся, вспоминая, что до этого сказал мне СИПИН.

А потом понял, что я дурак...

— Ты сказал, что на Алтаре Вознаграждения земные технологии... А про капсулы ты не говорил ничего.

— **Всё верно. Я уже не могу дать тебе балл за догадливость. Тем не менее, я готов в ближайшее время чуть лояльнее относиться к твоим необдуманным действиям. И ещё: если тебе понадобится посмотреть список улучшений, просто громко об этом подумай.**

— Понятно, спасибо... Скажи, а ты с нами тоже будешь только пять лет? — я задал последний вопрос, который меня волновал. — Я понимаю, что тебя уже не будет у наших детей. Но мы...

— **С вами я на всю жизнь, Иван!** — совершенно серьёзно сообщил мне инструктор. — **Не беспокойся... И не надейся. И да, репликационная капсула, которую ты заметил — это очень полезное улучшение. Если ты накопишь на неё баллы и сможешь оплатить полный цикл репликации, то в случае своей гибели сможешь вновь воскреснуть в своей капсуле. У тебя ещё есть вопросы?**

— Пока нет. Спасибо, СИПИН, — сказал я.

— **Если понадобится, зови!** — отозвался тот.

И, само собой, никуда не ушёл. Он явно был тут, просто не озвучивал это. Ведь СИПИИ оставался у меня внутри. Как целая система, навсегда вживлённая в тело.

Я не стал долго молчать или бездействовать. Всё-таки за окном уже начинало светать. Пора было взять себя в руки и выйти на новую планету, чтобы осмотреться. Сомневаюсь, что сумею долго пробыть снаружи... С другой стороны, в капсуле становилось всё холоднее и холоднее. Так что она не могла надолго защитить меня от замерзания.

Поднявшись, я подошёл к двери и строго себе приказал:

— Давай, Ваню! Соберись... Соберись... Ты мужик, а не тряпка! А там ничего страшного. Всего лишь холодно-о-о-о-о...

Последнее «о-о-о» напоминало, скорее, горький мужицкий плач, а не мотивационную речь. Я даже отступил от двери на шаг: ишь, подействовало!..

— Нет, я могу... Могу... — повторил я.

А затем решительно направился в другую сторону: обратно к столу.

После чего взял себя в руки и повернулся на 180 градусов... А потом ещё на 180 градусов...

Отвесив себе пощёчину, я остановился к двери боком: вроде как решился.

Тряпка... Неженка... Трус... Давай, Ваню! Дверь открыл, выскочил, дверь закрыл... Замёрз... Дверь открыл, вернулся, дверь закрыл... Да, блин! Тело! Иди к двери!..

Тело нехотя послушалось. Я приложил руку к сканеру. После чего в стене раздался щелчок, и белая дверь на белом проявилась куда заметнее. А из тонких щёлочек явственно потянуло холодком. На белой поверхности, как из ниоткуда, технологично выросла ручка. Я схватился за неё и подёргал, сдвинув дверь в сторону...

А затем торопливо выскочил наружу и закрыл вход в своё убежище.

Я сделал это так быстро, что просто не успел ни испугаться, ни засомневаться. Мне надо было сохранить внутри капсулы остатки тепла. И поэтому оглядываться я начал уже тогда, когда ноги коснулись холодной и мокрой земли.

Моя капсула имела номер ЗЕМ-РУ-114-52. Он был написан прямо над дверью. Как и на соседних капсулах. Моим соседями оказались «114-51» и «114-53», а первые две группы символов у нас никак не различались.

Ногам было холодно. Я сделал несколько шагов вперёд, стараясь как можно меньше касаться земли: то пяткой, то носком, то боком ступни. Хотя, если честно, особого эффекта этот подход не давал: обещанный ноль заставлял дрожать не хуже, чем февральские морозы.

Капсулы стояли на склоне горы. С одной стороны склон был пологим и уходил вниз. Вокруг хватало камней, но и какая-никакая зелень здесь имелась: трава и кусты. А ниже по склону начинались заросли чего-то более высокого. Что там СИПИН говорил? Изумительное и живописное плоскогорье? Ну да, надо меньше верить этому болтуну...

Моя капсула находилась почти на краю «группы». Остальные «домики» стояли немного хаотично, как будто какой-то ребёнок-великан высыпал игрушки на пол. При этом расстояние между капсулами было не меньше пары метров. Получилось эдакое странное поселение с узкими улочками...

Выше по склону виднелось несколько скальных выступов. И обрыв. Растительности в той стороне было меньше. А земля сменялась каменной поверхностью, поросшей то ли плесенью, то ли мхом.

Вдали, в утренней дымке, были видны долины или предгорья. Подробнее при тусклом утреннем свете я не смог разобрать. Да и не было у меня времени долго созерцать местные красоты... Холодно было так, что через полминуты зуб на зуб перестал попадать.

Преодолевая дрожь, я сделал несколько шагов к ближайшему крупному валуну. И, оглядевшись, принялся собирать камни, складывая их на сгиб левой руки. Зачем? Затем, что мне нужны были хоть какие-то инструменты. А ещё мне очень нужен был огонь. И то, и другое, насколько я помнил историю древних людей, можно было добыть с помощью камней.

Как я и ожидал, белоснежное трико не особо спасало от холода. Разве что ветер слегка сдерживало. Но, помимо ветра, сверху на меня лился ледяной дождь. А ещё, как будто этого было мало, падал мокрый снег. Правда, его стало уже поменьше, а значит, была надежда на то, что днём будет теплее.

Но пока надо было чем-то себя занять. Во всяком случае, до более тёплых времён. И при этом не хотелось сразу схватить переохлаждение. Поэтому я и остановился на камнях. Надо было бы ещё найти какие-нибудь палки... Однако до ближайших деревьев было очень далеко. И я временно ограничился булыжниками.

Как только удалось собрать несколько подходящих камешков, я поспешно вернулся к своей капсуле. И, открыв дверь, скользнул внутрь, чтобы побыстрее отгородиться от

внешнего мира. В моём жилище ещё сохранялись остатки тепла. Особенно, если разлечься на полу.

Что я и не замедлил сделать. Сгрузил камни кучкой у стены, а затем лёг на пол и закрыл глаза, заставив себя чуть-чуть расслабиться.

Мне надо было согреться и подумать над своим положением... Бесконечно прискорбным положением...

Глава 5. Чересчур рассудительный

Дневник Листова И.А.

Всё ещё первое утро первого дня в новом мире

Итог всех разговоров с СИПИНОм сложился у меня в голове. Я был похищен! Да Инопланетянами! Даже хуже: инопланетными роботами.

Санитаров вызывать не надо: не доедут, если верить всё тем же инопланетным роботам. Зато меня не собираются гнусно насилловать. И (очень надеюсь!) надо мной не собираются ставить опыты.

Хотя, вспоминая ту иглу, которую в меня воткнули при первом пробуждении... Может, и ставили. Но я этого не помню. И хорошо, что не помню. Мало ли, какие они там опыты ставили? Может, узнай я про них — и получил бы тяжёлую психическую травму. Ну или не смог бы другим людям в глаза смотреть до конца жизни...

Будем считать, что не насилвовали и опыты не ставили. Вместо этого меня — убитого и, считай, ограбленного на матушке Земле — практически голым высадили на чужую планету. С какой-никакой биосферой, более или менее стабильным климатом и полным отсутствием цивилизации. Окромя жилых капсул, да и те заберут через пять лет.

Условия моей личной высадки оставляли желать лучшего. Я находился на уровне альпийских лугов. Был бы коровой — наверно, выжил бы. А поскольку являлся человеком, неприспособленным к поеданию травы и холодному воздуху, то мои шансы на выживание стремились к нулю.

И да, я понимаю, что если меня убили на матушке-Земле, то снова сдохнуть (по общепринятым представлениям моей далёкой, если верить инопланетянам, родины) мне не светит. С учётом всего вышеперечисленного... В общем, используя «Бритву Оккама», надо признать, что я — просто умалишённый. И санитаров всё-таки надо бы вызвать.

Однако же, метнувшись в пучины стокгольмского синдрома — а, возможно, найдя в них оправдание собственному помешательству — я всё-таки склонен поверить в то, что инопланетяне-роботы существуют... Ну и до кучи поверить самим инопланетянам, которые присутствуют где-то во мне. Причём в форме голоса некоего СИПИНа...

— Откровенно говоря, я бы согласился с тем, что ты всё-таки псих! — заметил инструктор.

— Не мешай! — попросил я его очень вежливо.

И даже, заметьте, без мата!

Так или иначе, придётся смириться с тем, что я на другой планете. А значит, надо как-то выживать на ней. А также налаживать отношения со своими соседями по несчастью. Хотя бы с подавляющим их большинством. Ну а если быть точным — с тридцатью двумя человеческими особями, которые на данный момент мне совсем незнакомы.

Почему именно с тридцатью двумя? Ну так это же кворум и необходимое число голосов для бесплатного переезда! А я очень хотел бы переместиться в более комфортное место. Может, на этой подозрительной планете ещё получится райскую жизнь наладить?

Однако есть ещё один важный момент, про который нельзя забывать. Все мои действия будут оценены, взвешены — и, возможно, даже вознаграждены. Опять-таки делать это будет подозрительный голос в моей голове, претендующий на объективность — во что, если честно, не верится. Так или иначе, за все свои действия я буду либо получать какие-то

баллы, либо дырку от бублика. А потом смогу пустить эти баллы на развитие капсулы, которую заберут через пять лет. Или на получение нужных вещей, которые больше неоткуда взять.

И, зная всё это, я решительно вылез на пару минут из своей пока ещё тёплой капсулы. И даже набрал камней, содрогаясь от холода и возмущения. Вынужден согласиться с инструктором: я — псих. Нормальный человек закатил бы истерику и был бы прав!..

— **Смею заметить, что именно в истерике сейчас бьются семь из десяти уже очнувшихся колонистов, с которыми я успел поговорить, — снова влез в мои глубокомысленные размышления СИПИН.**

Вот! О чём я и думал: давно пора впадать в истерику. Именно так я решил, но почему-то сам себя не послушал. И вместо этого задумался над тем, что дальше делать.

А вариантов было немного. Если верить, что я нахожусь на сорок первом градусе одного из полушарий планеты, то есть весьма близко к экватору, то надо было срочно брать себя в руки. И стремиться вперёд, навстречу выживанию.

Вызывали беспокойство четыре вопроса:

Еда?

Вода?

Одежда?

Тепло?

Вот именно так, по одному слову на каждый. Запас еды оказался скудноватым, но хотя бы позволял продержаться какое-то время. Запас воды был ещё меньше. Да, можно было собирать снег и дождевые осадки, но чтобы пить собранное без опаски за своё горло, нужно было его растопить и нагреть до комнатной температуры.

Пока же в моей капсуле наблюдался обратный процесс. То есть, снижение температуры от отметки «ещё терпимо» к отметке «почти как на улице, только не дует». Пол капсулы, конечно, был тёплым, но сильно нагреть воздух он не мог. Надо было разбираться, что с этим делать.

От переохлаждения меня могла спасти одежда, которую здесь негде было взять. Ну или костёр на полу...

— **Но-но-но! Задохнёшься!** — возмутился СИПИН.

И я вынужден был с ним согласиться: дымохода в пределах капсулы не наблюдалось. А сидеть с открытой дверью — значит, терять большую часть КПД костра. Пока горит, ещё тепло. А как потух — то всё, мёрзни, Ваня... Так что идею с костром я отмёл.

Мне нужен был обогрев в капсуле. Без этого я просто не смог бы выжить в ближайшее время. Значит, надо было ознакомиться с ассортиментом «плюшек» для жилища. Ну и, не затягивая, выбрать одну-две, которые спасут меня от холода.

Для этого нужны были те самые проклятые баллы, которые позволяют купить улучшения. А заработать их можно было с помощью простого физического труда, который якобы повышает технологический уровень человечества.

Вот я и решил заняться производством инструментов. Примитивных, каменных, неудобных — но всё-таки инструментов. Мне нужны были поделки — да-да, именно так: поделки, а не изделия! — криворукого сына двадцать первого века, давно растерявшего навыки ручного труда. Конечно, я предпочёл бы изделия, но что толку себя обманывать?

А ещё желательно и дело сделать, и себя не зашибить. А я ведь мог бы, да... И ногу сломать, и череп себе проломить, раскалывая руками камни. И нет, я не был неуклюжим

увальнем, не способным забить гвоздь даже с инструкцией из интернета. Но камни я точно не колот другими камнями. Это для меня был новый чудесный опыт...

Впрочем, я, пожалуй, оставлю открытым вопрос о «чудесности» этого процесса. Пусть об этом думают те, кому такого никогда делать не приходилось... А я постараюсь забыть свои мучения в тот день, чтобы сохранить остатки самоуважения.

Первый камень треснул через час усилий... Я не стал бить сразу в полную силу. Сначала принаравливался к этой работе: бил осторожно, пытаюсь запомнить движение. Затем усиливал удары — после чего попадал себе по пальцу... И снова возвращался к тренировкам.

Спустя час, четыре отбитых пальца и три пореза (а также ценой невероятных усилий, замёрзшего тела и потерянного самомнения) я расколошматил один из бульжников... На два совершенно бесполезных бульжника.

— Вот сука, а... — пробормотал я.

— Думаю, не стоит винить во всём камни, — ехидно сообщил мне СИПИН. — Они не виноваты в том, что ты безрукий, инфантильный...

— Вот тебя я, блин, спросить забыл! — возмутился я. — Ты же инструктор! Мог бы и подсказать, как делать!

Конечно, в моих промахах СИПИН был не виноват. И более того, я его на самом деле ни в чём не винил. Если бы он не полез с комментариями, то и остался бы не обруганным.

— О! За сегодня ты первый, кто додумался до этой простой мысли! — отозвался этот кибернетический гад. — Баллы, прости, зачислять не стану. Потому что даже как-то стыдно за такое... Но помочь — помогу.

— Советом, само собой? — полным сарказма голосом уточнил я.

— Это будет хороший совет. Конечно, сначала хотелось бы уточнить, что ты хочешь получить на выходе, — не остался в долгу инструктор. — Потому что сейчас создаётся ощущение, что ты просто ломаешь камни, потому что тебе, кроме этого, заняться нечем.

— Кхм...

Вообще-то я действительно просто ломал камни. Нет, конечно, у меня была настоящая цель. Я хотел получить заострённый камень, который пригодится при знакомстве с местной растительностью. То есть что-то вроде топора и ножа — а лучше, два или три в одном. Этаким «мультитул» каменного века.

Но поскольку я знать не знал, как этого добиться, то проводил эксперименты. Методом проб, ошибок и пальцев. Просто ломал камни в надежде, что, как и у моих далёких предков из каменного века, хоть что-нибудь в итоге да получится.

— Получится. Даже могу сказать что: пальцы себе отбить напрочь! — прокомментировал мои надежды СИПИН. — А вот инструмент так не получится. Иди к куче камней. Бери первый попавшийся и внимательно его осматривай со всех сторон.

Пришлось подчиниться под давлением авторитета и обстоятельств. Но сразу скажу: я был уверен, что и сам справлюсь рано или поздно. Вот только боялся, что скорее поздно, чем рано. В капсуле уже стало ощутимо холодно.

— Вот этот более или менее подойдёт! — на третьем камне СИПИН снова подал голос. — Присмотрись к нему...

Я присмотрелся. И ничего не увидел. Ну камень как камень. И, только следуя новым

советам зловредного СИПИНа, я наконец-то обнаружил небольшую трещину.

— Если сколешь по этой трещине, то получится довольно острая кромка, — сообщил инструктор. — Держаться сможешь за другую сторону.

— Поможешь сколоть? — поинтересовался я.

— Нет, иначе не смогу выдать тебе балл, — отозвался тот. — К тому же, ты вроде считал, что это ты венец эволюции, а не я. Так что давай... Дерзай!

И, проглотив желание выпендриться в ответ, я сел скалывать камень.

Нет, я и раньше подозревал, что работа с камнем — это тяжело. Однако не ожидал, что это будет так тяжело... К тому же, я боялся испортить хороший камень. Поэтому бил осторожно, снова постепенно наращивая усилия.

По пальцам вроде бы попадать перестал. Зато болела ладонь правой руки, которой я держал камень-молоток. А ещё болели колени, стоявшие на твёрдом полу. И спина, которая не привыкла к таким нагрузкам. А по лицу и вовсе катился пот.

Однако и в этом был плюс! Я согрелся. Оказывается, даже такое идиотское занятие, как обстукивание одного камня другим, способно подарить внутреннее тепло. Но и цена за это оказалась немаленькой: я захотел есть.

Ещё через полтора часа камень треснул. Не совсем так, как я надеялся, но вполне приемлемо для моих грандиозных целей повторить опыт предков. Кромка получилась достаточно острая, хоть и немного кривая.

— Тебе начислен балл, — сообщил СИПИН. — Ты справился.

— Ты хотел сказать что-то ещё? — уточнил я, догадавшись, что инструктор недоговаривает.

— Камни ты выбрал не той породы, — заметил голос внутри меня.

— Я не выбирал, а хватал первые попавшиеся! — не стал скрывать я. — Там, знаешь ли, прохладно было на улице!

— А ты, конечно, мечтаешь об отоплении, — в голосе СИПИНа снова прорезалось ехидство. — Знаешь, мне тебя даже жаль...

— Что значит жаль?! — возмутился я.

И тут же догадался:

— Что не так с отоплением?!

— Базовое отопление поднимет температуру внутри капсулы на двенадцать градусов, — ответил инструктор. — Наверно, тебе бы стоило сначала изучить список улучшений...

— Десять... Значит, будет пятнадцать градусов, так? — уточнил я.

— Ночью может быть и ниже, — уклончиво ответил СИПИН.

Облом! Удар ниже пояса! Пятнадцать градусов я ещё мог перетерпеть, но вот ниже... Придётся по ночам дрожать от холода, не зная, как согреться. Впрочем, были варианты. Если спать на полу, накрывшись чем-нибудь, то к утру окочуриться я не должен.

— Знаешь, выхода у меня всё равно нет... — ответил я.

И мысленно потребовал открыть список улучшений капсулы.

Передо мной снова распахнулось меню с каталогом, и я приступил к его изучению. Правда — каюсь! — быстрому и поверхностному. Нет, конечно, это нужно было делать не спеша и рассудительно. Однако стоило мне перестать работать, как тело, покрытое испариной, начало стремительно замерзать.

Собственно, я уже недавно видел основные разделы каталога. И даже, помнится, переходил в один из подкаталогов. Так что примерно представлял, с чем столкнусь. Основных разделов было не так уж и много:

Отопление

Водоснабжение

Освещение

Улучшения корпуса

Улучшения хранилища

Улучшения интерьера

Дополнительное оборудование

Как несложно было догадаться, в первый раз я сунулся в раздел «дополнительное оборудование». Где мой взгляд и зацепился за пункт «репликационная медицинская капсула». Ну а сейчас мне куда больше требовалось «отопление»...

Что ж, полминуты изучения раздела доказали правдивость слов СИПИНа. Отопление в капсуле нельзя было получить за один присест. К тому же, минимальное отопление пола уже было включено. И его хватало ровно на то, чтобы я замерзал медленно и мучительно.

Базовое отопление пола, стоившее те самые пять баллов, нагревало воздух лучше. Судя по подсказке, температура внутри капсулы становилась выше на 12 градусов по сравнению с температурой снаружи.

В списке имелось ещё немало видов подогрева, включая пол и стены. Однако почти все они как бы подразумевали, что особо рассчитывать на них не стоит. Стоили они дешевле, но помогли бы мне куда меньше.

В любом случае, если я хотел себе комфортное жилище на ближайшие пять лет, надо было вложить гораздо больше, чем пять баллов. Которые, если уж честно говорить, я получил почти нахаляву, просто задавая правильные вопросы.

Зато за последний балл заплатил потом и кровью. В прямом смысле: отбитые пальцы, порезы... Да и времени было потрачено немало: около двух с половиной часов. Правда, в этом вопросе тоже не обошлось без подсказки.

А я уже начинал понимать, что теперь время — это мой основной ресурс. И тратить его впустую больше нельзя. К тому моменту, когда закончатся запасы еды, я должен научиться сам находить пропитание. Иначе моя деятельность в рядах антикризисного актива закончится быстро и печально.

Сильно мудрить я не стал... Ткнул пальцем в базовое отопление, ответил «да» на просьбу подтвердить выбор — и сел за стол, в ожидании того, что сейчас немного согреюсь. Прошла минута, две... Ничего не происходило. Я продолжал сидеть и дрожать. Мне начало казаться, что что-то пошло не так.

— СИПИН... А я установил базовое отопление? — уточнил я.

— **Установил, — подтвердил инструктор.**

— А почему оно не работает? — уточнил я.

— **Потому что ты его не включил? — ответил он вопросом на вопрос.**

— А как его включить? — не отставал я.

— **Может, через меню управления? — переспросил этот ехидный кибернетический подонок.**

— И где оно? — еле сдержавшись, чтобы не перейти на грубость, уточнил я.

— **Открываю...**

Сволочь!.. Я сижу, мёрзну, а он даже и не пытается подсказать!

— Зачем ты пытаешься меня уморить?

— **Несправедливое замечание! Я просто не хочу лишать тебя радости новых открытий.**

В этот момент у выхода из капсулы, рядом со сканером руки, открылся ещё один сегмент. Прямо из стены сформировалась круглая, как у обычного термостата, ручка с пятнадцатью делениями. Установлена она была на пять градусов. Оставалось только повернуть её на цифру «двенадцать».

И почти сразу мои ноги почувствовали, как им стало теплее. А всему остальному организму сразу стало легче жить. Я немедленно распластался на полу спиной, изо всех сил пытаясь согреться. И плевать, какая там температура воздуха! Если спину приятно прожаривает пол, то пятнадцать градусов выше кончика носа можно и пережить.

Полчаса я так и лежал. То на спине, то на животе, то на боку. Долго валяться в одном положении не получалось: то рёбра начинали болеть, то позвоночник. Но главное — я начал согреваться!.. И, конечно, вставать с пола мне не хотелось: наверху воздух был ещё холодным.

Прервался я только на то, чтобы поесть. Пришлось истратить *«Дневной приём пищи»*, хотя до середины дня было ещё далеко. Однако я понимал, что моё единственное спасение — часто и много питаться. А с учётом того, что рацион разогревался при открытии, то после еды мне вообще «захорошело»...

Я снова лёг на пол и прикрыл глаза. Силы возвращались в моё измученное холодом и работой тело. А ещё у меня затягивались порезы на руках. Конечно, они и должны были затягиваться. Это вроде бы естественный процесс. Однако как-то уж слишком быстро... Выглядели они так, будто поранился я не час-два назад, а ещё вчера.

— СИПИН, а ваши эти модификации тела... Они включают улучшенную регенерацию тканей? — спросил я у инструктора.

— С чего ты так решил? — ответил тот.

— Мои порезы на руках слишком быстро затягиваются, — пояснил я. — Так обычно не бывает.

— **Молодец! — похвалил СИПИН. — У первого поколения колонистов повышенная регенерация тканей.**

— А жрать нам, получается, тоже больше надо? — хмуро уточнил я.

— **Сегодня ты решил собрать все доступные баллы за догадливость, да? Тебе начислен балл. Да, есть вам придётся больше, особенно при ранениях... Гхм... Ты почему-то расстроен! — заметил СИПИН.**

— Конечно, я расстроен! — возмутился я. — Порезы я бы и так как-нибудь пережил! А вот еду где брать, ума не приложу... Получается, я сейчас трачу дневной рацион на то, чтобы залечить простые царапины!..

— **Ты ещё скажешь спасибо за регенерацию! — немного обиженно заметил СИПИН. — Потом...**

— Если выживу, — хмуро добавил я.

— **Если выживешь... Впрочем, у тебя шансы уже выше, чем у членов твоей группы. Радуйся! — посоветовал СИПИН.**

— Ура... — тихо проныл я таким тоном, каким на похоронах прощаются с главным

действующим лицом.

И мрачно посочувствовал остальным.

Глава 6. Чересчур улучшаемая

Дневник Листова И.А.

Позднее утро первого дня в новом мире

Сначала я расслабился, а потом, наконец, перестал дрожать. Воздух в капсуле прогревался, а вместе с ним прогревалось и моё молодое живучее тело. Однако это никак не влияло на то, что мозг всё ещё судорожно пытался найти выход из создавшегося положения. Всю жизнь-то в капсуле не просидишь. К сожалению...

Первым делом я переоделся. И для начала стянул с себя белое трико, успевшее замызгаться за время вылазки и обкальвания камней.

— Как тебя стирать-то? — пробормотал я.

— **Хранилище в капсуле позволяет чистить и восстанавливать базовые комплекты одежды, — сразу же просветил меня СИПИН. — Очистка комбинезона — сорок тысяч секунд. Очистка трусов — четыре тысячи секунд.**

— Чуть больше часа на трусы и часов десять на комбез? — уточнил я, стоя совершенно нагой посреди капсулы.

— Да.

— Ладно, учту, — решил я.

Сначала я натянул трусы. Почему-то после высадки мне трусы не полагались, и я, признаться честно, чувствовал себя почти голым. Ткань белого трико так обтягивала тело, что анатомические подробности разглядеть было несложно.

Трусы позволили дополнительно прикрыть срам. А ещё я вдруг понял, что знаю, как обеспечить себе дополнительную теплоизоляцию на улице на первое время. Первым поверх трусов я натянул чистое трико. Следом последовало уже ношенное.

Не могу сказать, что стало заметно теплее. Да что уж там: я вообще не почувствовал разницы. Зато теперь у меня было два слоя верхней одежды. И между ними можно было что-нибудь напихать. Например, тот самый мох, который я видел выше по склону.

Его, конечно, требовалось ещё подсушить перед тем, как набивать трико. Однако с этим должен был справиться пол с подогревом в капсуле. И достаточно быстро. Конечно, мох будет сбиваться: скапливаться в одном месте и оголять другие — не стёганый пуховик всё-таки. Но если я всё сделаю правильно, то смогу отходить немного дальше от тёплой капсулы.

Ну а если ещё вымазаться в грязи, то вообще получится камуфляжная одежда. Снега вокруг было не так уж и много, так что белый цвет трико заставлял меня чувствовать себя неудобно. Но лучше уж так, чем мороз снаружи. В общем, нет, снега не надо...

Жаль, не было зеркала, чтобы на себя полюбоваться. Однако поверхностный осмотр подсказал, что выгляжу я, как цирковой акробат-вуайерист, если не сказать хуже. Но... Прочь стеснительность! Здесь, в моём полушарии, все такие!

Кстати, обо всех... Я осторожно подошёл к окошку в двери и выглянул. За время моего прозябания в капсуле, снаружи многое изменилось. Начать надо бы с того, что утих дождь. Тучка, ставшая его источником, пролетела мимо и теперь клубилась в отдалении, поливая влагой соседнюю возвышенность.

Взошедшее солнце осветило местные красоты, но из маленького окошка их не слишком-то получалось разглядеть. Капсулы продолжали стоять на склоне, а вокруг — ни одной живой души. Похоже, из своей группы только я решился выбраться на улицу. Остальные

сидели, и носа не показывая наружу.

У меня даже возникла хулиганская идея: подкрасться к одной из капсул и заглянуть в окошко. Но я как представил, что бы со мной было, заметь я пару часов назад лицо, заглядывающее внутрь... И решил не начинать знакомство с соседями с непреднамеренного убийства. Даже если оно произойдёт посредством остановки сердца от ужаса.

Лучше сначала дождаться, когда я обрасту бородой и волосами, а лицо покроется коркой грязи. Вот тогда и надо заглядывать, чтобы с гарантией добить.

Но раз уж пока знакомиться было не с кем, то я решил повнимательнее изучить возможности своей капсулы. Ведь мне всё ещё нужен был план — хоть какой-то! Конечно, план не гарантирует того, что его удастся выполнить. Более того: ему даже не обязательно следовать. Зато, само по себе, наличие плана заставляет мозги работать. Иногда даже в нужном направлении.

Пока что я решил для себя, что не стоит отказываться от улучшения капсулы. Пять лет — как ни крути, большой срок. За это время много чего может случиться. И обязательно случится. А иметь надёжный тыл с отоплением и прочими удобствами — это не так уж и плохо!

Вот захочет Ваня — я, то есть — в туалет. А куда ходить? Туалета я в капсуле что-то не заметил. Хотя было подозрение, что его можно прикупить за баллы. И тогда из белой-белой стены вырастет не менее белый друг. Уверен, его можно будет и ширмой какой-нибудь отгородить...

Или нельзя?

Вот потому и следовало заняться изучением каталога. А заодно и теми возможностями, которые он предоставляет. Надо было разграничить те улучшения, которые нужны срочно, от тех, которые в принципе нужны, но можно потерпеть. Ну и вынести в отдельную группу те, которые ни в коем случае нельзя хватать «вот прямо сейчас», даже если очень захочется.

Это же главное правило закупки продуктов! Не ходить в магазин голодным и без списка. Иначе наберёшь всего-всего-всего, а потом доесть не успеешь, и придётся выкидывать или отдавать на утилизацию. А здесь даже выкинуть не получится.

Оно всё само улетит через пять лет.

Пять долгих лет... Или какие-то пять лет. Так или иначе, срок «годности» капсулы строго ограничен. Рано или поздно она оторвётся от поверхности планеты и улетит в голубую даль, оставив меня без всех удобств, купленных за свои кровные. А значит, удобств в ней должно быть минимум, чтобы спустя пять лет не так громко плакать. И всё-таки этот минимум должен хоть как-то закрывать мои базовые потребности.

Так что я снова вызвал каталог улучшений, принявшись его изучать. И почти сразу получил подтверждение своим мыслям. В разделе «**отопление**» хватало различных опций. Мало того, что нагрев можно было включить не только в полу, но и в стенах — так ещё имелся и подогрев ложа. Кроме того, можно было включить нагрев от крышки хранилища и стульев, а также отсечь дверь во время открытия потоком горячего воздуха. Кажется, это называется тепловая завеса...

Что ложе, что потолок, что стены имели четыре уровня подогрева: «минимальный», «базовый», «продвинутый» и «полный». Купить их можно было только последовательно, начиная от «минимального» и заканчивая «полным». И да, минимальный нагрев пола у меня уже был подключен.

Чтобы получить продвинутый уровень, который прогревал помещение на тридцать

градусов по Цельсию по сравнению с внешней средой, надо было заплатить уже 15 баллов. А чтобы получить полный доступ к функциям отопления — доплатить ещё двадцать единичек. Итого, если требовалось регулировать отопление за счёт пола, в общей сложности нужно было отдать тридцать пять баллов...

Такая же ситуация была со стенами. Чтобы подключить минимальный нагрев стен, надо было выложить один балл. За этот балл стены добавляли прогрев на два градуса по Цельсию. «Базовый» уровень прогревал воздух на шесть градусов, а «продвинутый» — на двенадцать. И опять же был «полный» доступ к отоплению стен.

Поскольку в графе с полным доступом не указывалась температура, это как бы намекало, что особых пределов нет. Подключай отопление — и хоть баню организовывай внутри! Вот только зачем мне два полных доступа к функциям? С учётом того, что стоимость включения отопления в стенах была ниже, чем стоимость включения отопления в полу, надо было изначально двигаться по этой линейке. Сэкономил бы баллы.

Но к СИПИНУ тут претензий нет. Он подсказал оптимальный вариант. Продвинутое отопление стен по нагреву соответствовало базовому отоплению пола, но при этом обошлось бы в одиннадцать баллов. Если бы температура за бортом была повыше, то можно было бы активировать только отопление стен. А так... Ну что ж, пришлось идти более дорогим путём.

Был ещё подогрев ложа, на котором я спал. Штука тоже полезная — особенно там, где большие перепады температуры между ночью и днём. И, опять-таки, было доступно четыре режима, аналогичные отоплению пола и стен. Однако стоили они дешевле.

Минимальный нагрев оценивался в один балл. В этом случае ложе хранило температуру в двадцать пять градусов. Базовый нагрев стоил два балла и давал в итоге 36,6 градусов. Продвинутый уровень стоил пять баллов и нагревал ложе до пятидесяти градусов. И, конечно же, в наличии имелся полный доступ за десять баллов.

Всё бы ничего, но тёплое ложе не особо прогреет воздух в капсуле. А значит, требовалось либо тёплое одеяло, либо приемлемая температура снаружи. И это опять был не мой вариант. В горах, в начале весны, мне подходило только самое дорогое отопление пола.

Нагрев крышки хранилища и стульев, в общей сложности, поднимал температуру воздуха на 10 баллов. Стулья — на четыре, крышка — на шесть. Был ещё поток горячего воздуха над дверью. Правда, работал он, только когда дверь открыта. И стоил один балл. А ещё никак не регулировался. Он даже включался только автоматически, при разблокировке замка.

Были ещё какие-то закрытые пункты и подразделы. Но пока к ним не было доступа, и я даже прочитать названия не мог: всё выглядело размытым. По всей видимости, надо было что-то ещё подключить, чтобы они появились пред мои ясны очи.

Разобравшись с отоплением, я перелистнул вкладку и узнал, что **водоснабжение** в капсуле тоже предусмотрено. Причём сразу в двух вариантах: можно было активировать ядро выпаривателя, который, по всей видимости, собирал воду из воздуха. А можно было — ого-го! — пробить настоящую скважину.

И ведь как привлекательно выглядит скважина! За пятьдесят четыре балла можно активировать неограниченный доступ к воде. Не-ог-ра-ни-чен-ный! Какое сладкое слово! Особенно с моими ограниченными ресурсами.

Вот только внизу обнаружилась очень неприятная приписка:

Внимание! Если доступ к водоносным слоям затруднён, скважина не сможет функционировать!

Как далеко располагается водоносный слой в горах? Я, конечно, юрист, а не геолог, но что-то мне подсказывает, что горы — это местность, где доступ к водоносным слоям затруднён. Логика, чтоб её...

Итак... Мой вариант — ядро выпаривателя! Подключение четырёх уровней функции обойдётся в двадцать два балла. Но объём воды будет ограничен сотней литров в сутки... Сколько это в кубометрах? Ваня, ты почему физику не учил? А?

Стоп! У меня есть инструктор!

— СИПИН, подскажи, пожалуйста: сто литров — это сколько в кубических метрах? — спросил я.

— **Сто литров — это одна десятая кубического метра! Как ты собираешься восстанавливать технический уровень цивилизации, если не умеешь нормально считать?**

— Спасибо! — сделав глубокий вдох, подколку я решил игнорировать.

Итак, десятая часть кубометра. Три куба в месяц... Маловато будет. Хотя нет, я один так много в прошлой жизни не тратил. К тому же, можно было подключить систему рециркуляции воды. Судя по описанию, минимальный функционал возвращал обратно очищенную воду, которая сливалась в смыв...

Я огляделся, но смыва нигде не обнаружил. Видимо, сначала требовалось подключить функцию. Так или иначе, но вся вода из этого слива могла вернуться обратно. Базовый уровень функции позволял превращать в воду всё, смываемое из туалета, и другие отходы...

Я снова огляделся, но нигде не обнаружил туалета. Однако этот момент уже не мог меня смутить. Если есть функция, то и белый друг появится. Ну или просто дырка в полу... Или космический вариант со шлангом... Не представляю, что придумали для этого мерзкие роботы.

Полный доступ к функционалу обеспечивал какую-то полную переработку. Фантазия отказывалась предлагать варианты, что там ещё можно было перерабатывать. Однако внизу имелись отдельные функции, скрытые до поры до времени. Так что не стоило тратить время на бесполезное угадывание: рано или поздно сами откроются.

Следующим пунктом было **освещение**. Внутреннее освещение имелось в четырёх вариантах доступа. И минимальный уже был подключен. За один балл можно было расширить доступ к функционалу, чтобы получить возможность выключать свет. Волшебно! Просто волшебно! Но пока спи при свете, Ваня. К счастью, такая мелочь мне никогда не мешала.

На продвинутом уровне можно было регулировать интенсивность освещения. А полный доступ к функции даровал возможность управления голосом и автоматизацию... Автоматизацию чего?! Ладно, оставим пока автоматизацию в покое: мне до этого полного доступа, как до луны пешком...

До двух лун...

В жопу луны!..

Кажется, меня наконец-то догнало осознание того, что со мной произошло. Мысли начали пугаться, и меня клинило на каких-то незначительных мелочах. Пришлось потратить пару минут и взять себя в руки. Путаница в голове — это, что ни говори, не дело.

Итак, оставим на потом автоматизацию внутреннего освещения. И перейдём к внешнему. На минимальном уровне можно было осветить снаружи свою дверь. На базовом — создать световое пятно у дома, на продвинутом — поставить настоящий прожектор. А при полном можно было прямо изнутри капсулы управлять всеми тремя прожекторами.

А ещё я мог бы за отдельную плату подсветить хранилище, стол, получить ультрафиолетовую лампу и лампу солнечного света... Наверно, можно было под такой лампой рассаду выращивать. Ну и, конечно, как и в любом другом разделе, здесь имелись закрытые подпункты.

Хранилище. Это был следующий пункт улучшения. Из видимых подпунктов доступны были только разделение хранилища на основной отсек, пищевой отсек, вещевой отсек и защищённый отсек. А среди замысленных пунктов один был виден чётко — значит, доступен. «Очистка базовых вещей».

Видимо, это то, о чём говорил СИПИН. Очистка была включена изначально, как и базовый обогрев. Что ж, это сильно облегчало мне жизнь в новом мире... Очистка — штука полезная, хорошая. Без неё было бы совсем уж грустно. И грязно.

Надеюсь, что у каждого отсека есть полезный функционал. Не зря же эти отсеки можно выделять. Однако всё это стоило не так уж и мало. Только выделение одного отсека обходилось в десять баллов. Что уж говорить про подключение функций...

Выбор... Всегда выбор. Что лучше? Окружить себя комфортом на пять лет жизни? Или добиться того же комфорта, но вне капсулы? И чего от нас ждут эти роботы? Вопрос.

Однако в списке оставались ещё пункты. Значит, надо было посмотреть и их.

Улучшения корпуса. Этот пункт заставил меня сильно понервничать. Особенно в части улучшений, которые касались внешней защиты. Например, дополнительное бронирование корпуса... Это зачем? А электрозащита корпуса? Для чего оно? А зачем ставить бронестёкла?

Бронестекло обходилось в один балл за штуку. Десять баллов за дополнительное бронирование, пять баллов за шипы. Тридцать баллов за электрозащиту. Дорого? Это если не читать подраздел «восстановление»!..

Как и раньше, в меню были: минимальный доступ к функции, базовый, продвинутый и полный. Всё стандартно — если, конечно, не вдумываться в глубинный смысл подраздела. Минимальное восстановление позволяло восстановить 1 квадратный метр корпуса в сутки...

Включи логику, Ваня...

Логика говорит, что если есть функция, то есть и что-то такое, что эту функцию активирует. А значит, что-то извне может разнести мою капсулу, сделав её похожей на решето! Я бы спросил СИПИНа, но тот наверняка не будет лишать меня «радости новых открытий».

А это именно новое! Потому что вся эта защита — явно не от людей. Люди и шипы обойдут, и электричество как-никак преодолеют. Это защита от зверей! И какой должна быть тварь, способная пробить эту капсулу?

Логика можно выключать... И включать режим паники, Ваня!

Однако, сделав пару глубоких вдохов, я решил отложить панический приступ на потом. Кидаться на стены с криком: «Па-ма-а-а-а-а-агите!» — это, несомненно, весело! Успокаивает, позволяет спустить накопившиеся эмоции... Жаль, что времени на эти

развлечения у меня пока нет.

Я решил пойти по пути рациональности! И, взяв один из камней, попытался повредить стену. Не получилось. Зато мои странные действия привлекли внимание СИПИНа.

— **Стена очень прочная. Твоих мускульных усилий для этого недостаточно!** — заметил он.

— Примерно так я и подумал... — обречённо кивнул я.

Так какая тварь способна проломить нынешние стены моего жилища? И хочу ли я об этом знать? И могу ли я избежать встречи с такими тварями? Что-то мне подсказывало, что нет. Придётся и встречаться, и побеждать. Иначе победят меня.

Чтобы отвести взгляд от защиты, бронирования и восстановления, пришлось сделать над собой усилие. В разделе хватало и других интересных вещей. Например, можно было расширить свою капсулу. Как? Я понятия не имел. Но минимальное расширение создавало отдельный санитарный узел. Базовое — прибавляло шесть квадратных метров площади. А продвинутое добавляло ещё четыре метра, но при этом позволяло создавать планировку помещения.

А ещё можно было расширить дверь. Это, наверное, если колонист окажется достаточно удачливым, чтобы расползётся настолько, что в дверной проём не впишется. Хотя в широкую дверь, в принципе, можно затаскивать большие предметы...

И, конечно же, несколько пунктов были замыслены так, что прочитать их было невозможно. Но уверен: и там есть немало полезного.

Следующий раздел под названием «Улучшения интерьера» был не особо интересным. За определённую сумму мне предлагалось сделать свою холостяцкую берлогу уютнее. Добавить мебель, жалюзи или шторы на окна... И окна тоже добавить. И поменять цвет стен...

В общем и целом, полезно, но баллы жалко. Одна маленькая шторка на окне стояла как бронированное стекло. Вот оно мне надо? Лучше нарву травы и сам завешу. Как-нибудь... Балл было бы жалко до слёз.

Пожалуй, интересными в «улучшениях интерьера» были только три пункта: термоизоляция, звукоизоляция и шумоизоляция. Я побоялся выдвигать гипотезы о причине появления этих улучшений именно в «интерьере». Скорее, я бы отнёс их к улучшению корпуса. Но они были тут, и мне приходилось разве что с этим смириться.

Как приходилось мириться с кучей замысленных пунктов, которые даже прочитать было нельзя. С учётом специфики раздела, я был уверен: всё равно они практически бесполезны для моего выживания. А без какой-нибудь софы в цветочек и так проживу.

Последний пункт («дополнительное оборудование») был скрыт почти полностью. Оставалось лишь пускать слюни на репликационную медицинскую капсулу. Кстати, подпунктов в «допоборудовании» явно хватало. И к каждому хотелось получить доступ.

Но чего нет, того нет. И раз уж мне не огласили весь список, то оставалось только тоскливо смотреть на единственный доступный пункт. Какая-то вшивая тысяча баллов могла решить вопрос с возможными опасностями, которые встретятся мне на пути «познания нового».

Теперь оставалось только придумать, где эту тысячу баллов взять. И с этой мыслью я

задумчиво посмотрел на окно в двери. На улице явно посветлело. Утренний сумрак сменился хмурым дневным светом.

Я подошёл к двери и посмотрел на улицу через стекло. Тяжёлую тучу постепенно сносило прочь. Было видно бледное голубое небо. На горизонте снова вставали тучи. Безымянная звезда, у которой были все шансы получить название Солнце, мутным пятном взбиралось на небо.

Я бы сказал, что наступал отличный день для разведки, но кого этим обманешь? Я не герой... И в такую собачью погоду не хочу ни выбираться из нагретшейся капсулы, ни что-то героическое делать. Уж точно не в той одежде, которая у меня была. Но какие были варианты?

И, будто вторя моим мыслям (хотя позвольте: почему «будто», если так и есть?), в голове прозвучал голос вредного инструктора:

— Ты так и будешь тоскливо пялиться на окрестности? Или всё-таки возьмёшь себя в руки и пойдёшь зарабатывать баллы?

Глава 7. Чересчур каменистая

Дневник Листова И.А.

Позднее утро первого дня в новом мире

Дверь открылась с тихим, едва слышным щелчком. Свой второй выход я решил совершить к подмеченным сквозь окно зарослям: то ли мха, то ли подобного ему растения. Оно — растение, то есть — густо облепило несколько камней где-то в пятидесяти метрах от моего жилища.

Надо признать, что два трико защищали от холода не лучше, чем одно. И если бы температура на улице не поднялась, замёрз бы я снова очень быстро. Но даже с учётом этого положительного фактора, жарко мне не было — отнюдь.

Особенный дискомфорт доставляли мелкие камешки и неровности на земле, по которым приходилось топтать голыми ногами. А мои голые ноги не привыкли топтать по камешкам и неровностям. Они привыкли к анатомически правильной, удобной до безобразия, универсальной мягкой подошве!..

Так что к зарослям предполагаемого мха я бежал, чуть ли не поскуливая от боли. Каждое столкновение моих изнеженных ступней с землёй оборачивалось новой порцией страданий. И хорошо, что я человек терпеливый и готов был к трудностям. Подозреваю, что большинство моих товарищей по колонизации не прошли бы и десятка шагов.

К моей непередаваемой радости, цель моей вылазки — тот самый предполагаемый мох — была сухой. Небольшие свежие побеги общей картины не портили. Пушистая сухая поросль почти идеально подходила для утепления.

Одна беда — пихать между двумя трико «мох» вперемешку с землёй не было никакого желания. Однако гадское растение, будто в насмешку, легко отделялось от поверхности, на которой росло — но только вместе с изгвазданными корнями. Каменная крошка, пыль, земля... Это подпускать к своему телу я не собирался.

Конечно, говорить о гигиене тут было явно рано. Но и лишний раз пачкаться не хотелось. У меня пока не было постоянного источника воды. И пока его не будет, мне стоило ещё сто раз подумать, прежде чем один раз изгваздаться.

Корни приходилось немилосердно срезать своим импровизированным каменным орудием. А оно ничего резать не хотело, как бы намекая, что всего несколько часов назад было простым камнем — и быть чем-то иным наотрез отказывалось.

Однако дело шло, хоть и медленно. За двадцать минут я нарезал не так уж и много. Зато руки работали, а голова — думала. Думала о том, как выживать в новом мире. А ещё о том, почему другие колонисты моей группы не пытаются выбраться из своих жилищ.

Гадский инструктор мои мысли подслушал. И даже ответил на них своим комментарием.

— Думаю, они обязательно выберутся завтра, — сообщил он.

— А почему ты так думаешь? — охотно отозвался я.

— У них будет немалый стимул заработать баллы! — ответил тот. — Они переживут одну долгую и холодную ночь. Насколько я знаю, ваш вид плохо переносит низкие температуры. И даже температуры, близкие к нулю, он переносит не слишком хорошо.

— Знаешь, наш вид в голом виде и нынешнюю температуру плохо переносит! —

мысленно заявил я инструктору, продолжая резать странные побеги. — Так что по логике вещей люди уже должны были показаться.

— Ты просто забыл, что, помимо непереносимости низких температур, ваш вид любит ночью поспать! — ехидно заметил СИПИН. — А когда два фактора — низкие температуры и бессонная ночь — совместятся, вот тогда остальные люди и выберутся из своих убежищ.

— Надеюсь, не все мои соседи такие... — обречённо заявил я, продолжая работать.

Поскольку набивать собранный урожай под комбинезон я мог только с одной стороны — спереди, то именно так и делал. Отчего работать становилось всё сложнее и сложнее. У меня стремительно рос непомерно большой живот и грудь — конечно же, из мха. Однако я уже прекрасно понимал, что очень скоро моя отважная вылазка закончится. От холода начинало сводить пальцы. Причём как на руках, так и на ногах.

Чем меньше у меня было мыслей по делу, тем больше в голову лезли мысли о местной фауне. Конечно же, чужой и незнакомой, а потому — наверняка! — злой и агрессивной, только и мечтающей мною закусить. И чем больше я думал об этом, тем больше изводил себя.

Нервы, как натянутая струна, звенели под порывами ветра. Я постоянно оглядывался, реагируя на каждый подозрительный шорох. Даже на тот, который сам же и издавал, дёргаясь и оглядываясь. И вместе с холодом это создавало такое внутреннее напряжение, что скоро я не выдержал, сдался и двинулся в обратный путь.

Назад я возвращался, как пингвин. Шёл мелкими шажками, а руками поддерживал собранный мох, который теперь выпирал впереди меня большим животом. Ноги хоть и ставил аккуратно, но ступням всё равно было больно. А холодный горный ветер обдувал оба моих трико и бедное замёрзшее тельце.

Когда дверь моей капсулы с тихим щелчком закрылась за спиной, я испытал небывалое облегчение. Ноги подогнулись, и я опустился на пол, с удовольствием впитывая исходящее от него тепло. Удивительное дело: даже зная, что моя капсула не гарантирует абсолютной защиты от нападения, я, тем не менее, чувствовал себя внутри гораздо увереннее.

Немного согревшись, я разрешил себе двадцатиминутный отдых. Просто лежал и наслаждался теплом, комфортом и защитой. Меня даже начало как-то незаметно клонить в сон...

Дневник Берёзовой А.В.

День первый, истерика сто первая

Очередная истерика закончилась в тот момент, когда я заметила в окне этого парня. Одно дело — истерить по поводу своей нелёгкой судьбы, когда вокруг одни белые стены, белый стол и белая кровать. И совсем другое дело — продолжать истерику при тех же вводных, но когда за окном происходит что-то интересное!

Нет, я, как и все уважающие себя девушки, конечно, не забыла причину своей истерики, а заодно слёз и ужаса. В конце концов, достаточно было окинуть внимательным взглядом свой белый гимнастический комбинезон, больше похожий на мечту посетителей стриптиз-клуба, чем на одежду. Этого уже было достаточно, чтобы реветь в три ручья!

Всю свою жизнь я надевала на себя откровенные платья, чтобы именно сегодня узнать, что все они были истинным воплощением целомудрия! Этот комбинезон облеплял тело лучше, чем жидкий текстиль! Хотя, конечно же, ни одна модница не додумалась бы выйти в наряде из жидкого текстиля на улицу. Такие «безбашенные» на Земле только по подиумам

ходили.

Да если бы я сейчас вышла на сцену стриптиз-клуба, меня бы освистали за развратный вид! Всё-таки в стриптиз-клубах, насколько я знаю, принято красиво раздеваться. Никто там сразу голым на сцену не выходит. Хотя куда мне на сцену с моей складочкой на животе...

И вот не надо говорить, что она у всех есть! И не надо укорять, что я просто сидела, ссутулившись! Я её вижу! Всё! Конец моей жизни в этой складочке! Вот она — гадина жирная! Подчёркнута комбинезоном во всей своей ужасающей красе. Если в нашей группе есть хоть одна фитнес-няша с кубиками пресса — я удавлюсь... Или лучше няшу удавлю!

Я с омерзением прихватила пресловутую складочку пальцами, которые предательски соскользнули... Складочка не стала меньше: она всё ещё была слишком заметной. Просто пальцы немного замёрзли и потеряли чувствительность.

Я бы, конечно, снова поистерила...

Но... Там, снаружи, шёл парень, который набил себе что-то под комбинезон, а теперь, нежно поддерживая свою ношу руками и осторожно ступая по земле, напоминал беременную женщину. Я слезла с кровати и нерешительно прилипла к окну, наблюдая, как этот мой собрат по несчастью двигается к своей капсуле.

— Вот видишь, кто-то уже занят делом! — подала голос проклятая СИПИН. — А ты всё сидишь и плачешь, теряя запас биологических жидкостей. И даже не поела.

— Почему ты так настойчиво советуешь поесть?! — возмутилась я. — Хочешь, чтобы я стала совсем жирной?!

СИПИН вводила меня в заблуждение своим бодрым женским голосом. Она напоминала одну из тех подружек, которые постоянно советуют какие-то гадости — и которых постоянно надо ставить на место, не давая им забыть о том, что ты не забыла, какие они на самом деле.

К сожалению, СИПИН даже такой подружкой не была. Она была роботом, а потому совершенно не умела смущаться или тушеваться. А ещё СИПИН выдавала в ответ совсем не те реакции, которые выдают приличные дуры-подружки.

— Не думаю, что на рациональном питании можно, как ты выразилась, стать совсем жирной, — заметила СИПИН. — Хотя, полагаю, набрать жировую прослойку тебе бы не помешало. Всё-таки она неплохо защищает от холода.

— Завали, дура... — «ласково» попросила я.

— Не думаю, что определение «дура» подходит тому, кто знает в тысячу раз больше, чем ты сама! — совершенно по-человечески фыркнув, отозвалась СИПИН.

— Слушай, ну попросила же: завали! И без тебя тошно... — буркнула я, не желая спорить с навязчивой программой, и немедленно перевела тему: — Что он себе под трико набил?

— Не могу тебе рассказать, лишая радости новых открытий, — отозвалась СИПИН. — Выйди и сама спроси!

— Ой-ой-ой... Не может она!.. — пробурчала я.

Да, Анна Викторовна... Была ты обычной дурой, а стала умалишённой дурой. Уже не просто споришь с голосами в своей голове, а даже просишь их заткнуться. Ну кто?! Кто мешал мне потерпеть два дня до гонорара от компании за маленькую подработку? Нет, попёрлась, дура: «недотитьки» второго размера — вперёд, «недоволосы», ниже плеч не отрастающие — назад, а на лице улыбка блаженной идиотки! За займом пошла... Красивой хотела стать... На свидание с хорошим мужиком ей захотелось...

Ну и где теперь этот клятый ухаждёр со своим клятым рестораноном?! Один мужик на горизонте, да и тот претендует на премию Чаплина, которая по-прежнему ждёт своего мужчину на далёкой Земле... Очень далёкой Земле...

Ну вот зачем тебе понадобился этот займ, Анна?! Зачем?! Почему ты такая дура?!

Парень за окном споткнулся и, судя по движению губ, витиевато выругался по этому поводу. Потом топнул ножкой, напоролся на острый камень, снова выругался... И зачем-то принялся грозить кулаком окружающему пространству.

У меня из капсулы это окружающее пространство хорошо просматривалось: седые шапки гор, крутые скальные кручи, плоскогорья, поросшие какими-то зарослями, и серая равнодушная дымка облаков. Не пространство — а прямо-таки величие! И это самое величие плевать хотело на угрозы маленького (по сравнению с ним, а так-то парень высокий!) человечка с большим пузиком. Однако он всё равно грозил... И это было, как минимум, забавно.

Я улыбнулась. Наверно, впервые за это утро. В голове сама собой всплыло слово, которое лучше всего характеризовало молодого человека снаружи: «Чучело!». Отчасти потому что он свои обиды проецировал на грозный новый мир, а не на собственную глупость. А отчасти потому, что был набит каким-то сеном — если судить по тому, что торчало из ворота комбинезона.

— Ну и чучело... — пробормотала я, улыбаясь и слегка пританцовывая на месте, чтобы согреться.

— **Смею заметить, что человек, так нелестно тобой охарактеризованный, пока единственный в вашей группе не страдает от холода в своей капсуле! — испортила мне настроение своим ехидством СИПИН. — Так что, если он и чучело, то устроился совсем неплохо. В отличие от тебя.**

— Ты так и не сказала, зачем ему трава! — напомнила я.

— **А ты сама как думаешь? — уточнила инструктор. — Вот попробуй включить свои мозги и попытаться понять, зачем этот человек суёт траву между двумя одинаковыми комбинезонами.**

— Потому что он — идиот? — несмело предположила я.

— **Ну... Не без этого, — согласилась СИПИН. — Но что, если отрешиться от общей характеристики всех тех, кто сюда попал? И попытаться найти рациональное зерно в действиях других людей?**

— Слушай... Помолчи лучше! — попросила я.

Из глаз брызнули предательские слёзы. Я отвернулась от окна и вернулась на кровать. Едва тёплый пол манил меня куда больше, чем оставленный на Земле ухаждёр, но я ещё недостаточно опустила, чтобы валяться на полу...

Дневник Листова И.А.

Первый день в новом мире и первое правило колониста

Задрема! Я и сам не заметил, как провалился в тревожный полусон, из которого так же незаметно выскользнул.

— Вот же гадство... Уснул... СИПИН, сколько я проспал? — спросил я, в ужасе продирая глаза.

— **Около часа, — отозвался инструктор.**

— Блин... Ну ладно... Всё не так страшно! — пришлось смириться с бездарной потерей

времени, которого и так было немного.

Встав с пола, я принялся выгребать из-под трико собранный мох на стол. Набралось прилично! Хорошая такая охапка волокон. Но этого было явно недостаточно для того, чтобы утеплить всю одежду. Надо было собрать ещё.

С сомнением оглядев собранный урожай, а потом с ещё большим сомнением покосившись на дверь, я всё-таки решил сделать вторую ходку за мхом. Под солнечными лучами температура воздуха снаружи стала ощутимо выше.

Правда, ощутимо для градусника, а не для человека. Для меня что утром «дубак» был, что сейчас — «дубак». А ночью так «совсем дубак» будет... Но всё это по субъективным ощущениям. Иду, дрожу. Да ещё и каменистая почва ноги режет немилосердно.

— Вот чтоб вам хотя бы шлёпки нам выдать... Белые... — пробурчал я.

— **Сланцы, шлёпанцы и прочую бесполезную обувь можно приобрести на Алтаре Вознаграждения!** — ответил СИПИН. — **Хотя с учётом стоимости я бы предложил сразу брать что-то более существенное.**

— СИПИН, я же не спрашивал, где эту обувь можно приобрести! — мысленно ответил я. — Я сетовал, что вы сразу нам никакой обуви не выдали!..

— **Хождение босиком по камням благотворно влияет на состояние ваших стоп!** Так написано в медицинском разделе, описывающем ваш биологический вид, — ответил тот.

— Тогда вбей запрос «сбитые в кровь ноги»! — посоветовал я. — Уверен, тебе будет интересно.

СИПИН молчал долго. Я даже подумал, что последнее слово в этом раунде останется за мной, но ошибся.

— **Это травма, возникающая вследствие хождения по каменистым поверхностям голыми ногами,** — сообщил СИПИН.

— Спасибо тебе, Капитан Очевидность! — кивнул я. — И что мне делать?..

— **Не ходить босиком по камням,** — безапелляционно отозвался инструктор.

— Но я не могу! Я уже тут, а вокруг камни, а я — босиком! — возмутился я, но СИПИН ничего не ответил.

Второй заход по сбору странного «волосатого мха», как я про себя назвал найденное растение, проходил полегче. А заодно и подольше. Я кое-как приноровился отрезать грязные корни каменным лезвием. Хотя, конечно, при этом рисковал своим единственным инструментом.

Срывая пучок мха, я прислонял его к какому-нибудь камню, а потом нещадно отпиливал «ножом» грязную часть. Острая кромка инструмента при этом скреблась и стиралась, но я надеялся, что когда это лезвие придёт в негодность, СИПИН поможет мне сделать новое.

По-хорошему, нужно было добраться до зарослей ниже по склону. И проверить, есть ли там нормальные деревья, а заодно — есть ли у них нормальная кора. В общем, поискать материалы для той самой обуви. На крайний случай, можно её сплести: какую-нибудь и из чего-нибудь...

Однако до леса пришлось бы идти метров двести. А склон оказался завален каменными глыбами, об которые ноги переломать было проще простого. В общем, сомнительное удовольствие. Да и польза от такого похода была под вопросом.

Я отвлёкся от сбора «волосатого мха» и посмотрел на склон...

Склон тоже смотрел на меня: двумя гроздьями по пять красных зрачков. Ещё и на

каком-то мутно-зеленоватом белке.

— Твою ма... — выдал я.

— Крлы! — немедленно отозвался склон и шевельнулся.

Просто у этого гада, как оказалось, мех был под цвет скал. Если бы не странные глаза, то я бы эту тварь не заметил даже, пока не пошевелится. Размерами с не очень большого пса, поросшая серо-бурым мехом, с короткими когтистыми лапами. А ещё, судя по тому, как она открыла пасть с сине-розовым длинным языком, будто примериваясь, мохнатая гадина явно собиралась мною закусить.

И то, что тварь неповоротлива, как толстый хомяк, и дурная, как китайский панда, ещё ничего не значит. Может, на колонистах и отъелась, а про «истерящих в капсулах» мне СИПИН врёт, не желая расшатывать мою и без того неустойчивую психику.

В общем, как только мохнатая тварь подала голос и пошевелилась, я как-то сразу осёкся и замер. Так мы и смотрели: глаза в глаза. Она — с вожделением и голодом. Я — со страхом.

— Крлы! Крлы! — сообщила тварь, как бы говоря: мол, погоди, не двигайся и не растрясай жир, а то мне тебя ещё жрать.

...Я осознал себя уже бегущим. В ушах свистел ветер, а под трико громко шуршал собранный мох. Ноги не чувствовали боли и не чувствовали земли — они несли меня к единственному месту, которое могло меня спасти! К родной капсуле под номером «ЗЕМ-РУ-114-52».

Удивительно, но за секунды бегства, пока я пытался побить рекорды по забегу на суперкороткие дистанции, я не почувствовал холода и боли. Я бежал! И в этом видел единственный залог своего выживания.

Мне нечего было противопоставить острым когтям и зубам, густому меху и толстым шкурам местной фауны... Ну, кроме быстрых ног и острой паранойи. Той самой благословенной паранойи, которая заставила меня оставить дверь в капсулу не запертой, а просто плотно прикрытой.

Позади, за спиной, раздавалось цоканье когтей по камням. И только скорость могла спасти меня от немедленного завершения колонизации безымянной планеты. Скорость и репликационная медицинская капсула... Но до неё было ещё далеко-о-о-о!..

В своё убежище я влетел на одном слитном движении, включавшем в себя раскрытие двери, проталкивание моей тушки внутрь и закрывание двери до щелчка. Хрипя на каждом выдохе, как надувной шарик, который спускает воздух, я упал на колени и упёрся дрожащими руками в пол. А потом руки подогнулись, и я бессильно опустился на пол грудью.

Так, стоя раком кверху, я неожиданно вывел первое правило успешного и живого колониста неизученных планет...

Правило № 1 успешного и живого колониста неизученных планет (версия первая, неотредактированная, выведенная колонистом Ваном раком кверху в своей капсуле в первый день пребывания в новом мире).

Для выживания в незнакомом мире нужно быть сильным, смелым и сообразительным. Но настоящий колонист в первую очередь должен уметь хорошо, сразу, быстро и долго бегать. Не задыхаясь, не чувствуя стыда от содеянного, боли от сбитых ног и усталости, а также полностью отдаваясь процессу перемещения из точки А (место встречи с опасностью) в точку Б (безопасное место).

— Крлы? — обиженно заявила инопланетная тварь, умудрившаяся как-то заглянуть в окно моей капсулы. И теперь разглядывавшая мою пятую точку в обтягивающем белом трико.

— Свли! — попросил я, повернув голову. — Хвтит плиться на жпу!

То ли от моей дикции, изрядно подпорченной одышкой и тем, что я упирался щекой в пол, то ли от того, что не понимала русского, эта гадина отказалась сваливать. Она продолжала с интересом заглядывать в окно.

Кряхтя, как столетний дед, я поднялся с пола и, опасливо подойдя к окошку, внимательно осмотрел и его, и дверь. Только на тварь старался не смотреть: глаза у неё были больно страшные.

У меня возникла блестящая идея: занавесить окно трусами — или хотя бы собранным «волосатым мхом». Однако зацепиться на гладкой двери было не за что. И тогда я поступил совершенно по-детски и наивно — просто отошёл в сторону.

Сев на пол так, чтобы меня невозможно было рассмотреть, я заставил себя поверить в то, что если тварь не будет меня видеть — она уйдёт. Прикрыв глаза, я пытался выровнять дыхание, унять сердцебиение и остановить дрожь в руках...

— **Отличный забег!** — похвалил меня СИПИН.

— Крлы!!! — расстроилась тварь за дверью. Видимо, её результаты моего забега устраивали куда меньше.

— Жить захочешь, и не так бегать будешь!.. — прошептал я, всё ещё пытаюсь успокоиться.

— **А ты в курсе, что это местный травоядный зверёк?** — уточнил инструктор.

— Блин... Ты раньше что, не мог предупредить?! — потрясённо и обиженно спросил я, разглядывая кровь на пальцах ног. — Я бы, может, тогда не изображал из себя горного козла...

— **А ты не спрашивал...** — заметил в ответ СИПИН. — Этот зверь питается тем самым растением, которое ты собирал. Думаю, он решил, что ты его тощий и лысый брат. И, вероятно, хотел поближе познакомиться с таким бедолагой. Может, даже пожалеть и показать, какие кусочки мха повкуснее будут.

Ну да, конечно... Вспоминая взгляд твари (и то, какой интерес у неё вызывала моя филейная часть), я подумал о том, что это знакомство могло оказаться с продолжением. Причём таким, которого я ну никак не желал. Однако посвящать СИПИНа в глубины своей паранойи мне не хотелось. Хотя он и так наверняка подслушал мои догадки. И спасибо ещё, что не стал комментировать. Я по-прежнему был не в состоянии препираться.

— **В любом случае, тебе присваивается три балла!** — ободряюще сообщил СИПИН. — Ты же не знал, что зверь не опасен, и просто спасал свою жизнь. Над сказать, хорошо спасал!..

— Оставь меня, инструктор... Я в печали, — попросил я.

— Но...

— СИПИН, молчи! — строго повторил я, мысленно прервав своего собеседника. И это у меня даже каким-то чудом получилось. — Просто молчи... Мне стыдно за моё бегство, меня ещё трясёт... И мне просто надо прийти в себя!

Правило № 1 успешного и живого колониста неизученных планет (дополненное).

Для выживания в незнакомом мире нужно быть сильным, смелым и сообразительным. Но настоящий колонист в первую очередь должен уметь хорошо, сразу, быстро и долго бегать. Не задыхаясь, не чувствуя стыда от содеянного, боли от сбитых ног и усталости, полностью отдаваясь процессу перемещения из точки А (место встречи с опасностью) в точку Б (безопасное место).

Настоящий и живой колонист может (и даже должен для психологической разрядки) стыдиться, жаловаться на боль, плакать, истерически смеяться, а также рефлексировать любым другим способом по поводу своего перемещения из точки А (место встречи с опасностью) в точку Б (безопасное место). Но исключительно тогда, когда уже находится в точке Б.

Любая попытка совершить рефлексивные действия в точке А, а также в любой части отрезка на прямой (а также кривой и просто в пространстве) между точками А и Б, с высокой вероятностью приведёт к тому, что колонист станет мёртвым. А, следовательно, неуспешным, потому что труп колониста не может ничего колонизировать, а только лишь удобрить.

Глава 8. Чересчур упакованный

Дневник Листова И.А.

Большая часть первого дня в новом мире

Далеко не сразу я снова решился выйти из капсулы. Впрочем, у меня пока и внутри хватало дел. Да, снаружи потеплело, но ещё не настолько, чтобы разгуливать почти голышом. И поэтому первым делом я занялся утеплением.

Сначала всё-таки жилища. У меня накопилось четыре балла, но их явно не хватало на существенные улучшения. Однако можно было схитрить — и, например, купить тепловую завесу на дверь. Если, конечно, подтвердится моё предположение на её счёт.

— СИПИН, а тепловая завеса на дверь работает в каком случае? — спросил я у инструктора.

— **В случае если ты открываешь дверь, — отозвался тот.**

— Хорошо, а что считается «открытой дверью»? — терпеливо поинтересовался я.

— **Ну это же очевидно: когда она открыта!**

— Нет, я имею в виду, *когда* она считается открытой? — начал раздражаться я.

— **Когда не закрыта! — если бы СИПИН мог пожать плечами, то в этот момент он бы, наверно, так и сделал.**

Я тяжело вздохнул, подавив порыв выругаться... И прекратил дальнейшие расспросы. Увы, но дальше, видимо, и вправду требовалось проводить изыскания за свой счёт.

Моя идея была проста: чтобы сработала автоматика, обычно требуется некий конкретный триггер. То есть событие, которое этой самой автоматике подскажет, что наступило время сработать. И что могло быть таким событием для тепловой завесы?

Я предположил, что этим событием становилось открытие замка. Вот только это ещё не было открытием двери в полном смысле слова. Уходя во вторую вылазку за волосатым мхом, я оставил вход не запертым, но вполне себе закрытым.

Да, щель в таком случае получалась больше, и через неё сифонил холодный воздух. Но тепловая завеса-то была приспособлена для сдерживания того потока, который вливался в помещение, когда дверь была открыта нараспашку!..

Впрочем, я не был уверен в своей версии. Так стоило ли тратить драгоценные, как золото и платина, первые баллы на эксперименты? Немного пораскинув мозгами, я решил, что этот балл всё-таки стоит потратить. Сделаю ли я себе утепление из «волосатого мха» — ещё неизвестно. А вот, чтобы определить, что ночью будет холодно, даже не надо быть метеорологом.

В крайнем случае, капсула просто будет терять меньше тепла во время моих вылазок. Конечно, я не уверен, что сегодня снова решусь покинуть своё убежище: слишком свежи ещё воспоминания о зеленоватых глазах с пятью красными зрачками. Но завтра-то точно смелости наберусь!..

Поэтому, решительно открыв меню, я нашёл и купил нужное улучшение. На этот раз изменение капсулы можно было наблюдать воочию. Тонкий прямоугольный участок стены над дверью выдвинулся вперёд, а на нижней плоскости у него раскрылись заглушки, продемонстрировав мне пять тонких прорезей.

Я было метнулся проверить, работает ли тепловая завеса. Но, протянув руку к сканеру отпечатка, вовремя остановился и выглянул наружу. «Кырла» был ещё там — снаружи. Он

стоял на задних толстенных лапках и заглядывал в окно соседней капсулы.

Я представил себя на месте обитателя этой капсулы, который обнаружил ужасающие глаза в окне... И честно посочувствовал этому человеку. Он теперь ещё долго из своего убежища не вылезет. Будет терпеть холод, голод, жажду, но наружу — ни ногой.

И я его пойму! Да! Я его пойму и не смогу обвинить в трусости! Я сегодня от этого мохнатого козла такой забег устроил, решив, что он не козёл, а барс — аж до сих пор стыдно...

В любом случае, животное было диким. Поэтому открывать при нём дверь я посчитал нецелесообразным. Рано или поздно «кырлу» надоест тут ошиваться, и он уйдёт восвояси на своих толстых лапках. Вот тогда я и проверю свои догадки.

А пока наступало время утеплить одежду.

Тут-то и вылезли на передний план две проблемы.

Первая заключалась в том, что утеплиться надо было не только спереди, но и сзади. А провести эту работу я мог только на себе. Сам. Без помощников. И хотя я ещё не вышел из возраста, когда мог дотянуться рукой до лопатки и почесать её, но далековато ушёл от тех времён, когда мог заткнуть себе беззубый рот большим пальцем ноги.

Вторая проблема заключалась в том, что, как я уже думал, нужно было не только утеплиться в определённом месте, но и заставить утеплитель в этом самом месте остаться, а не сползать вниз под действием планетарного притяжения.

Впрочем, у меня было время поразмыслить над решением обеих проблем, пока я рвал мох. Поэтому надо было просто проверить, сработает ли мой план. И хотя оба решения в теории казались сомнительными, но мне удалось воплотить их в жизнь. И это оказались первые полностью сработавшие идеи за весь день!

С ногами и руками проблем не было. В короткие штанины в пространстве между двумя трико я набил нетолстым слоем мох. А потом скрутил четыре шнурка и обвязал ими штанины над коленями и бёдрами. Верхние шнурки держали стебли «волосатого мха», а нижние не давали им вывалиться. Не ахти что, но хотя бы пару дней эта странная конструкция продержится.

Никаких проблем не случилось и с тазом. То есть, с пахом и задницей. Там набивку удерживали трусы, дополнительно надетые поверх нижнего трико. Пока надевал, заодно вспомнил древнюю моду супергероев: носить не броню из бронепластика, композитных материалов и жидкого укрепления, а вот такие дурацкие трико и трусы — зачастую ещё и надетые поверх.

Так что теперь, Ваня, ты — супергерой! Супергерой Убегло! Гонясь за тобой, враги сбивают дыхание, задыхаются, умирают от остановки сердца, а ты всё бегаешь и бегаешь, так и не приняв бой!

Снизу трусы фиксировались теми же шнурками выше бедра, которыми я зафиксировал утепление ног. А сверху у них и так имелась плотная резинка. Ну а дальше начинались те самые проблемы... Первым делом пришлось вспоминать древний способ удерживать материал в сцепленном состоянии. А именно, плетение.

Провозившись почти три часа над восстановлением этого забытого умения предков, я родил — барабанная дробь! — бабушкин пояс для согревания нижней части спины и поясицы!.. Длинные волокна мха переплетались друг с другом в трёх измерениях крест-накрест. Главное было этот пояс не тянуть: слишком хлипкий. Нижняя часть фиксировалась резинкой от трусов. Верхняя...

Вот тут я завис ещё на час, пока не вспомнил про древний способ поддержки штанов при помощи подтяжек. В общем, ещё пару часов пришлось тратить на то, чтобы вплести в верхнюю часть утепления очередной шнурок. Ну как шнурок... Я просто делал тонкие и гибкие колбаски из волокон, но это лучше, чем ничего. А ещё они не рвались так быстро, как моё «нео-бабушкино» плетение.

И вот этот как бы шнурок я прикрепил к двум лямкам подтяжек, которые накинул себе на плечи. Конечно, было понятно, что эта конструкция тоже продержится не больше пары дней. Но я очень надеялся, что за пару дней всё-таки придумаю что-нибудь получше.

Чтобы утеплить спину, пришлось буквально стать портным, делая накидку на плечи, спину и грудь. Не могу сказать, что моя поделка из «волосатого мха» выглядела как произведение искусства... Скорее, как произведение криворукости и самонадеянности. Однако получившееся бесформенное «нечто» не разваливалось сразу. И это уже можно было считать достижением!

А главное — надев всё это и придавив к телу вторым трико, я почувствовал, что действительно согрелся! Я даже начал потеть в тепле своей капсулы. Правда, тело быстро приспособилось к новым температурам, но сам факт!.. Я вспотел не от пробирающего до костей ужаса, а просто потому, что стало тепло. Однозначно, успех.

Моя фигура окончательно потеряла анатомические подробности. Зато приобрела странные наросты и утолщения в непредусмотренных природой местах. Я бы сказал, что со стороны, должно быть, выглядел нелепо. Но какая мне разница, если я буду свободно гулять в этом нелепом костюме, в то время как остальные будут дрожать от холода в обтягивающих трико?!

Ответ очевиден: лучше выглядеть нелепо, чем дрожать от холода.

И в этот момент я вывел второе правило колониста неизученных планет:

Правило № 2 успешного и живого колониста неизученных планет (версия первая, неотредактированная, выведенная колонистом Ваном в нелепом наряде нелепого супергероя Убегла, состоящем из дерьма и палок)

Каждый колонист должен приложить все усилия для успешного выживания в любой, даже самой агрессивной среде, руководствуясь, в первую очередь, правилом № 1. Но, если опасность/угроза не позволяют от них сбежать, надо применить смекалку, чтобы защититься от них, и проявить недюжинное мужество, чтобы показать своё изобретение другим колонистам.

Каким бы нелепым ни выглядело изобретение, но если оно помогло колонисту успешно решить очередную проблему, то ему нечего стесняться и стыдиться. Даже если все вокруг будут смеяться над ним, успешный колонист должен помнить, что лучший смех — это хохот злорадства, который он продемонстрирует неудачникам, когда условия агрессивной среды докажут окружающим успешность его нелепого изобретения или поделки.

Кстати, если говорить о нелепых изобретениях...

Мой взгляд скользнул по голым, истерзанным камнями ногам. А потом, между делом, по пустому животу, который уже несколько часов подавал сигналы, что в него неплохо было бы что-нибудь положить. А затем, что вполне логично, ещё и по лотку с дневным рационом колониста...

Материал у лотка казался плотным, прочным и гибким. А ноги мои были сбиты, болели

и требовали обуви. Ну а живот требовал еды. И, кажется, все эти составляющие вели меня к еде и сланцам! Нелепым сланцам! Сланцам на пару дней!

А ещё к здоровым ногам!

Откладывать это дело в долгий ящик я не стал. И первым делом умял остатки «питательного набора для белковых видов». Всё, что осталось — всё и умял. В один присест. Я уже понимал, что вечером придётся распаковывать ещё один рацион. И даже смирился с этим. Просто тщательно вылизал остатки еды из всех трёх ёмкостей «питательного набора».

Нет, я не был таким голодным. И да, внутренняя брезгливость требовала прекратить облизывать лоток. Во всяком случае, делать это так тщательно. Но эта же самая брезгливость как бы намекала, что сланцы с остатками питательного пюре — гораздо хуже, чем сланцы без этих остатков. Поэтому, закончив с вылизыванием, я скатал пучок из мха и дополнительно вытер тару.

Впрочем, теперь это уже была не тара, а подручный материал успешного колониста. Которым я и собирался в ближайшее время стать — причём, невзирая на все препятствия и опасности. Я собирался выжить. И даже обеспечить себе определённый комфорт в вопросе выживания.

К сожалению, каждый из трёх лотков, соединённых в один дневной рацион, мог обеспечить сланцами только обладателя не самой большой ноги. Двадцать сантиметров в длину, не больше. Ну а мне с моими хромыми «баллонами» требовалось сантиметров двадцать восемь или двадцать девять — не меньше!

Однако если уж занялся производством нелепых деталей одежды (впрочем, как и самой нелепой одежды) — не останавливайся. Иначе триумф над потенциальными насмешниками будет неполным и не таким триумфальным. И потому делай ещё нелепей и ещё корявей. Чем я и собирался заняться.

Вооружившись острым камнем, я приступил к сладкому делу вандализма. Для начала надо было избавить будущие сланцы от стенок. Лоток хрустел в моих руках, но дело всё равно шло туго. Я даже не рассчитывал на такую крепость материала! Это было везением чистой воды. И я собирался воспользоваться им — целиком и полностью.

Собственно, стенки-то и спасли мою идею от провала. Проткнуть материал лотка было не так просто, зато согнуть его оказалось куда легче. В результате, сохранив часть стенок, я добился нужной длины подошвы.

У меня были остатки волосатого мха, острое желание сберечь ноги и куча ещё нерастраченного энтузиазма!.. Честное слово, для совершения глупостей и изобретения велосипедов — это лучшее сочетание.

В ситуации ограниченности ресурсов, ничего лучше конструкции классических азиатских шлёпанцев придумать я не смог. Три дырки и два шнурка — вот всё, что от меня требовалось. И над этим я бился весь остаток дня. Дело в том, что мой камень был приспособлен для резания, а не прокалывания.

На помощь пришла удобная ложечка из «набора питательных веществ». После того, как упаковка сворачивалась в ложечку, её ручка становилась достаточно удобной и прочной, чтобы использовать её в качестве шила. Вот только сначала её требовалось заточить...

Камни стали в этом деле немалым подспорьем. Зато, когда я закончил своё дикарское творчество, то надел на ноги отличные шлёпанцы, ремешок которых проходил между большим и указательным пальцем ноги. А чтобы шлёпанцы не слишком оправдывали своё название, я пропустил через проделанные отверстия ещё два ремешка. Их можно было

обмотать вокруг лодыжки и завязать милейшим бантиком.

Что я мог сказать, когда выпрямился во весь рост, имея утепление под трико и обувь на ногах? Только одно: Ваня — круто-о-ой! И пусть он выглядит как зефирный человек из старинного фильма про охотников за призраками, зато ему тепло и не страшно ходить по камням.

Ну, в ближайшие пару дней, конечно. Пока это всё не развалится окончательно.

— Если бы не твоя обувь, то мне пришлось бы не только оставить тебя без баллов, но ещё и снять парочку! — решил подпортить мне триумф СИПИН.

— Эй! Я вынужден выкручиваться в обстановке недостаточности ресурсов! — возмутился я.

— Честно говоря, то, как ты выкручивался, было похоже на деградацию, — признался инструктор. — А за такое надо не начислять баллы развития, а снимать.

Устрашившись такой перспективы, я решил уточнить:

— Прости... Поскольку ты ещё только изучаешь юмор Земли, никак не могу понять: шутишь ты про снятие баллов? Или такое действительно бывает?

— Такое раньше не практиковалось, — признался СИПИН. — Но ты имел все шансы стать первым примером в этой практике.

— А шлёпки мои тебе приглянулись, значит? — решил я восстановить самооценку.

— Ну... Сначала я думал, что ты ломаешь лоток из-под пищевого рациона только для того, чтобы сломать!.. — ехидно признался инструктор. — Но потом в бессмысленности твоих действий проявилась крупница просыпающегося разума. Признайся: сначала ты просто срывал злость на пустой таре!

Я уже успел подбочениться, чтобы принять баллы награды в горделивой позе. Однако после этого требования СИПИНа даже как-то сдулся.

— Мог бы обойтись и без таких унижительных комментариев! Особенно в столь светлый и радостный момент! — пожаловался я на переизбыток издевательств со стороны робота.

— Мог бы, но серьёзное общение с вами, землянами, нагоняет на меня тоску и уныние, — ответил СИПИН. — Поэтому я посчитал себя в полном праве его разнообразить! За твои усилия я начисляю тебе один балл.

— Один?! — я аж опешил от такого. — Да ты за разбитый камень больше начислил!..

— Камень был хотя бы правильно разбит. А то, что ты сотворил... Это, если мягко выразиться, представляет собой сомнительную ценность для Вселенной! — заметил инструктор.

— Ну бли-ин... — я-то, если честно, рассчитывал на награду побольше.

— Да. Твои усилия не стоили и выеденного яйца! — сурово припечатал инструктор, а потом добавил: — Впрочем, твой способ полезной утилизации тары, которая остаётся от пищевых рационов, я, пожалуй, оценю баллов в девять!

— А!.. — я возмущённо поджал губы, потому что эта сволочь опять меня подколола.

— Да, наверно, в девять. Итого... Десять баллов! Надеюсь, кстати, ты пожалеешь, что поторопился купить тепловую завесу! — продолжил СИПИН. — Но, ладно, за превращение ложечки в шило я могу подкинуть тебе ещё пару баллов! И тогда у тебя будет ровно пятнадцать.

— Ура! Вызывай меню, роботизированный враг человеков! Сейчас закуплюсь! — потребовал я.

И немедленно спустил десять баллов за продвинутый доступ к отоплению пола. А потом ещё и купил ядро выпаривателя в базовой версии.

— Ты уверен, что это именно то, что тебе сейчас нужно? — уточнил инструктор, но я не ответил.

Я проверил меню... И с тихой радостью увидел появление новых пунктов в разделе «водоснабжение».

Унитаз... К сожалению, он стоил пять баллов, и у меня уже не хватало. Душ, а точнее, душевая кабинка — десять баллов. Ванна — пятнадцать баллов. Раковина — три балла. Да, надо брать раковину! Нет, стоп...

Биде — два балла.

И вот тут я завис лишь на секунду. А потом решительно взял биде!

Кто-то может подумать, что я придурок. Во всяком случае, именно так и подумал СИПИН. И даже не постеснялся мне это высказать:

— Биде?! Иван, я зря начислил тебе столько баллов. Ты глуп! У тебя нет ни туалета, ни раковины, а ты уже купил биде?

Биде тем временем выезжало из стены. Прямо между моей кроватью и дверью. Маленькая раковинка была расположена низко: сантиметров тридцать над полом. А гибкий белый шланг с лейкой на конце, если глазомер меня не подвёл, позволял дотянуться почти до стола. Оставалось только улыбнуться, гордо отвечая роботу:

— Нет, СИПИН. Ваня — не дурак. Я только что купил всё, что потребуется мне на первое время!

— Объясни! — в недоумении потребовал инструктор.

— Шланг с лейкой даст возможность ополоснуться — это душ. И воду он даёт не хуже раковины с краном. А само биде позволит, извини за анатомические подробности, сходить в него. Хотя бы по-маленькому. А значит — это ещё и туалет.

— Учти, если прольёшь на пол, в капсуле станет очень влажно! — только и предупредил меня СИПИН. — Куда ты собираешься потратить ещё два балла?

— Один потрачу на подогрев ложа, — признался я, разглядывая в отоплении появившуюся функцию обогрева воды. — А второй пушу на регулировку освещения. Не хочу, чтобы ночью кто-нибудь пришёл и смотрел через окно, как я сплю! Считаю это моей личной придурью.

— Понимаю. Придури у тебя, конечно, много...

СИПИН не стал больше ничего говорить. Выключив свет в своей капсуле, я подошёл к биде — нелепому изобретению человека, предназначенному исключительно для подмывания, и торжественно опустился перед ним на колени. А затем осторожно приспустил комбинезон и начал облегчаться, не сдержав счастливого вздоха.

Как же я долго терпел!..

Правило № 2 успешного и живого колониста неизученных планет (дополненное)

Каждый колонист должен приложить все усилия для успешного выживания в любой, даже самой агрессивной среде, руководствуясь, в первую очередь, правилом № 1. Но если опасность/угроза/проблема не позволяют от них сбежать, надо применить смекалку, чтобы защититься от опасности или угрозы, а также для решения возникающих проблем. А, кроме того, проявить недюжинное мужество, чтобы показать своё изобретение или озвучить своё решение другим колонистам.

Каким бы нелепым ни выглядело изобретение/решение, но если оно помогло колонисту успешно избежать опасности или решить очередную проблему, то ему нечего стесняться и стыдиться. Даже если все вокруг будут смеяться над ним, успешный колонист должен помнить, что лучший смех — это хохот злорадства, который он продемонстрирует неудачникам, когда условия агрессивной среды докажут окружающим успешность его нелепого изобретения, подделки или решения.

И да, злорадный хохот — это обязательный элемент триумфа. Не забывайте об этом!

Следствие № 1 из правила № 2 успешного и живого колониста неизученных планет.

Не каждое успешное изобретение, подделка или решение является нелепым. Нелепость изобретения, подделки или решения не гарантирует его успешности, а является следствием ограниченности в ресурсах. Если успешный колонист способен избежать опасности или решить проблему изящным решением, то следует использовать его. И тогда хохот злорадства можно будет заменить вздохом облегчения.

Глава 9. Чересчур температурный

Дневник Листова И.А.

Томный вечер первого дня в новом мире

Щелчок дверного замка совпал с включением завесы. Мои догадки подтвердились, на что недвусмысленно намекал поток горячего воздуха, мощно подувший на меня. После таких приятных ощущений оказаться снаружи было особенно холодно.

Солнце клонилось к закату. Это ещё были не сумерки, но уже близко к ним. Значит, надо было спешить: источников света не имелось, а оказаться в тёмное время суток вне капсулы, ещё и на незнакомой местности, не хотелось.

В конце концов, я что, зря настраивал отопление? Я потратил кучу баллов, чтобы в капсуле стало тепло, и решил провести первую ночь вне дома? Нет, конечно! Так что я планировал обернуться быстро.

На мне было два комбинезона с утепляющими прокладками, дурацкие сандалии с криво обрубленными по ноге краями — и верный, но уже слегка затупившийся в результате проводимых работ каменный мультитул.

Как говорится, ну что могло пойти не так?

Само собой, всё! И я был готов к этому всему! На все беды и невзгоды у меня имелось первое правило успешного колониста. Даже если сегодня не доберусь до зарослей редколесья — ничего страшного. Главное, что я выживу!

Шлёпанцы приятно проминались, но держались, даря не только чувство защищённости, но и пресловутое ощущение земли и её неровностей, по которой я шёл. Утепление неплохо прикрывало от поднявшегося ветра, а камень приятно оттягивал руку, как бы намекая, что его в любой момент можно бросить — и даже попасть, если совсем повезёт.

Я сделал несколько осторожных шагов и огляделся. Кырла уже ушёл, устав любоваться на наши белые трико. Из интереса я подошёл к камню с «волосатым мхом» и понял, что мы с этой тварью отлично друг друга дополняем. Судя по тому, что оставленные мной корни мха куда-то исчезли, мне были нужны вершки, а кырлу — корешки.

Капсулы тёмным массивом со светлыми пятнами окошек стояли справа от меня. Ну а мне нужно было налево — вниз по склону. И я осторожно двинулся в путь, внимательно глядя под ноги. В конце концов, кто знает, что за твари прячутся под камнями?

Оказалось, что тварей было много. Даже с учётом ранней весны, местная живность уже вовсю активничала. От звука моих шагов разбегались какие-то шестиногие малыши, чьё тело было покрыто ворсистой жёсткой шерстью. А крупные насекомые, похожие на земных тараканов (только с восемью ногами) быстро уползали с пути, боясь быть раздавленными.

Какой-то червяк с двумя лапками под головой затрещал на меня при приближении. И я решил его — на всякий случай! — обойти по широкой дуге. Мелкая мошка настойчиво пыталась пристроиться на оголённых участках тела и что-то сделать — не уверен, что я хотел бы знать, что именно. Впрочем, меня никто не спрашивал: меня просто кусали и пили кровь.

Мир вокруг был опасен! Даже такой маленький мир, который я видел сейчас. Страшно представить, что начнётся тут летом, когда будет теплее, если при ночных заморозках вот такие страсти происходят. А до заморозков оставалось не так уж и много времени...

Я осторожно пробирался по валунам, стараясь не попадать ногой в тёмные промежутки

между камнями. А ещё обходил тварей покрупнее, но старался не обращать внимания на тех, что помельче. И в итоге довольно быстро добрался до кромки редколесья.

И первое, что меня разочаровало — древесины в земном понимании я тут не увидел. Местные растения предпочитали отращивать огромные листья и шляпки, но стволов почему-то не имели. Либо это были ложные стволы, тоже составленные из листьев.

Лес только просыпался после зимней спячки, и идти по нему было довольно удобно. Под ногами лежал ковёр листьев и отмерших растений, отчётливо пахнущий гнильцой. И этот ковёр был полон жизни, которая эту самую гнильцу подьедала.

Всё те же восьминогие тараканы всех видов и размеров (на глаза мне попался даже один сантиметров двадцать в длину). Всё те же стрекочущие черви. И не стрекочущие черви. И просто белые противные черви. В общем...

Не пошёл я на этот ковёр.

Вместо этого я двинулся по краю леса, стараясь искать места почище. И вскоре моё терпение было вознаграждено! Впереди показались какие-то тонкие стручки-побеги. Верхняя их часть была сине-зелёная, а нижняя — белесая и явно твёрдая.

Попробовав поковырять один такой стручок камнем, я убедился, что он и в самом деле похож на земную древесину. Принялся рубить — узнал, что он полый внутри. И всего через несколько минут я стал обладателем первой заготовки под копьё.

Стенка трубки была в полсантиметра толщиной, а внутри обреталось некоторое количество живности. К счастью, она решительно покинула место своего обитания, когда это самое место начали безжалостно кантовать и выстукивать.

Срубив три палки и срезав зелёные части, я закинул трубки на плечо и споро двинулся в обратный путь. Ниже по склону кто-то грозно ревел, и я очень боялся, что этот кто-то решит подняться повыше и проверить, что это за скотина такая расхищает природные богатства его родного мира.

Но как бы я ни спешил, сумерки уже начинали наваливаться на горный склон. Внизу и вовсе было темно, но на наше плоскогорье ещё падал солнечный свет. У меня оставалось в запасе ещё несколько минут, прежде чем единственным освещённым пятном в округе останутся снежные вершины гор.

И хотя со мной ровным счётом ничего не происходило, я всё равно боялся и постоянно оглядывался, каждый раз замирая на очередном валуне. И только когда меня обдало волной горячего воздуха, за спиной щёлкнула дверь, а я оказался под защитой своей капсулы — только тогда почувствовал себя уверенно и спокойно.

Две палки я сложил на полу, а одну пристроил к двери — так, чтобы на неё можно было повесить последние трусы. Я очень хотел, чтобы они перекрыли окно: не понравилось мне светить филеём перед местной живностью. Да и перед товарищами по колонизации оголяться тоже не хотелось. Пришлось, конечно, повозиться, чтобы палка вставала в распор между стенами, но в результате всё вышло, как задумано.

И только тогда я с чистой совестью приступил к внимательному изучению своей добычи. И знаете что? А ничего. На первый, второй и третий взгляд я притащил домой три обычных деревянных трубки: длиной чуть больше двух метров и толщиной сантиметра три.

С внутренней стороны каждой палки к внешней оболочке крепилась какая-то мякоть. Но я решил её временно проигнорировать. Не верилось мне, что мои первые поделки долго проживут. А, следовательно, на всякие части этих поделок, которые могут вскорости начать гнить и пованивать, можно было не обращать внимания.

Глядя на эти древесные трубки, я неожиданно вспомнил картинку из книжки, где показывалось, как раньше делались копья из бамбука. Самое забавное, что в моей капсуле имелись все составляющие для столь продуктивной деятельности.

У меня был камень! Один даже достаточно плоский и ровный, чтобы один из кончиков будущего копья об него заточить. Чем я и занялся, оставив дверь наружу незапертой, чтобы работала тепловая завеса. За полчаса мучений мне удалось сварганить что-то, издалека напоминающее копьё — если, конечно, не присматриваться. А ещё получилось протопить помещение так, что дышать было нечем.

Однако я, само собой, и не подумал проветривать капсулу. Ещё чего! Снаружи было темно, жутко завывал ветер, а по стеклу и корпусу моего домика начинало барабанить что-то мелкое. Хотя отопление в капсуле и позволяло создать разницу температур с улицей градусов в тридцать, но мало ли что там ещё будет на этой улице... А вдруг ночью до минус пятнадцати опустится температура? И что, опять страдать?

В общем, я решил перетерпеть и немного пожить в духоте, обливаясь потом. Лучше так, чем всю ночь дрожать от холода. Тем более, меня начинало клонить в сон, а засыпать всяко лучше в тепле.

Я снова осмотрел копьё. С одной стороны у него теперь имелся двадцатисантиметровый, почти ровный скос. Острая кромка была слишком мягкой, чтобы рассчитывать на неё всерьёз. Но на утро я планировал заняться разведением огня, где как раз смог бы обжечь острие в надежде сделать его крепче.

А ещё в мои планы входило вставить во вторую палку заострённый камень. Ну и как-нибудь его там закрепить. Однако все эти грандиозные планы поблекли перед острым желанием попить и поесть. Так что, закончив с делами на сегодня, я достал вторую упаковку пайка и с аппетитом съел одну из порций. После чего запил всё это водой из одной из бутылок.

В желудке образовалась приятная тяжесть. Глаза стали закрываться, причём уже неудержимо. И я позволил себе выключить свет, а затем добраться до лежанки, улечься на ней... И немедленно уснуть. Уснуть так быстро, что даже не был уверен, что успел застать момент перехода от бодрствования ко сну.

Дневник Борисова Б.Б.

День первый, самый скучный

Я трижды порывался выйти. И каждый раз в последний момент замирал перед дверью. Несмотря на то, что заняться внутри было нечем, выходить всё равно не хотелось. К тому же, мне даже в капсуле было холодно — а снаружи, видимо, будет и того хуже.

Кроме того, если я кого-то встречу там, снаружи, то мне придётся представиться. А кто бы знал, как тяжело кому-то объяснять, почему тебя зовут Борисом Борисовичем Борисовым... У меня по этому поводу ещё с детства комплексы.

Правда, их не было у моих отца и деда. Их тоже звали Борисами Борисовичами, но я-то не дед и не отец. А если я узнаю, кто в моей семье был первым таким шутником... Вот узнаю — и придумаю, как отомстить. Даже на том свете. Свечки в церкви ставить не буду, например.

Хотя какие тут церкви?! О чём я вообще?! Другая планета, чтоб её... И из окна видны только другие — такие же, как моя — капсулы. Попал как кур в ощи... И выйти страшно: вдруг встречу кого? Мало ли какая пакость на этой планете водится...

Делать мне было решительно нечего. Общаться с этим самым СИПИНОм? Совершенно

скучный и абсолютно нудный тип. Пробурчал свои инструкции и куда-то исчез навеки. Впрочем, если бы даже не пробурчал, я бы и без него разобрался. Что есть он, что нет его...

Я сегодня чего только ни делал, чтобы не скучать и согреться. Отжимался, разминался, прыгал, качал пресс, снова отжимался, делал мостик, стоял на руках... Что ещё оставалось? Есть? Я уже полдня терплю, стараясь сэкономить как можно больше рационов. Живот уже скоро начнёт переваривать позвоночник, к которому давно прилип. Ну да... Пожалуй, поесть всё-таки стоит.

Я с сомнением достал одну из коробок с едой и прочитал:

«Питательный набор для белковых видов. Особенность: человек с Земли».

Есть уже хотелось так, что я перевернул коробку и дошёл до строчки:

«Чтобы поесть, надо открыть»

И до приписки мелким шрифтом:

«Чтобы открыть, потяните за кольцо».

Не теряя времени, нашёл глазами кольцо с пометкой:

«Утренний приём пищи»

И решительно потянул его, вскрывая коробку, которую держал в руке...

— А-а-а-а! — выдал я в эфир первое, что пришло в голову, когда левую руку обожгло жаром.

Коробка полетела вниз, и содержимое первой ячейки тут же оказалось на полу. А я, не удержавшись, произнёс прочувствованную тираду, которая должна была вогнать в краску создателей проклятой коробки. Правда, они, к сожалению, эту мою тираду не услышали.

Сэкономил еды, чтоб тебя!

— Ладно, поставлю её на стол. Наверняка я не один такой дебил, кто не знал про разогрев! — решил я, нагнувшись к лежащей вверх дном коробке.

И, наконец, увидел, что таких дебилов, как я, будет немного.

Прямо под инструкцией, как открыть, имелась ещё одна, сделанная уже крупным шрифтом. Которую сложно было не заметить, но я сумел. Видимо, слегка отупел от голода:

«Поставь на стол — не обожгись!»

— Ну ять! — в сердцах снова не сдержался я.

Пришлось на несколько секунд оставить коробку в покое. Глубоко вдыхая и выдыхая, я уселся на белую лежанку. И постарался успокоиться, глядя на остатки какого-то пюре на полу. А заодно и на остатки упаковки в руке, которые свернулись ложечкой. Надо было сначала прийти в себя... На это ушла пара минут. Затем я снова поднял коробку и внимательно прочёл все инструкции.

К сожалению, самое важное предупреждение я уже пропустил. Оно же и было единственным пропущенным. Других надписей на коробке (кроме, само собой, пометок «Дневной приём пищи» и «Вечерний приём пищи») не имелось. Ни важных, ни критически важных, ни абсолютно неважных.

Разложив стол и один из стульев, я снова отдышался: к еде надо приступать спокойным. А затем уселся, взялся за кольцо «Дневной приём пищи» и потянул. На этот раз всё прошло как надо. Содержимое рациона немедленно разогрелось, остатки крышки превратились в новую ложечку, а я — не обжёгся.

— Да! Приятного мне! — радостно сообщил я капсуле, потянувшись трясущейся от голода рукой к пюре...

— Курлы! — раздался странный звук снаружи капсулы.

Я посмотрел в сторону звука. И столкнулся с взглядом странных, я бы даже сказал, зловещих глаз... Зеленоватый белок обрамлял кровожадные красные зрачки. Причём в каждом из двух глаз зрачков было пять! Они почему-то срастались пятигранником в центре, хотя и оставались вполне себе различимыми.

И эти страшные глаза смотрели на меня.

Бежать было некуда.

Спасаться было надо.

Представляться было необязательно.

Я схватил рацион и запулил им в страшного обитателя внешнего мира.

— Сдохни, тварь! Сдохни, сука! Иди сюда, я тебя ложкой расковыряю!!! — заревел я, пытаюсь стать здесь самым страшным и грозя врагу кухонным прибором.

И, странное дело, это подействовало. Когда пюре стекло с окошка на двери, снаружи уже не было никаких глаз.

Пюре...

Стекло...

С окошка...

Да, сука, я знатный эконом!.. Терпел-терпел, а потом просрал сразу две трети дневного рациона. Одна треть теперь была на полу, а вторая, ещё исходившая паром — на двери. Грешным делом, я подумал, что можно и так слизнуть...

Но остатки воспитания, вбитого ещё в детстве, воспротивились этому решению! Нельзя жрать с пола, Боря! Нельзя же... Или, когда рационов мало, можно? С тяжёлым вздохом я направился к столу и вскрыл третью ячейку.

Плюшка еды внутри была такой маленькой и жалкой, что я горько пожалел самого себя. И снова с сомнением покосился на еду на полу. В голову лезли предательские мыслишки о том, что теперь мне стоит выйти на большую дорогу, засесть в засаду снаружи, прибить кого-нибудь, отобрать рационы...

Но я был не такой. Просто голодный и расстроенный, а с пола есть не хотелось.

Дневник Берёзовой А.В.

Ночь первая, звездацкая холодная

Холод проник в капсулу почти сразу, как только начало темнеть. Я как раз поела в первый раз за день и прикорнула, закрыв опухшие от слёз глаза. И тут повеяло холодком... Нет, не поймите меня неправильно: в капсуле и так было холодно! Но тут даже на фоне холодка внутрь проник... Скажем так, ещё больший холодок. Да ладно, чего уж там! Это был не холодок, это была лютая холодрыга. Ещё и такая, что зубы сразу стали отбивать такт: бр-бр-бр, бр-бр-бр.

Анна, ты всё-таки дура! Спать надо было раньше, пока ещё солнышко светило. Тебе же СИПИН сказала, что на улице ранняя весна! Тогда и диета переносилась бы легче. И не пришлось бы весь день страдать и жалеть себя.

О чём я вообще думала?

О гипотетической фитоняше, которая затесалась среди членов группы?!

Стало ещё холоднее, и я поняла, что весь день потратила на мысли о какой-то чуши. Не о том думала, прямо скажем. Холод уже охватывал тело, сковывал конечности и неприятно кусал за кожу. Комбинезон, который предоставили организаторы моего фантастического турне, был явно не в состоянии защитит от ночных морозов.

Открыв опухшие глаза, я решила. И всё-таки перебралась с лежанки на пол. Пол был

тёплый — это помогло сначала согреть спину, пока грудь и живот подмораживало. А потом грудь, пока подмораживало спину. В общем, обычно так оладьи жарят — по очереди с обеих сторон. Однако до поджаристого оладушка мне всё ещё было далеко. А если уж честно, то согреться об пол полностью и вовсе никак не получалось.

В капсуле холодало всё больше и больше. Мне стало себя так жалко, что я снова разревелась. Но слёзы, стекая по щекам, становились холодными и противными. На этот раз плач не помогал, а, скорее, злостно мешал. Поэтому я отказалась от привычного способа решения проблем и кинулась к хранилищу. После чего начала спешно доставать из него всё, что выдали мне как колонисту. Три комбинезона, три комплекта белья.

Натянула я всё разом! Трое трусов-шортиков, три спортивных лифона, три комбинезона. Однако особо теплее почему-то не стало. Я мёрзла. А температура внутри моего убежища опускалась и опускалась. Снаружи завывал ветер, а ещё то ли дождь, то ли град барабанил по корпусу.

Пол уже не успевал согреть одну мою половину, когда второй моей половине становилось невыносимо холодно. Я не знаю, сколько продолжался этот кошмар. Знаю только, что, судя по звукам, утих и дождь, и ветер. Снаружи раздавались какие-то звуки, щелчки... И даже, кажется, слышались голоса.

А я всё пыталась согреться, сжавшись в комочек на полу. Меня трясло как в лихорадке. Мне было так плохо...

— Эй! Есть кто живой? — кто-то забарабанил в дверь моей капсулы. — Эй! Девушка! Девушка! Вставайте! Замёрзнете насмерть! Девушка!

Я подняла голову. И уставилась на миловидное женское лицо, которое заглядывало в мою капсулу.

— Вставайте! Выходите! Там ребята костёр разожгли! — сообщила мне эта особа.

Я ещё не понимала, что мне говорят. В голову будто вату набили вместо мозгов. Я пошевелилась, что-то промычала в ответ, но «особа» оказалась настойчивой:

— Девушка! Ну выходите уже! Пойдёмте к костру! Там тепло! А вам холодно. И мне холодно! — продолжала она доносить до меня простую и понятную мысль, колотя в дверь.

И мысль наконец-то добралась до моего мозга. Здесь холодно, а там тепло. Надо встать... Встать и идти туда, где тепло! Преодолевая странную сонливость и заторможенность, я поднялась и вяло подошла к двери.

— Как её открыть? — растерянно спросила я.

— **Поднеси руку к сканеру! — как будто проснувшись, посоветовала СИПИН. — Снаружи так же. Открыть дверь можешь только ты. Но если дверь не будет закрыта, то войти сможет любой.**

Часть стены рядом с дверью исчезла, взамен открыв сканер руки. Я шлёпнула по нему трясущейся от холода ладошкой, и дверь с тихим щелчком разблокировалась.

— Ну наконец-то! — воскликнула дрожащая девушка, открывая дверь и помогая мне выйти. — Пойдёмте скорее к костру...

А я смотрела на кубики на её животе, на грудь (навскидку четвёртого размера), на милое лицо, которое не испортили даже посиневшие, как у покойника, губы, на толстую косу светлых волос... На один — один! — слой одежды, не скрывавший достоинства её фигуры... И чувствовала жар ненависти, что поднимался у меня изнутри, согревая получше любого костра.

Фитоняша!..

В моей группе!..

Убить! Убить!

— Меня Маша зовут, а тебя? — спросила фигуристая гадина, даже не понимая, как близка была к смерти.

— Анна, — выдавила я из себя, а потом заставила свои губы искривиться в доброй улыбке. — Аня...

— Пойдём скорее! Холодно, а ребята разожгли костёр! Всех греться зовут! — сообщила Маша, и я позволила ей увлечь себя туда, где были люди и откуда веяло теплом.

Глава 10. Чересчур социальный

Дневник Листова И.А.

День второй, полный безнадёги

Я не против общения! И даже не против познакомиться! Но скажите на милость: почему это надо делать перед восходом солнца, а? Ну почему? Я ведь сплю ещё!

Они стучали мне в дверь минут десять. Однако я не отозвался и упрямо продолжал спать. В капсуле было тепло, а мне — хорошо и комфортно. Да и стоявшие у моей кровати сланцы, которые я, открывая глаза, видел первыми из положения «лёжа на боку», согревали душу. Ну и зачем-таки трогать человека, который находится в столь приятных обстоятельствах?

Они, правда, что-то кричали про костёр и необходимость согреться. Однако лучше бы они это кричали вчера утром, когда реально была такая необходимость. А сегодня я и так был согрет, доволен и счастлив.

И только утром, окончательно проснувшись, включив свет и распаковав «дневной приём пищи» из второго рациона, я неожиданно вспомнил, что ночью ко мне кто-то ломился.

И вот тогда уже порадовался. И тому, что соседи, как и прогнозировал СИПИН, вылезли из своих убежищ. И тому, что кто-то всё-таки добыл огонь. Потому что я пока в упор не представлял, как разжечь нормальный костёр, а он был мне нужен.

Спешить с новыми знакомствами я не стал. Если бы был уверен, что заведу среди соседей, как в баре, напиваясь, одних друзей, то, может, и поторопился бы. Но я был трезв как стёклышко. А ещё был уверен, что здесь у меня появятся не только друзья, но и враги. И как бы, с учётом моего наряда и обстоятельств, врагов не оказалось больше...

В конце концов, человек — существо ленивое: тянуться к вершинам не любит, а предпочитает копать в горах туннели. Вот и в моём случае вряд ли кто-то захочет повторять вчерашние подвиги. Скорее, попытается принизить мои свершения, а заодно и посрамить меня. Тяжек путь первопроходца — особенно, в шлёпанцах из пищевых лотков, да...

Однако на проявление чужих низменных чувств я решил не обращать внимания. Ведь если там действительно имелся костёр, мне надо было обжечь копьё. Может, станет крепче и сможет пробить шкуру кырлы. И тогда одним кырлы станет меньше, а у Вани станет одной шкурой больше. Да, вот такой я кровожадный (аж самому немного совестно перед зверушкой!).

За этими размышлениями прошёл не слишком плотный завтрак. А потом я убрал занавеску с окошка — в смысле, снял трусы с палки — и наконец-то вышел в свет. Солнце поднималось над вершинами гор, а свежий пронизывающий ветерок пытался забраться под одежду. Однако я шёл гордо и уверенно. Я был готов к новым свершениям.

Или не готов... Тут уж как получится.

Моего носа коснулся запах чего-то палёного... Именно чего-то, потому что дерево, когда его жгут, пахнет всё-таки куда вкуснее. То, что жгли мои товарищи по несчастью, явно никогда не было деревом. Да и сомнительно было, что они посреди ночи, без утепления и освещения, добрались до леса.

Так что же они могут жечь?

Оглядевшись, я нашёл ответ на этот вопрос — сухостой! В округе хватало засохших

остатков прошлогодних растений. Видимо, именно это люди и жгли. Честно говоря, топливо так себе, но я могу понять своих товарищей. Последствия ночного холода в виде снега ещё не везде стаяли.

Кстати, сланцы почему-то не защищают от холода! Каким бы ни был удивительным этот факт! Да-да! Поэтому ноги мои начинали слегка подмерзать. Так что, раз уж я выполз из тёплой капсулы, то стоило либо идти к костру... Либо возвращаться и возиться с бульжниками в надежде на каменное копьё.

На топор я пока даже не замахивался. Надо ещё побыть каменщиком, чтобы понять, как его вообще делать. Или СИПИНа пытаться — он-то, зараза, точно знает.

Не откладывая дело в долгий ящик, я двинулся на поиски товарищей по несчастью и их чудесно разведённого костра. И вскоре нашёл их. Тот, кто делал костёр, не хотел случайно сжечь капсулы, а потому расположил кострище у окраины нашей группы. Надо было пройти до камней с «волосатым мхом», а потом завернуть, обходя скопление белых убежищ — и почти сразу взгляду открывалось место общего сбора.

Ну что могу сказать... Три четверти моей группы вылезло из своих убежищ погреться. Толпа народу жалась к разведённому костру. За их спинами был навален целый стог сухостоя, из которого время от времени чьи-то руки выхватывали пучок топлива, отправляя его в костёр.

И эта толпа не стояла неподвижно. Люди общались, толкались, пытались пробиться поближе к пламени... Мелькали то белые мужские фигуры, то такие же женские... И да, теперь я точно знаю, что можно бесконечно наблюдать за тремя вещами. За тем, как течёт вода, за тем, как горит огонь — и как люди в белых трико пытаются пробиться к нему поближе. Завораживает...

Я аж застыл, глядя на открывшееся зрелище. Мне, конечно, тоже не было жарко. Но я забыл о холоде, наблюдая за этим целенаправленным движением «отморозков» к пламени. Красиво же! К тому же, среди женских тел попадались очень даже ничего такие. В общем, было на что попялиться-то...

И всё бы ничего, но тут меня заметили. Сначала один человек повернулся в мою сторону, потом — второй. А вскоре все собравшиеся уже смотрели на меня. А я на них. И в воздухе разливалось напряжение, ощутимое даже на физическом уровне...

Так бывает, когда ты весь такой в деловом костюме заваливаешься на тусовку неформалов. Или в шортах жизнерадостной расцветкиходишь в официальное заведение. Но всё это мелочи, потому что ни в первом случае, ни во втором — не стоят на кону здоровье и жизнь.

А в нашем конкретном случае... Я был как тот парень в костюме радиационной защиты на улицах подвергнутого заражению города. Единственный, способный выбраться живым и здоровым. И потому облучаемый взглядами — причём, похуже радиации.

— Придунок какой-то... — донеслось от толпы.

— Чудо в перьях...

— Чучело...

— О! Добро пожаловать! — вперёд выступил молодой темноволосый парень.

У него было такое серьёзное лицо, с печатью ответственности во взгляде, что сразу стало понятно: в школе он был, как минимум, помощником роботизированного старосты.

— Я — Роман! — представился он. — Хочешь погреться у костра?

— Меня Ваней зовут, — представился я.

— Не, не пойдёт! — крикнул один из молодых мужчин. — Ваня уже есть... Будешь Ваню! Гы!

Р-р-р-р-р! Ненавижу, когда кто-то коверкает моё имя. Вот ненавижу! Кому-то плевать, кто-то и сам подобным страдает, а я — не переношу. Так что взгляд, который я бросил на умника, ничего хорошего ему не предвещал.

— Не, ну а чо... — стусевался тот.

Кажется, собравшиеся не понимали, что десять метров в горах — это не расстояние. И даже их шепотки мне было отлично слышно.

— Так что, пойдёшь к костру? — Роман не обратил внимания на инцидент, оставшись самой любезностью.

Конечно, я бы не отказался постоять у костра, погреть ноги... Но толкаться в этой толпе унылых белых трико не было никакого желания.

— Я по делу! — ответил я, с серьёзным видом продемонстрировав копьё. — Наконечник обжечь!

— Да не вопрос! — отозвался Роман, подходя ближе. — Тебе что, не холодно?

— Ногам-то холодно, конечно! — не стал скрывать я. — А так... Неприятно, но терпимо.

— Это из-за чего-то, что ты засунул под комбинезон? — уточнил он, прищурившись.

— Вон! — я указал на камни с «волосатым мхом». — Нарвал вчера побегов. Ну и засунул их между этими двумя дурацкими трико...

— А-ха-ха-ха! Я видел, как ты вчера драпал от какого-то хомяка! — заржал один из трущихся у костра.

И наступила тишина... Даже Роман замолк, ожидая моего ответа. Эдакая проверка, прогнёшься ты или нет — знаю, проходил. Да и оратор оказался соответствующий. Кепарик бы ещё ему на башку, ну и бутылку алкогольной химии в руку....

Гопники... Гопота... Местные... На самом деле — соль земли, простые ребята, время от времени сбивающиеся в хищные стаи. Заготовки под ответственных членов общества. На Земле-то, конечно, наступил век роботов и нейросетей, когда не нужны были ни рабочие, ни специалисты, но вот гопники — они выжили.

Потому что если не они, то кто ещё гопстопнет дрона-доставщика, отобрав у него пиццу? Кто найдёт в себе смелость предъявить роботу-полицейскому, а потом уйдёт на своих двоих с электроприводами в сумке? Кто восстановит старый бульдозер, чтобы буквально закопать его автоматического собрата? Кто напишет слово из трёх букв на боку комплекса слежения за общественным порядком?

Революционеры? Повстанцы? Нет, просто нахлебники, перенимающие чужой опыт, выросший из дегтярной ложки народной глупости. Гопники! Только они способны были внести толику безумия в строгие правила нового мира. Короче, они-то выжили, а мне теперь на провокационные вопросы отвечать.

Ну что же...

— Ты меня видел, ещё кто-то видел, а я вот до сегодняшнего утра чего-то никого не видел! — отозвался я, улыбаясь так мило, что никто и не подумал бы обижаться.

Но все почему-то обиделись. Даже Роман. Его улыбка слегка поблёлкла и потускнела, но не покинула приветливого лица. Сразу видно — профессионал. Либо стал бы на Земле ответственным заместителем роботизированного начальника, либо разводил бы людей на деньги, либо секту бы возглавил. Нельзя же таланту пропадать.

— И ты решил сделать копьё, чтобы больше не бегать от хомяков? — уточнила фигуристая блондинка с длинной косой.

— Нет, я сделал копьё, чтобы отбиваться, если не смогу убежать! — строго ответил я и посмотрел на Романа. — Можно наконецник обжечь?

— Да, пожалуйста! — тот приглашающе махнул рукой, и получилось почти искренне. И почти приветливо.

Почти... Кажется, первый контакт с братьями по глупости у меня не задался. Что, в принципе, было ожидаемо. Эти ребята тонули в пучинах безнадёги и неистово бились о крепкие стены безвыходности. А я, весь такой красивый и с мхом под трико, не вписывался в этот концепт. Не надо было гадать на гуще пищевого рациона для белковых видов, чтобы знать, что так оно и будет.

— **Мне кажется, тебе стоит проявить больше социальной активности и наладить отношения со своей группой, — впервые за утро подал голос СИПИН.**

А я ответил ему мысленно, и это оказалось довольно непросто. Эмоции всё-таки фонтанировали.

— Слушай, не учи меня общаться с собратьями по стаду! — попросил я. — Твой математически точный ум просто не способен высчитать то, что я с детства впитал: во дворе, в школе...

— **Сомнительное утверждение! — попытался возразить СИПИН.**

Однако я был готов к подобному развитию событий. И даже ответ заранее приготовил:

— Советы по взаимоотношениям давать будешь, когда продиктуешь мне полностью число «Пи», жопа роботизированная!

— **У-у-у-у! Как грубо! — посетовал инструктор.**

— Зато честно, и никакой недосказанности! — отрезал я. — Хорошим и любимым роботом ты станешь, когда дашь мне много-много баллов!

— **Ты уверен, что у роботов есть условный рефлекс, и они поддаются дрессировке? — скептически уточнил СИПИН.**

— Пока я не услышал от других людей, что они тоже тебя слышат, я даже не могу быть уверен в том, что ты есть! — ответил я.

— **Что ж, логично... — согласился мой внутренний голос и замолчал.**

Ха! Я его всё-таки победил в споре хоть один раз! Ну а в то, что СИПИН действительно способен обидеться, я не очень верил. Ведь обида — это набор ощущений, которые, суть, результат внутренних процессов биологической формы жизни.

А кибернетическая форма жизни лишена этого аспекта. Так что за душевное равновесие СИПИНа я не переживал. Я знал, что он просто приятно разнообразит своё существование за мой счёт. И он знал, что я знаю. А потому не было никакого смысла себя сдерживать. Ведь сам инструктор сдерживаться не будет: он даже не способен испытать стыд или смущение. Разве что изобразить.

Тем временем, в сопровождении Романа я добрался до костра. И даже сумел просунуть копьё к пламени — остриём вперёд. Помогать мне, чтобы я пробился поближе к костру, никто не спешил. Впрочем, и я сам не рвался в это царство конкуренции за капельку тепла.

Конечно, я слегка нарушил порядок движения людей: через моё копьё им приходилось переступать. Да и вообще ненамеренно разбил собравшихся на две группы. Но, в общем и целом, вскоре моё появление перестало кого-то волновать.

Хотя, конечно, в первые минуты ещё хватало вопросов... Один тип даже пристал ко мне

насчёт обуви. И он явно был не сам по себе, а представлял группу заинтересованных:

— Клёвые шлепанцы, мажор! Из чего сделал?

— Из упаковки пищевого рациона и во-он тех волокон, — показал в нужную сторону я.

— Блин... А я уже упаковку выкинул! — расстроился посланец.

— К вечеру у тебя уже будет новая! — пообещал я ему, дружелюбно похлопав по плечу.

А ещё у меня состоялся диалог с представителем местной гопоты. Её, кстати, здесь насчитывалось немало: аж пять парней и две девушки.

— Слышь, а ты откуда будешь-то, братан? — спросил один из гопников, присаживаясь рядом со мной на корточки.

— С Земли! — ответил я, ещё не забыв, кто обозвал меня придурком в начале встречи.

— Смешно... А типа откуда с Земли? Или ты этот... Гомополит? — гопник на этом моменте смачно харкнул.

— А ты случаем не педиатр, чтобы меня лечить, братан? — выгнув бровь, поинтересовался я.

— Чё?

— Буй через плечо!

Возможно, этот диалог и продолжился бы. И даже, возможно, мордобоем. Но тут рядом возникло сразу три человека решительной наружности, и гопник просто отвалил с недовольным видом, обещающим мне всякие неприятности.

— Откуда палка? — поинтересовался один из тех троих, кто его спугнул.

Я посмотрел на говорившего, а затем на его приятеля и приятельницу... И сразу вспомнил, кого дурак видит издали... Впрочем, нет, ребята были явно военные, так что поговорку стоит даже мысленно приберечь на другой случай. Эти трое наверняка в своих капсулах не рыдали, а обстановку сосредоточенно изучали...

Во всей нашей развесёлой компании военных оказалось трое. Двое мужчин и женщина. Их легко можно было отличить в современном земном обществе: по уверенному взгляду и прямой спине. А ещё по поведению, которое как бы намекало, что ребята *действительно* умеют решать проблемы.

Отчасти так получилось потому, что роботов противника можно уничтожить: роботами и артиллерией. И танки противника можно уничтожить: роботами и артиллерией. И корабли противника можно уничтожить: роботами и артиллерией. И даже пехоту противника можно уничтожить: роботами и артиллерией.

Вот только ни роботы, ни артиллерия не смогут держать территории под контролем. А это, как я понимаю — по умолчанию, и суть, и цель любой войны. Робот слишком рационален, чтобы кого-то жалеть. Ни один алгоритм не сможет описать нюансы жизни и человеческих взаимоотношений на занятой чужими войсками земле. А значит, сначала занимать территорию должны люди.

Это потом туда нагонят специалистов, проложат электричество, поставят магнитные указатели и запустят полицию — кстати, тоже роботов. Но сначала там появятся люди — с оружием и полевыми кухнями. И это даже если на территории и населения-то почти не осталось.

В общем, военные до сих пор служат, не в пример представителям других профессий. И даже кое-что умеют: может, и не как в старых фильмах, где от одного удара кулака разлетались толпы врагов, но явно больше, чем обычные люди. Поэтому на заданный вопрос я ответил предельно серьёзно:

— Из леса, вестимо. Во-он из той лесополосы ниже по склону! — я указал направление. — Если пойдёте, под ноги смотрите. Живности много разной...

— Благодарю... Я, кстати, Сочинец, — представился мужчина, явно используя позывной, а не настоящее имя.

— Кострома, — назвала себя девушка.

— Дунай, — объявил третий.

Каюсь, я не выдержал и глупо шутканул:

— Ага, значит, мне на «и-краткую»... Йошкар-Ола!

— Так Дунай — это река, — заметила девушка-военная, слегка улыбнувшись.

— Ну я-то из посёлка в Приморском крае, — усмехнулся Дунай. — Он тоже Дунай.

— А-а-а... Ну тогда мне на «А». Астрахань! — не стала возражать Кострома.

— Хорош зубоскалить! — прервал нас Сочинец. — Надо будет тоже к лесу дойти, как потеплеет. Как там с деревьями, Вань? Что растёт?

— Дерьмо там растёт, а не деревья! — признался я. — Но я уже в сумерках ходил и прошёлся по самой окраине леса. Так что могу ошибаться.

— Разберёмся!

И они были не последними, кто решил со мной пообщаться... Подходил парень с грустной рожей: спрашивал, как я верёвки сплёл. Подходила девушка в трёх слоях трико и нижнего белья: спрашивала, зачем я вчера беременного изображал. Подходил крепко сбитый парень, представившийся Борисом: спрашивал про жуткого хомяка. Услышал про пять красных зрачков, почему-то расстроился — и, выругавшись себе под нос, ушёл.

Любопытные вскоре закончились, и мне удалось несколько минут понаблюдать за собравшимися. А заодно послушать, о чём они говорят, и что — во всяком случае, вслух! — думают. Ну и заодно определить, что и как здесь, в местном обществе, складывается.

Первое что бросалось в глаза — возраст. От двадцати до тридцати. Причём крайних значений почти не было. Значит, отбирали в антикризисный актив молодых и активных. И наши похитители всерьёз рассчитывали создать из этого нормальное общество?..

А в нём, в будущем обществе, уже складывались маленькие группки. И даже группировки. На первом месте по количеству людей в группе шёл поджигатель костра. А заодно и обладатель сразу пятнадцати баллов развития — Ром, он же Роман. Замёрзнув среди ночи, он нашёл в себе силы и смелость покинуть капсулу. А затем раздобыл сухую деревяшку, какую-то палку — и, чуть не стерев себе руки в кровь, с помощью трения развёл огонь.

Пока этот герой страдал, добывая искру, парень, которого теперь все называли Линза, тоже выбрался из капсулы. И пошёл давать Роману ценные советы по розжигу. Первое, что он ляпнул — это, что если бы было солнце, стоило бы использовать стеклянную или водную линзу для концентрации солнечного света.

У нас даже бутылки для воды матовые, идиот...

Зато прозвище было получено. Да и Линза с Романом как-то умудрились сойтись. А ещё к ним явно тянулись интеллигентный Миша Голубь, или просто Голубь, и Саныч, он же СанСаныч, крепкий серьёзный парень.

Вторым центром притяжения были Маша и Ника. Или, на самом деле, Вероника, но так её никто не называл — в том числе, и она сама. Девчонки оказались симпатичные и подкачанные, и свита молодых мужчин вилась вокруг, как мухи вокруг конфет.

Маша была плотно сбитой фигуристой блондинкой — с длинной косой, впечатляющим

бюстом и кубиками пресса на животе. Ника, наоборот, была шатенкой с тонкой талией и узкими бёдрами. Однако бюст имелся, не менее третьего размера. Да и подтянутый живот с накачанными ягодицами (причём, и у Ники, и у Маши) говорили о том, что девушки уделяли внешности много времени.

Вокруг них-то и кучковались молодые люди. Причём, в количестве аж трёх штук и с теми же увлечениями. И я не про скалолазание, тяжёлые походы и прочие адреналиновые забавы. Я про фитнес-центры. И если в исполнении девушек искусственно взращённая мускулатура выглядела красиво, то вот на молодых людей было, честно говоря, жалко смотреть.

Рельефные, но совершенно бесполезные в жизни мышцы, распушённые хвосты и голодный взгляд — причём одинаково голодный, когда смотрели на девушек и на мои сандалии, сделанные из упаковки пищевого рациона... Слезы на очах, когда смотришь на это недоразумение.

Совсем иначе выглядела противоположная по направленности группа, центром которой был Чемо, или Чемодан, или просто Юра. Это был массивный молодой человек, чья фигура навеивала ассоциации с самцом гориллы. Вот уж с кем я спарринговать бы не стал — так это с ним. Сразу было видно — прибьёт.

И вокруг него явно кучковались миловидные девушки, жаждущие защиты. Сразу пять штук. Что явно вызывало зависть остальных — группы Романа, парней из группы Маши и Ники, гопников... И даже военные нет-нет да и бросали завистливые взгляды.

Оставшиеся две группы, военные и гопники, в представлениях особо не нуждались. Они сформировались почти сразу: на общих для своего социального слоя традициях и ценностях. Так что вряд ли у них что-то кардинально изменится в ближайшее время.

Ещё был Борис, который явно не определился, куда податься. Была девушка Аня, та самая, в трёх комплектах одежды. Был нытик, спрашивавший меня про верёвки и державшийся в стороне. Так же поступил и ещё один парень — мрачный и серьёзный. Была ещё пара не определившихся девушек.

А где оставшиеся десять человек, я не имел ни малейшего понятия. Равно, как и остальные, пришедшие погреться к костру.

Вот этот социум я и встретил во второй день на новой планете. И с этими людьми мне предстояло в будущем наладить сотрудничество... Или гордо их покинуть при первой возможности. Я ещё не решил. Не успел просто: наконечник копья уже достаточно обгорел, чтобы снова пройти по нему камнем.

Поэтому я вытащил копье из костра, поблагодарил Романа и всех остальных... И с довольным видом отправился в свою капсулу. На один день социальных активностей мне уже с головой хватило...

Глава 11. Чересчур опасный

Дневник Листова И.А.

День второй, туда и обратно

Копьё стало крепче, а кромка острее. Правда, на этом все достоинства обжига и заканчивались. Я долго и старательно счищал сажу, которая теперь валялась на полу, и понимал, что пора начинать изобретать веник. У меня на полу вообще много чего было: стружка, мелкая древесная и каменная пыль, остатки мха...

Наверняка тут ещё водились насекомые, которых я просто обязан был затащить внутрь. Но сначала требовалось уточнить про уборку у СИПИНа.

— СИПИН, а в капсуле предусмотрены функции уборки? — спросил я.

— **Только одна: вытряхнуть всё, что ты здесь наживёшь, перед отлётом!** — ответил инструктор. — **Но есть возможность дезинфекции. Только ты её, даже если бы баллы были, пока подключить не сможешь.**

— Это почему? — обиделся я. — Какую кровавую жертву нужно принести во имя гигиены, чтобы подключить функцию?

— **Дело не в жертве, — как мне показалось, нехотя ответил СИПИН. — Энергетическое ядро ещё не вышло на нужную мощность. Нужно дальше активировать различные функции.**

— Так, стоп... Как активация влияет на энергодро капсулы?! — возмутился я. — СИПИН, это что за новости?

— **Капсула тоже является, можно сказать, роботом, — пояснил инструктор. — Только не разумным. Фактически она является формой кибернетической жизни. Лучшее, что удалось создать разумным биологическим видам в этом направлении...**

Я с ужасом обвёл взглядом своё убежище. «Так я что, внутри живого кибернетического организма нахожусь?! Как булка в чьём-то животе?» — мелькнула паническая мысль.

— **В общем и целом — да, находишься, — подтвердил СИПИН. — Но ты не беспокойся!.. Капсулу и создавали для того, чтобы она давала приют биологическим видам. Это её назначение! А ты — не её еда!**

А вдруг переварит?

— **Она не переваривает органику!**

А вдруг срыгнёт?

— **Она не срыгивает!**

А вдруг?..

— **Прекрати, она не живой организм! — попросил инструктор. — Просто жилище, способное к саморазвитию в рамках заданной программы. Она даже не разумна!**

Не успокоил меня СИПИН...

— **А я и не пытался. Ну почти не пытался.**

Так или иначе, но теперь на своё убежище я взглянул совсем иначе. Судя по словам СИПИНа, капсула развивалась. Чем больше функций я в ней активировал, тем больше возможностей она способна была предоставить.

А я всё гадал, чего это роботы нам нормальный функционал не выдали... А оно вон в чём дело! Они и не могли. Но почему теперь развитие стало возможным?

— Те, кто создавал устройство, были твоими, можно сказать, собратями по паранойе! — ответил СИПИН. — Её развитие полностью завязано на биологическом разумного, который в ней обитает. Я не знаю подробностей, но твоё развитие в качестве разумного существа обеспечивает и её развитие. Даже цены в баллах — это её функционал. Мы его применили на Алтарях Вознаграждения, но оригинал — тут. И да, держи два балла за догадливость... И ещё пять за своё копьё!

— Спасибо! — вежливо поблагодарил я, даже не понимая, за что больше...

Итак, новость первая: у меня снова были баллы. Новость вторая: роботы оказались не всесильны. Капсулу, созданную какими-то биологическими разумными, они могли только скопировать. Секрет её функционирования им оставался неизвестен. И поэтому они не могут влиять на развитие капсулы.

А что если?..

— Сохрани свою догадливость для завтрашнего утра! — попросил СИПИН. — У меня, между прочим, лимит на подобную раздачу баллов в суточный цикл обращения планеты!

И я сохранил. Будет время — и будут мысли. А пока надо было выбраться наружу и заняться чем-нибудь полезным. Впрочем, план, чем заняться, у меня-то как раз был!

1. Еда2. Вода (проблема решена на объём 10 литров в день)3. Одежда (есть временное решение по утеплению)4. Тепло (жирная зелёная галочка: выполнено)

У меня не было еды и нормальной одежды. И именно этим мне предстояло в ближайшее время озаботиться. Причём, начать следовало бы с еды, потому что остальные вопросы я худо-бедно решил. Конечно, можно было бы купить пищевой рацион за баллы... Вот только Алтаря Вознаграждения поблизости не наблюдалось. Да и нельзя же все баллы тратить на еду!

А значит, надо было найти местные источники пропитания.

Что я ел дома? Мясо и растительную пищу! Откинем в сторону рыбу: пока нет рядом водоёма, рыба или её местные аналоги мне не светят. Растительная пища? Тоже пока нет смысла искать: ранней весной ещё ничего вырасти не успело. Разве что мох пожевать, разделив обед с кырлой...

Оставалось мясо. А у мяса был один серьёзный недостаток: его надо было ловить, убивать, свежевать, потрошить, а потом ещё и тщательно готовить. Зато в перспективе мясная диета могла дать приятный бонус: одежду куда лучше той, что была на мне сейчас.

Однако моё нынешнее копьё подходило для охоты примерно, как деревянная колотушка для забивания гвоздей. Ещё неизвестно, что, кому и куда в итоге забьют. Таким копьём, как у меня, хорошо встречать налетающего со всей дури врага. А самому бить — это надо ещё придумать, как проткнуть убегающую добычу.

С другой стороны, надо хотя бы попробовать... Если не попробуешь — то и не узнаешь. Ну а если ничего не получится, потребуется оружие получше. Что там ещё древние использовали против живности? Луки и стрелы, копьё, дротики, пращи и камни. Нет, ну последнее точно не про меня — убьюсь, раскручивая эту самую прашу.

Луком я тоже пользоваться не умею, а дротики в жизни не метал. Что делать, Ваня? Бросаться камнями по птицам? Так я пока особо их здесь и не видел. Может, тут эволюция вообще пошла по иному пути? И даже не пыталась поднять в небо то, что призвано ползать и плавать.

Или не успела? Или просто в горах птицам не очень нравится?

Так или иначе, вопрос с охотой надо было решать. И делать это в ближайшее время. А значит, пришло время экспериментировать с оружием. Делать копья, дротики, лук и стрелы. Да, кстати, разводить огонь мне тоже не мешало бы научиться...

А раз нужны материалы для оружия, то заняться той же древесиной надо немедленно. А то сейчас придут военные, вырубят втроем весь лес — и что делать бедному Ване на лысой, как череп того менеджера, который меня сюда отправил, местности?

Я, конечно, поизображаю из себя муху: поползаю, потру лапки... Но что-то мне подсказывает, что всё самое ценное надо собирать по окрестностям сейчас. Как только вся братия, что сегодня тёрлась у костра, поймёт, как полезно что-то делать для обустройства личного быта, искать ценный ресурс придётся всё дальше и дальше от наших капсул.

Сорок человек, конечно, не могут всю округу выскоблить. Однако и легкодоступных ресурсов тут не так уж много. Рано или поздно они закончатся, а сложнодоступные мы пока добыть не в состоянии. Мы ведь такое племя... Даже не охотники пока, а исключительно собиратели.

В общем, я решил идти к лесу и искать материалы. Они просто обязаны там быть! Может быть, где-то в глубине, куда я накануне из-за сумерек так и не сунулся. А может быть, чуть дальше.

И я не стал больше тянуть.

На улице за то время, пока я пробыл в капсуле, особо теплее не стало. Похоже, надвигались заморозки. Или уже надвинулись. Однако это не могло остановить решительного меня. Я дошёл до камней с «волосатым мхом», но там уже, к сожалению, ловить было нечего.

Камни были обобраны начисто. За прошедшее время мои товарищи по несчастью утянули даже корешки. И никакой кырла не пришёл их пугать. Впрочем, оно и понятно. Учитывая, сколько тут людей было, любитель корешков мог стать приятным мясным дополнением к питательным рационам.

И всё же, немного походив вдоль капсул, я сумел обнаружить ещё одни поросшие мхом валуны. Возле них, правда, тоже тёрлись мои товарищи по несчастью, но их было всего двое. Борис и Анна. Оба собирали мох, о чём-то переговариваясь с сосредоточенными лицами.

— Вы бы корешки обрезали, что ли! — посоветовал я, приблизившись. — Как потом грязь с корней будете вычищать?

— Ой, Ваню, ну чем нам резать? — удивилась Анна. — Ножей-то у нас нет!

— Так и у меня не было. Сделал из камня! — ответил я.

— А мы не умеем, — с мрачным вздохом заметил Борис.

— Надо у СИПИНЫ спросить. Может, она подскажет! — неожиданно предложила Анна.

— СИПИНЫ? — удивлённо переспросил я.

— У женщин инструктор говорит женскими голосами, — пояснил Борис. — У нас, у мужиков — мужскими. Так что для нас СИПИН — он. А для них — она.

Сейчас было самое время сделать круглые глаза... И спросить то, чего я сам боялся услышать больше всего: «У вас что, голоса в голове?». Однако я решил не опускаться до столь низких приколов.

— А зря! Это было бы интересно! — заявил СИПИН. — Люблю изучать человеческие реакции на неожиданные раздражители. А ты, Ваня — очень хороший

раздражитель.

— Вот и спросите у СИПИНЫ, как камни колоть. Мне она... В смысле, он помог! — проигнорировав ехидного инструктора, пояснил своим собратьям я.

После чего развернулся и направился назад. Сначала к капсулам, а потом — к лесу.

Путь я выбрал тот же, что и вчера. Не потому, что не люблю новизну. Если это новая дорогая тачка — тогда да, такую новизну я, конечно, люблю. А вот ходить по валунам, рискуя в незнакомом месте подвернуть ногу — это нет, спасибо большое. Ну а ещё, двигаясь по уже знакомому пути, я хотя бы запоминал маршрут.

Первой моей жертвой стал шипящий червяк. Зашипев при виде меня, он широко раскрыл рот, усеянный острыми зубами. И получил по морде остриём копыя. Но либо удар был слишком слабым, либо мне не хватило скорости... В общем, шкуру ему я не пробил, и этот гад, продолжая шипеть, резво уполз с моего пути.

Тараканов я трогать пока не стал. Я, конечно, знал, что они очень питательны. К тому же, лесные ещё и не такие опасные — в плане возможных болячек. Но одно дело — земные тараканы. А вот местные... В общем, ещё неизвестно, стоит ли игра свеч.

Зато теперь я не обходил червяков по широкой дуге. Стоило кому-нибудь из них угрожающе на меня зашипеть, как он немедленно получал копьём по балде и сваливал. И если делал это недостаточно быстро, то я добавлял ещё — по кольчатой жопе.

Убить пока никого не получалось, но и ладно. Главное, что двигался я теперь по прямой. Хотя бдительности не терял, по-прежнему поглядывая, что у меня под ногами делается. Это и принесло мне первую находку...

Камень! И не просто камень! А самый настоящий золотой самородок каменного века! В плане ценности, само собой. А так-то это был кремень.

Выглядел он как ещё один белый булыжник, что в изобилии валялись по округе. Вот только сколовшаяся часть обнажала вполне себе кремневое серо-белое нутро. Я видел кремень: отец показывал. Так что знал, как его отличить.

В первый момент я засуетился, пытаюсь сходу что-нибудь придумать. Однако затем заставил себя успокоиться и огляделся. Камней в округе хватало, и многие из небольших были похожи на то, что мне нужно.

Теперь оставалось понять, сколько материала потребуется. И для этого мне был необходим инструктор.

— СИПИН, а ты даёшь инструкции по обработке кремня? — уточнил я.

— **Я, конечно, всё могу дать... — отозвался тот. — Но чем точнее нужна инструкция, тем дороже она будет стоить.**

— Стоить?

— **Да, стоить! — отозвался тот. — Полное обучение работе с кремнем, на который ты смотришь, обойдётся тебе в сотню баллов. Будешь копить?**

— Я лучше изведу весь кремень и сам научусь! — набычился я.

— **Вот и правильно! — похвалил СИПИН. — Нечего простого работа всякой чушью нагружать.**

Вопрос был решён: материала требовалось много. И, само собой, тратить световой день на то, чтобы осваивать ремесло камнетёса, я не собирался. Потому, собрав несколько кусков кремня и нежно прижимая их к груди, отправился в обратный путь.

Струзив в капсуле найденные булыжники, я вернулся на нужное место. И так, за десяток ходок, притащил достаточно камней для вечерних экспериментов. Пришлось, правда, ещё

походить по округе и поискать что-нибудь, что помогло бы их обрабатывать.

Несколько округлых камней, несколько вытянутых... Они должны были стать моими инструментами в деле будущей обработки. Я примерно понимал, с чем мне придётся столкнуться, и поэтому знал, что искать.

Наконец, основательно завалив участок пола в капсуле, я снова двинулся к лесу. Каждый раз я выбирал один и тот же путь. И каждый раз моя скорость на начальном этапе возрастала. Даже шипящие черви больше не выползали мне навстречу. Видимо, поняли, что ловить им рядом со мной нечего.

И хорошо ещё, что каждый большой камень и каждую рытвинку, которую видел впереди, я сначала прощупывал копьём. Иначе бы этот день стал последним в моей жизни. Ведь когда копьё вместо пыльной, но твёрдой поверхности ткнулось во что-то пыльное, но более мягкое...

Я не растерялся! И почти сразу рванул назад. Вот только я был слишком близко к той твари, что выдавала себя за грязный валун. По форме она чем-то напоминала картофелину — вся такая продолговатая. Вот только размерами эта тварь была больше меня!

Она лежала в засаде. И ничем себя не выдавала ровно до того момента, как её вырвал из налёжанного места раздражитель — то есть, тычок острой деревяшкой. В один миг «картофелина» распахнула огромную пасть, выпустив по её краям две пары лапок — и попыталась сожрать моё копьё. Причём, ещё и активно пропихивала его внутрь своими «роторучками».

Копьё было жалко. Я выдернул оружие из загребущих лапок «картофелины», а потом дал дёру!

И тут же остутился, чуть не загремев между валунов... Это-то меня и спасло во второй раз. Смягчая удар, я перекатился боком, на миг посмотрел назад — и увидел, что «картофелина» выпростала из-под пуза последнюю пару конечностей.

Они были огромные, измазанные комьями грязи. Ещё и гнувщиеся, как у кузнечика, назад. И предназначенные для того же, для чего и у кузнечиков... Резко распрямившись, мощные ноги отправили огромную «картофелину» в прыжок. И закончиться, судя по траектории, он должен был прямо на мне.

Надо было бежать...

Но я не успевал встать на ноги. Слишком быстро всё произошло. И слишком быстро летела плотоядная тварь, уже заранее распахнув пасть. Я не успевал ничего... Только поглубже забиться в узкую щель между двумя валунами. И с перепугу выставить вперёд неказистое оружие, уперев его в валун.

«Картошка» вlepилась ровнёхонько в то место, где я прятался. Точнее, прямо в измазанное своей же слюной копьё. Траектория прыжка была такой, что на острие «картофелина» нанизалась под углом. И деревяшка тут же жалобно затрещала, принимая на себя немалый вес.

Брызнула густая коричневая кровь. Да что там!.. На меня обрушился целый водопад, заливая грудь, лицо и руки... А зверюга заметалась, нанизанная, как бабочка на булавку. Копьё затрещало ещё жалобнее, а затем хрустнуло в последний раз — и переломилось.

А вот инопланетный хищник был ещё жив. Он щёлкал зубастой пастью, тщетно пытаясь съесть хоть что-то напоследок — не терять же зря время, пока бьёшься в агонии. Кажется, копьё проткнуло зверя удачно, и оказалось несовместимо с дальнейшей жизнедеятельностью инопланетного организма.

Однако острые зубы (а также вспомогательные лапки по краям от пасти) всё ещё со скрежетом царапали валуны. И я забился в щель ещё глубже. Задние ноги хищника дёргались, как будто у «картофелины» случился нервный припадок. Из раны продолжала литься коричневая кровь.

Я бы вывел в этот момент третье правило успешного и живого колониста... Однако народная мудрость давно уже сделала это за меня. В притче про воробушка, коровью лепёшку и кошку. И поскольку в дерьмо я уже вляпался, оставалось лишь замереть и не чирикать. Авось всё само как-нибудь образуется.

И — вот удивительное дело! — это сработало! «Картошка» дёргалась минуты две, стачивая зубы с когтями о камень и истекая кровью вперемешку с вонючей слюной. Напоследок она ещё и выплеснула на меня изо рта что-то едкое. То ли желудочный сок срыгнула, то ли какую-то другую внутреннюю жидкость. Последняя месть умирающей гадины...

К счастью, для начала струя этой жижи ударила по тем выделениям, которые уже покрывали всё моё тело, с шипением растворяя их. И когда жидкость добралась до меня, я почувствовал лишь слабое покалывание на коже.

Наступила звенящая, почти оглушающая тишина. Я медленно пошевелил сначала одной рукой, а потом другой... И с удивлением понял, что они почему-то целы. Внезапно целыми оказались и ноги, которые почти касались земли — так глубоко между валунами их удалось пропихнуть. Правда, и лодыжки, и бёдра были покрыты ссадинами и порезами. Пытаясь забраться подальше и поглубже, я неплохо так обтесал кожу на ногах об камень. Кстати, когда вылезал, царапин только добавилось...

И это был не полный список. Болел бок, которым я приложился, когда убегал. Немного ныли локоть и плечо. Однако всё это были мелочи. Ведь стоило мне поднять взгляд, и я наткнулся на пятисантиметровые клыки напавшей на меня зверюги...

Извиваясь, как недавно это делали червяки, я выбрался из-под страшного, но случайно поверженного врага. И выпрямился во весь свой гордый рост победителя.

Увидел, как бегут ко мне по камням Сочинец, Дунай и Кострома... Подавил рвотные позывы, одолевавшие меня всё то время, пока я чувствовал тошнотворный запах «картофельных» выделений...

А потом как пнул эту сволочь в бок ногой! Даже тапки свои не пожалел!

Впрочем, тапки выдержали, а вот ноге стало неприятно. Это немного прояснило моё сознание, а заодно уняло боль от потери копья и — главное! — заставило думать. И первое, о чём я подумал — так это о том, что напавшее на меня существо было безглазым.

Вот нос на этой морде имелся: три прорези с мягкими краями чуть выше пасти. А глаз почему-то не было. И даже намёка на них. Но... Как она тогда настолько точно на меня прыгнула?

А ещё я понимал, что сорвал джекпот. Случайно сорвал, как всегда они и срываются. Завалить эту сволочь сам я бы ещё долго не смог. Она просто самоубилась об меня и моё копьё. И, бесславно скончавшись, подарила мне много всякого разного и полезного.

Толстую кожу, которая покрывала массивную тушу. А ещё кости, которые наверняка имелись внутри. Даже мясо... Ну должно же внутри иметься мясо, которое мог бы есть человек? В конце концов, ради чего я тут камни таскал, дерево искал, да? Ради вот этого всего!..

И «всё это» теперь лежало на земле. Оно ждало, когда же его разделают.

Вот только я не умел.

И даже не представлял себе, как...

Глава 12. Чересчур насыщенный

Дневник Листова И.А.

День второй, джек-пот и как его делить

— Смотри-ка, живой! — проговорила Кострома, стараясь не подходить ко мне слишком близко и брезгливо морщась.

— Только вонючий и грязный, — усмехнулся Дунай.

— Несмешно! — сразу среагировал я. — Хотя нет, со стороны смешно... А мне — несмешно!

— Знатная добыча! — Сочинец единственный подошёл ближе и внимательно оосмотрел поверженную тварь. — Что собираешься с ней делать?

— Пуцу на мясо и шкуры! — сразу же ответил я.

— А знаешь, как? — спросил Дунай, тоже решаясь войти в облако окружавшего меня амбре.

— Нет, — признался я.

— А я знаю! — гордо заявил он. — И Кострома знает... Может, сговоримся?

Жаба, конечно, орала благим матом: требовала взять себе всё и не делиться. Но это жаба — ей и положено только квакать да душить. А я всё-таки человек, и мне с людьми на контакт надо идти. Тем более, военные казались не самыми плохими союзниками в нашей группе.

К тому же, я действительно не знал, как разделявать туши. А если знали они... Ещё бы понять, как это проверить. С другой стороны, деваться-то особо некуда. Так что пусть попробуют.

— Надо кровь слить! — сразу заметил Дунай. — Натекло много, но много и осталось.

— И где её сливать? — подняв бровь, спросила Кострома. — Тут бы ещё понять, как оно всё внутри устроено...

— Цыц! — прервал соратников Сочинец. — Ну что, Ваню, готов делиться?

— Готов! — решил я. — Мне с этой туши нужны штаны и жилетка, чтобы не мёрзнуть. Ну и мясо на пробу.

— Это ты себе не меньше половины шкуры просишь, — заметила Кострома, но смотрела при этом на Сочинца.

Видимо, в силу каких-то невидимых глазу обстоятельств лидерство в группе получил этот невысокий крепыш. И ему было решать, соглашаться на мои условия или нет.

— Справедливо! — неожиданно согласился он. — Тебе половина шкуры и четверть мяса. Всё остальное нам.

— Кости? — спросил я.

— Кости нам! — твердо заявил тот.

Кости терять не хотелось. Из костей много всего можно сделать. И получится лучше, чем из обычных камней. С другой стороны, у меня в капсуле была навалена куча кремня. Если получится, сделаю себе столько инструментов, сколько потребуется. С кремнем я работать, может, пока и не умею... Ну так и с костями тоже.

Я вообще мало что умел делать руками. Как, собственно, и большинство землян моего времени. Зачем? Были роботы-пылесосы, роботы-швейцары (зашёл домой, и вешалка тебя сама раздела), роботы-повара... У нас были роботы для всего. В общем, толку мне пока от

костей было мало. А вот от потенциальных союзников — много.

— Согласен! — решил я.

— Чем резать-то? — подал голос Дунай. — Ни ножа, ни лезвия...

— Ножи я вам сейчас подгоню, — решил я. — А потом, если никто не возражает, пойду чиститься.

— Ну давай... — Сочинец посмотрел на меня с сомнением.

Я же не стал терять время: добрался до места, где собирал кремь, и один из небольших камней расколотил прямо там. Из булыжника размером в два кулака удалось выбить пять пластин, которые можно было использовать для резки.

По сравнению с нашими далёкими предками, я просто бездарно переводил продукт. Однако цель была достигнута: острые кромки кремня позволяли разделать даже толстую шкуру. Чем Дунай и Кострома немедленно занялись под приглядом Сочинца.

К этому времени от капсул подтянулось ещё несколько любопытных. Но я отмахнулся от вопросов и помчался спасать своё утепление. Кровь, слизь и прочие вонючие жидкости надо было смывать. Причём, побыстрее — пока они были ещё жидкостями.

Мне повезло! До плетёных утеплений вся эта гадость почти не добралась. Разве что накидка на плечи намокла по краям. Ну и штанины с рукавами немного пострадали. А «пояс бабушки для согревания поясницы» спасло трико, которое, оказывается, почти не пропускало воду.

Но даже это «по краям» вскоре обещало завонять, как десять дохлых трупов. Я скинул верхнее трико, отправив его в хранилище и взамен достав чистое. А затем разложил на полу утеплители и принялся удалять с них следы крови и слизи.

На это дело я даже нескольких литров воды не пожалел. А сушить волокна мха решил под тепловой завесой у двери. Двадцать минут — и я снова был чист. И готов к великим свершениям. Вот только копыя у меня теперь не было...

Выйдя из капсулы, я заметил, что военные ещё возятся с тушей. И пошёл к Роману — договариваться, чтобы научил меня разводить костёр. Я понимал, что бесплатно тот наверняка откажется, однако у меня теперь было, что ему предложить.

Вообще-то у меня и раньше много чего было. Знание про мох, про кырлу, про лес... Но эти знания я великодушно, с прицелом на будущее сотрудничество, уже раздал всем желающим. Теперь же у меня имелись и материальные активы. Однако сознательность Романа я переоценил.

Уже подходя к костру, застал момент, как того же, чего хотел я, просил Борис. Вот только цену за обучение ему выкатили непомерную...

— Смотри, мы научим тебя согреваться, а ты подаришь нам день! Отработаешь! — говорил от лица всей компании Голубь, но, судя по улыбке Романа, тот полностью одобрял такой подход.

— Да вы чё, ребят? Целый день! — возмутился Борис.

— Ну нет — значит, нет! — заявил Голубь. — Сам научишься.

Услышав такое, я остановился, развернулся и тихо свалил. Лучше сам научусь. За день уж точно. Тем более, возможностей хватает. Лучше самому стереть руки в кровь, чем этим кровопийцам целый день подарить...

Поэтому я вернулся к туше поверженной твари, которую разделявали Кострома и Дунай. Но там моя помощь особо не требовалось. Военные уже слили кровь и теперь активно снимали шкуру.

— А как мясо хранить собираетесь? — спросил я.

— Может, закоптим, — пожал плечами Сочинец. — Может, просто пожарим и раздадим. Можешь ты, если хочешь, заняться вопросом. А вот со шкурой всё попроще будет... Если, конечно, мы с тобой костёр разведём.

— М-м-м-м... — протянул я и замолчал. — А есть идеи, как разводить?

— Конечно! Трением! — Сочинец продемонстрировал мне несколько сухих деревяшек, напоминавших плавник. — Отойдём в сторонку, сядем и будем тереть.

— Плохой план! — признался я.

— Есть лучше? — с вызовом поинтересовался бывший военный.

— Нет... Но будет! — решительно заявил я. И задумался...

В голове человека хранится очень много всякой информации. Её просто надо уметь оттуда правильно достать. А в большинстве своём люди этого не умеют. На моё счастье, простому способу, как это делать, научил меня дед. Заключался он в том, что для начала надо было понять, какая память у тебя лучше работает.

У кого-то хороша зрительная, у кого-то — слуховая. А кто-то вообще запахи запоминает лучше всего. У меня хорошо работала зрительная память. Особенно легко запоминались всякие картинки. Так что припомнить школьный учебник, загруженный на планшет и посвящённый теме разведения огня древними людьми, было несложно.

И чем больше я вспоминал, тем больше образов мелькало в моей голове. Рука, прижимающая камнем вращающуюся палочку... Маленький лук, чтобы не крутить деревяшку между ладоней... Идея полностью оформилась спустя пару минут.

— Пошли костёр разводить! — решительно сказал я Сочинцу.

И первым поскакал по камням к капсулам.

С каждым разом путь от капсул до леса занимал всё меньше времени. Пока Сочинец осторожно пробирался назад, я успел сбегать ко второму месту произрастания «волосатого мха» и нарвать волокон.

Лука у меня не было, да и делать его оказалось не из чего: трубчатые стволы для этого не слишком подходили. Зато был напарник. Мы сплели длинную верёвку и обмотали ей палку, которую собирались вертеть. Один конец верёвки взял я, другой — Сочинец.

Небольшая тренировка по слаженным действиям... И вот уже мы перестали одновременно тянуть верёвку и рвать её. А дальше дело пошло быстрее. Я прижимал палку плоским камнем, а Сочинец держал дощечку. И на «раз-два», постепенно ускоряясь, мы принялись работать.

Дерево продержалось десять минут. Затем от плоской деревяшки, служившей основанием, пошёл дымок. А потом затлел пучок мха, приложенный к месту розжига. Вот и зачем тратить день на сомнительного учителя по розжигу костров, который сам не знает, что делать, и боится, что пламя затухнет? Особенно, если всё можно сделать самим?

Появление нового костра группа восприняла с энтузиазмом. Мы людей от пламени не гоняли, оставив только небольшой участок для работы. Хотят погреться — пусть подходят. А потом было много дел... Мы собирали дрова, искали хоть что-то солёное (и нашли), тащили шкуру и куски мяса к костру... А ещё искали, в чём смешать воду с золой от костра — благо, от тех дров, которые использовались, её было ну очень много.

Просто участвуя в процессе, я, надо сказать, немало узнал о выделке шкур. Правда, до современных земных способов мы, конечно, не дотягивали. А вот уровень каменного века точно был взят.

Вот, к примеру, сколько может наплевать человек? Именно наплевать! Слюна обладает несильным бактерицидным эффектом, который как раз и требовался для консервации. К тому же, шкуру надо было размочить, чтобы снять с неё остатки плоти.

Никогда не забуду, как трое военных вместе со мной стояли и плевали на снятую шкуру, привлекая к этой задаче всех, кто подходил к костру погреться... И, конечно же, никогда не забуду, как мы её скребли деревянными скребками в разводах воды, слюны, соли и золы...

Более противное дело и придумать сложно, если честно. Но, как хором заявили Дунай и Кострома, если нет иных способов — то лучше так, чем профукать ценный ресурс.

А затем мы натирали всё то ли мелом, то ли известняком, который притащил Сочинец. И снова скребли, и снова тёрли...

А как мы потом коптели эту шкуру, кидая в костёр всё, что могло гореть и дымиться!.. Это была та ещё задачка. К тому же, сначала мы не могли соорудить над костром никакого каркаса для удержания шкуры. Поэтому приходилось дым вручную нагонять.

Это был кожевенный ад, в который я попал по своей воле и желанию. В итоге у нас даже получилось сложить из камней некую конструкцию, на которой удалось растянуть кожу. Во всём этом кошмаре грела только мысль о том, что у меня скоро появятся нормальные штаны и нормальная жилетка.

Что, впрочем, опять-таки зависело от моих способностей к шитью. Потому что «рукодельных» навыков у меня почти не было. Я помнил, что нужна игла и нить, а ещё надо как-то тыкать и сшивать швы... Ну и всё. В общем, мне катастрофически не хватало того, что, наверно, было ещё у наших отцов и дедов — банального бытового опыта.

Я отчётливо понимал, что нихрена не умею.

И это уже было огромным шагом вперёд.

Но, главное, я был уверен, что всё смогу!

А вечером я сидел в своей капсуле, смотрел на отблески огня за окном... И снова работал. Огонь был наш — тот самый костёр, где коптилась шкура. За ним договорились следить посменно. Моя смена была утренняя — наверно, самая хорошая.

А вечер я коротал тем, что скалывал кремь. Осторожно, не торопясь, пытаюсь почувствовать камень и найти правильные точки приложения силы. Мне нужно было много кремневых пластин. Тонких, с острыми краями. Которые можно будет использовать и как ножи, и как наконечники для копья и дротиков.

Руки у меня были покрыты порезами и ушибами — совсем как ноги. И даже на лбу имелась царапина, оставленная одним неудачным осколком. Однако я не сдавался. Я работал и работал, не теряя надежды получить хорошие инструменты.

Всё-таки опыт использования деревянной трубки в качестве копья мне не понравился. Сжимаясь между валунами в ожидании хищника, я чувствовал себя слабым и беззащитным. И это было отвратительное чувство... Особенно, когда нет возможности никуда сбежать.

И хоть в результате мне повезло, это было именно везение, а не моя заслуга. Однако я собирался исправить такое досадное недоразумение, причём в скором времени.

Дневник Берёзовой А.В.

Ночь вторая, полная ненависти и зависти

Я была отличницей в школе! Я закончила институт с красным дипломом! У меня даже настоящая работа была, когда у других только социальные выплаты и служба! Я всегда и во всём была лучшей!.. Из-за этого быть на последних ролях на проклятой дикой планетке, в

окружении гопников и культуристов, было вдвойне обидно.

Ника и Маша, две сучки, хотя бы внешними данными могли похвастаться. А я оказалась на обочине жизни... И что остаётся? Липнуть к Чему, который Чемодан, в надежде на защиту и заботу? Да глупо даже надеяться на то, что Чем в одиночку сможет всем бесхозным девочкам помочь. Он хороший парень, добрый, ответственный... Но он — один. На всех в нашей группе таких Чемов не напасёшься...

Прибиться к фитоняшкам? Так они не примут. Уже сформировали свою свиту, а теперь оберегают её от посягательств со стороны. Но вообще-то свита у них так себе. Доверия и чувства защищённости не вызывает...

Как же я ненавижу этих девочек, у которых хватало свободного времени следить за собой... Кто бы знал, как они меня бесят, раздражают, нервируют своим видом! Но вступать с ними в контры, конечно, было нежелательно. Жить хотелось страшно.

А ещё я завидовала тем, кто успел добиться хоть чего-то... Роману, который развёл первый костёр. В его капсуле теперь было тепло — и это точно известно. Почему до этого не додумалась я? Впрочем, даже если бы додумалась, я ведь не знала, как это сделать. Я и сейчас этого не знаю!

Просто раньше плевать мне было на подобную информацию... Когда я жила в современном роботизированном обществе, мне надо было знать и уметь то, что поможет там в люди выбиться. Кто же знал, что придётся опуститься до уровня пещерных предков, ещё и на другой планете...

Но больше всех я завидовала этому выскочке — Ваню! О, силы высшие, я больше не могла терпеть эту жгучую зависть! Как будто она меня изнутри разъедала. А так-то да... Парень не виноват в том, что я ему завидую. Кому везёт — тому и счастье. Мало того, что он умудрился первым утеплиться и придумал, как... И за это наверняка ему накинули баллы. ... Так ещё он умудрился сделать копье, убить какую-то зверюгу — и, как я поняла, половина шкуры от неё достанется ему!.. Оно, конечно, справедливо, но меня совершенно не утешает...

А ещё он развёл второй костёр. И с кем? С военными, которые меня просто игнорировали, как какое-то недоразумение. И теперь они вместе занимались выделкой шкуры. Да что же я-то ничего не умею?! Почему какие-то беременные козлы здесь оказываются лучше меня?! Где справедливость в этом долбаном мире?!

Я ужасно мечтала оказаться у второго костра, где то ли сушили, то ли палили огромную шкуру хищника. Там были камни, там было жарко, и там не заставляли искать дрова. Но я упрямо сидела у костра Романа... И терпеливо бегала каждые двадцать минут на сборы сухостоя.

Да, блин, я знала, что он нас использует...

Но один взгляд на огромную, растянутую над костром шкуру вызывал у меня жгучую зависть. Весь день я пыталась хоть как-то утеплить свои комбинезоны: набить их плотно, набить их неплотно... Пыталась даже что-то сплести...

И всё без толку. Волокна этой проклятой травы и не думали оставаться там, где им положено!.. Они сползали вниз при каждом неосторожном движении. Я очень пыталась повторить конструкцию, которую использовал Ваню, но явно что-то делала не так.

Я бы пошла поучиться... Но Борис, которого тут все называли Трибэ, чтобы не путать с другим Борисом, сегодня подходил к Роману: просил научить разжигать костёр. И тот потребовал работать на него целый день.

И что тогда Ваню потребует от меня? Даже знать этого не хочу. Вряд ли он лучше, чем Роман. Дура ты, Анна! Если бы осталась на Земле, не волновали бы тебя эти вопросы. У тебя всё и так было неплохо. А могло быть и ещё и лучше! Но ты зачем-то попёрлась за займом...

Лучшая в школе, лучшая в институте, удачливая по жизни... Теперь я впервые оказалась в социальном низу и даже не представляла, как из него выбраться. Оставалось только стоять у костра, поворачиваясь к нему то одним боком, то другим, чтобы не замёрзнуть. Ну и бегать за дровами.

И каждый раз бежать приходилось всё дальше и дальше. Потому что окрестности давно уже были обобраны: ни сушняка, ни травы не осталось...

Мне нужно было себя проявить! Хотя как-то! Мне нужны были баллы развития, и очень нужны были улучшения капсулы!..

Я хотела, как Ваню, быть независимой от разжигателей костров! Я хотела ночью спать на белой лежанке и не дрожать от холода на полу. Неужели это так много, чтобы моё желание не исполнилось, а?..

— Слышь, чувиха, ты совсем замёрзла! — раздался рядом голос Сашка, одного из прихлебателей Туза. — Иди сюда, согрею!

Гопники тоже были тут, в полном составе. И с Тузом во главе. Ваню они сразу невзлюбили, а военных побаивались. Ну а тут чувствовали себя королями. Приставали к девушкам, задирали парней. Роман пытался их выгнать, но, поговорив с глазу на глаз с Тузом, резко отказался от этой идеи.

Над фразой Сашка гопники весело засмеялись. Стали приглашать меня погреться сразу со всеми. А я вынуждена была краснеть, скрипеть зубами и слушать это... Как же я завидовала девушкам Чема, который ещё вечером собрался и ушёл к костру Ваню!...

Я бы тоже ушла, но там куда больше завидовать буду...

Ну а тут хотя бы злость думать помогает. Может, смогу придумать, как бы заработать баллы развития. Всё-таки я умная женщина. Не дура. Отличницей была, с красным дипломом окончила институт. Честное слово, ну не может быть так, что я да не найду способ!..

— Герла, да хватит мяться!.. — чьи-то грубые руки обхватили меня за талию, заставив взвизгнуть.

Я попыталась вырваться, но не получилось. Вокруг были только равнодушные взгляды окружающих — видимо, боялись вмешиваться. А Сашок тащил меня, уже лапая за грудь.

— Отвали от неё, озабоченный! — меня как-то сразу отпустили.

Я вырвалась, развернулась и уставилась на Трибэ, который подошёл к Сашку почти вплотную и теперь нависал над ним, как мрачная грозовая туча. Внутри всё как-то непроизвольно сжалось от нежности к этому второму неудачнику нашей группы...

Вот уж родственная душа, честное слово! Вот только Туз с приятелями уже поднимались на помощь своему...

— Чё сказал? — Сашок попытался дёрнуться, и в этот момент Трибэ резко выбросил руку вперёд, приставив ему к горлу осколок камня с острым краем.

— Я не по-русски говорю, что ли, утырок? — мрачно спросил он. — Или ты такой тупой, что нескольких слов понять не можешь?

— Э-э-э-э! — Сашок сразу поднял руки, а Туз с товарищами остановились. — Ты чё, бра...

— Не братан я тебе, придурок! — резко оборвал его Трибэ. — Пшёл отсюда! Подойдёшь

ещё раз — отрежу яйца, чтобы больше не тянуло на девок...

Он выждал пару секунд, но Сашок не уходил.

— Чего встал, уже отрезать? — Трибэ начал перемещать камень вниз, и Сашок, совершенно не по-мужски взвизгнув, отскочил в сторону.

— Ты мне, гнида, ответишь! — сразу нашёлся он, но подходить не стал.

— Мальчики, да прекратите уже! — закричала Маша, решив всё-таки успокоить мужиков.

— Слышь, Трибэ, ты попал! — сообщил Туз.

Трибэ не ответил. Он подошёл ко мне, подхватил под локоть и, наклонившись к уху, сказал:

— Пошли отсюда, живо!..

И я пошла. Испуганная, подавленная, разве что ещё не сломленная морально. Хотя... Если бы Трибэ захотел меня в этот момент взять где-нибудь под кустом, я бы, наверно, даже не сопротивлялась. Сил не осталось никаких...

Но мы просто обогнули скопление капсул. И вышли ко второму костру. Там был Чем и его девчонки, там стоял этот военный — Сочинец. И висела ненавистная мне шкура. Сочинец продолжал какое-то строительство из камней. Чемодан пытался обколоть камень. И никто ни к кому не приставал. Никто не смотрел волком. Ни на нас, ни на других.

— Можно у вас тут постоять? — спросил Трибэ.

Сочинец неопределённо дёрнул плечом, явно разрешая. И всё! Никаких требований, претензий, обязанностей...

— Всё, Ань, стоим тут! — сказал Трибэ. — Тут нормально.

— А они не придут? — тихо спросила я, вспоминая руки Сашка, жадно лапавшие грудь.

— Пока не придут... — ответил Трибэ.

— А потом, Борь? — никак не могла успокоиться я.

— А потом разберёмся, — мрачно ответил парень.

И почему-то я сразу поверила, что он разберётся. Как-нибудь — может, криво и косо — но обязательно разберётся...

Глава 13. Чересчур неожиданно

Дневник Листова И.А.

День третий, Ваню обманутый, погода хреновая

Они меня провели! Дежурить перед самым рассветом — это настоящее испытание для стойкости век. Держать их раскрытыми в это время сложнее всего. В сон клонит неумолимо. И даже холодрыга на улице не спасает, а очень даже наоборот.

Меня разбудила Кострома. Сама она ушла спать. Военные все ютились в капсуле у Сочинца, которому перепали баллы за розжиг костра и за что-то ещё. Мне вот пока никаких новых баллов не перепало. И что за несправедливость?

— **Я начисляю баллы тогда, когда считаю нужным, — заметил СИПИН, который, как всегда, подслушивал. — Начислю и тебе.**

Я даже отвечать не стал. Просто зевнул во весь рот, чуть не вывихнув челюсть.

У нашего костра было довольнолюдно. Чемодан со своими дамами, плюс ещё четверо человек. И чего им у Романова костра не сидится? Однако я, естественно, заострять на этом внимание не стал.

За ночь наш костёр преобразился. Военные от скуки соорудили вокруг пламени стенку из камней. А ещё закрепили четыре столба, на которых мы растянули шкуру. В дыму копилось несколько кусков мяса. Это, видимо, была пробная партия.

Остальное мясо мы развесили на верёвочках, тоже прикреплённых к двум высоким каменным столбикам. Температура ночью была такая, что можно было не бояться за сохранность продукта. С гарантией не протухнет. А вот от мелких любителей грызть чужой улов нужна была защита.

Рядом, на тех же столбиках, висел какой-то из внутренних органов зверя. Думаю, это всё-таки была часть кишки. Внутри неё был жир и, кажется, мозги. Правда, они туда переместились уже после убийства зверюги. Кострома говорила, что с их помощью можно сделать шкуру мягче. Но сначала её надо будет ещё раз почистить. Правда, уже после копчения.

Никогда не думал, что всё так сложно...

Сложенные кучкой дрова почти закончились, и я пошёл собирать новые, стараясь не терять костёр из виду. Поднялся ветер. Он кидал в лицо пыль и мелкие снежинки, прилетевшие неизвестно откуда. А холод пронимал до костей, несмотря на всё моё утепление.

Горы... Сейчас я понимал, что имел в виду СИПИН, когда говорил, неизвестно ещё, повезло нам или нет с появлением в горах. Посмотрев на то, что творится в маленьком леске ниже по склону, я понял: в тёплых краях и густых зарослях водятся такие твари, с которыми ни за какие коврижки встретиться не захочешь.

В горах же хватало и камней, и полезных материалов. Да и дерево можно было найти. Так что наше положение было отнюдь не самым плачевным. Нам не хватало только Алтаря Вознаграждения.

Я вздрогнул... Издали донёсся тоскливый и голодный вой какой-то твари. Его подхватили другие недобрые голоса. Наверно, так были волки на Земле по ночам, жалуясь на свою нелёгкую судьбу. Здесь тоже были свои «волки» — а точнее, те твари, что выполняют их роль.

Кто их знает, как они на самом деле выглядят? И они ли это воют? Я вот не знал, но протяжный жуткий вой, пробирающий до костей не хуже мороза, мне не понравился. И я спешно устремился назад к костру. Защита сомнительная, но, говорят, нашим предкам помогала. Правда, сами предки рассказать нам, бестолковым потомкам, уже ничего не смогут. А верить ли всем этим археологам и историкам — ещё неизвестно.

Жавшиеся к костру люди выглядели грустными и несчастными. На улице действительно было морозно. Градусов пять ниже нуля, не выше. А правильно повторить моё «от кутюр» из волосатого мха сумели немногие. Да оно и понятно: на мне этот природный утеплитель тоже начинал сбиваться.

— Смотреть на вас больно!.. — признался я сидящим у костра, испытывая острый приступ жалости. — Давайте-ка вы по очереди в мою капсулу заберётесь минут на двадцать... Человек по пять за раз. Хоть прогреетесь.

— А у тебя там тепло, да? — дрожа, как осиновый лист, спросила Аня.

— Относительно, — признался я. — Но если не закрывать дверь на замок, тогда будет работать тепловая завеса. Даже жарко станет.

— А можно, я первая? — жалобно спросила девушка, украдкой вытирая сопли.

— Да Бога ради! Пожалуйста! — ответил я, пожав плечами. — Ещё четыре человека есть?

В итоге в первой партии ушли все девушки. Семь человек, между прочим, но они как-то влезли в капсулу. И нашли, где сидеть, не мешая друг другу.

— А можно воду попробовать? — спросила весёлая девчонка с круглым веснушчатым лицом, указывая на биде. — Идёт?

— Вчера весь лимит дневной вылил! — признался я. — Так что не уверен. Я сначала от крови отмывался, а потом мы ещё шкуру вымачивали... Если успел пополниться, то, может, литр-два и набрались. Попробуй...

Девушка попробовала. И очень обрадовалась слабой струйке воды. Вода, кстати, была чистая — я накануне проверял. Да и как иначе-то? Она же получалась благодаря выпаривателю. А какие в паре могут быть лишние примеси? Наверно, никаких. Ну я надеюсь...

— Пика, ну как? — спросила её товарка.

— Чистая... Только кончилась! — вздохнув, призналась та.

— Если пить хотите, то есть вода в бутылках, — сказал я. — Даже если выпьете, я потом наберу.

Девушки расселись по всей капсуле, как воробьи на проводах. Три на лежанке, две — на откидных стульях. И ещё две скромно пристроились на крышке хранилища.

— Наверно, лучше не надо воды... — неуверенно подала голос одна из спутниц Чемодана, — Туалета-то здесь, внутри, нет.

— Слив есть в биде! — намекнул я.

А затем забрал из капсулы одно древко, один наконечник и несколько пучков волосатого мха. После чего ушёл дальше следить за костром, не дожидаясь споров и возражений.

Кому надо — тот сам поймёт. Кто не поймёт — тому, значит, ещё не припекло. Я так считаю. Не хотелось тратить силы и убеждать кого-то, что ситуация у нас — дерьмо, а потому и не такое позволяет... Тем более, женщин, которые вообще в этих вопросах куда щепетильнее.

А мужчины в большинстве своём — твари неприхотливые, приспособленные природой ко всяким невзгодам и неприятностям, куда нас часто заносит собственная непоседливость. Так что лучше, если мы будем с женщинами подобных споров избегать. Меньше знаешь про микробов — крепче спишь.

— Спасибо, что пустил их! — искренне поблагодарил меня Чем.

Он и Трибэ сидели у костра на корточках так близко, что ещё немного — и сами станут дровами. Я попробовал усесться так же. Надо же, и вправду тепло. Даже, можно сказать, жарко. Хороший способ согреться, только ноги с непривычки устают. Вот наши гопники — тем, наверно, удобно. Они, как я заметил, на корточках часами могут заседать.

— Ну отопление в капсуле работает всегда, — ответил я. — Следить за костром всё равно надо, а брать у меня там нечего.

— А пищевые пайки? — вскинулся Трибэ.

— Их там осталось пять штук! — признался я. — Так что даже если возьмут, я не сильно расстроюсь. Нужно искать местный источник еды...

И мы все трое, не сговариваясь, посмотрели на мясо. Подозрительно тёмное, но на вид такое аппетитное...

Если верить военным, которые вскрывали поверженного мною монстра, физиология местных животных не особо отличалась от нашей. В наличии имелось сердце, которое гоняло кровь. А ещё органы, похожие на почки и печень. И даже было что-то вроде желчного пузыря. Ну и какой-никакой мозг, само собой.

Однако внутри органы располагались иначе. А в убитой зверюге — так вообще, совсем иначе. К примеру, печень и почки (ну или их аналоги) прятались в переплетении кишок. А сердце обнаружилось ниже желудка. Однако тут надо сказать, что «картофелина» вообще слабо была приспособлена для передвижения.

Эта тварь миллионами лет затачивала стратегию выживания на то, чтобы сидеть в засаде. Поэтому у неё желудок был просто огромный, трёхкамерный. В первой камере можно было за раз растворить, ни много ни мало, меня самого. А во второй — плескалась какая-то вонючая жидкость, которую Дунай обозвал раствором для бальзамирования.

Так и сказал: видимо, сначала пищу растворяют, потом бальзамируют, а затем медленно переваривают. Мол, этот зверь пару месяцев может в засаде сидеть, не шевелясь и пребывая в каком-то анабиозе. А энергию для жизнедеятельности, вероятно, добывает из того забальзамированного раствора, который поступает в третью камеру желудка.

Поэтому и не нужны «картофелине» ни уши, ни глаза. А зачем? Лежи и жди, когда добыча сама к тебе придёт. Если жертва небольшая — съесть её, и всего делов. А если большая — то хоть кусочек откусить, а потом снова замереть.

Видимо, поэтому самые толстые мышцы и сухожилия были на пасти. Длинные задние лапы и те оказались слабее. Они были слишком энергозатратны для такого организма. Видимо, нужны были, чтобы прыгнуть один-два раза: либо чтобы догнать убежавшую добычу, либо чтобы выйти из-под мстительного удара той твари, которая только что потеряла кусок.

Кожа убитой «картофелины» не пахла ничем. Наоборот, даже была вымазана пылью, чтобы ещё больше напоминать валун. И если сделать два больших прыжка и замереть, то никакой обиженный зверь тебя уже не найдёт, перепутав с камнями.

Впрочем, это были наши догадки. А вот что было заметно сразу — кровь. Она была не красная, а коричневая. Почему? Мы понятия не имели. Но оттого и мясо было

коричневатым. И куда более тёмным, чем привычное нам.

— Думаешь, его можно есть? — осторожно принимаю, уточнил Трибэ.

— Не знаю, — признался я. — Утром попробуем... Но пахнет мясом. И выглядит как мясо. Цвет только странный... Но на этой планете вообще много чего странного.

Я положил древко себе на колени и принялся прилаживать к нему кремневую пластину. Вот она-то у меня получилась очень удачно. У неё даже был хвостик, который гарантированно пролезал внутрь деревянной трубки. Дальше каменная пластина расширилась, а потом переходила в длинное остриё. Жуть какое остриё!..

Надо было только вставить внутрь древка эту пластину, а затем уплотнить всё так, чтобы надёжно держалось. Чем я и занимался, используя небольшие щепки и волосатый мох.

— Новое копьё? — уточнил Чем.

— Ага, — ответил я. — Надо до леса дойти... Там древесина есть. А как? Вчера я две трети пути прошёл и нарвался. Работы на весь день. Сегодня снова попробую... А если опять нарвусь? И моё деревянное копьё — всё, сломалось.

— Какой смысл этим цифровым мозгам отправлять нас сюда без всего? — вдруг возмутился Трибэ, который как раз о чём-то сосредоточенно думал.

— А почему ты решил, что без всего? — заспорил Чем. — У тебя есть капсула. Вон, на Вану посмотри: у него там даже отопление теперь. От холода не помрёт.

— У меня там и вода есть. Так что жажда тоже не грозит, — заметил я.

— Вот видишь! Это просто мы ничего не можем... — Чем шмыгнул носом. — Привыкли чуть что, всё в сети узнавать. И что большую часть работы за нас роботы делают. Мы сами не знаем ничего...

— Ну почему ничего? Военные умеют, вон, шкуры обрабатывать! — не согласился Трибэ.

— Они это умеют, потому что Дунай и Кострома охотой увлекались, — заметил я. — Как военные они даже костёр из подручных материалов не умеют разводить. Без зажигалки — ни-ни!.. Их, знаете ли, хорошо снабжали.

— А ты умеешь? — спросил Трибэ.

— Что, костёр разводить? Нет... И я не умею, — признался я.

— И как же вы его развели? — удивился Чем. — Или у Ромы увели уголёк?

— Нет у него там углей! — отмахнулся я. — Он добывал трением дерева об дерево. А я вспомнил картинки с разными приспособлениями предков. Мы пару идей использовали. Ну и быстро развели.

— Каких идей? — заинтересованно спросил Трибэ, и я вспомнил, что он недавно подходил с этим вопросом к Роману.

— Да там суть проста! — пояснил я. — Её Сочинец вспомнил. Чем сильнее дерево об дерево давит, тем вернее загорится. Добывается-то всё трением. Раньше ещё лучок специальный делали. Тетиву обматывали вокруг палочки и двигали лучок. У нас лучка не было — мы просто в две руки старались. Но самое главное — плотно придавливать деревяшку к деревяшке, понимаешь? Мы как всё это вспомнили и поняли, так сразу за десять минут и справились.

— Хм... А ты сейчас ваш секрет не выдал? — спросил Чем.

— Какой к хренам секрет, ребята? — удивился я. — Вы вообще о чём? Вы тут сколько людей видите вокруг? Тысячи?!

— Нас тут сорок человек, — мрачно оглянувшись, проговорил Трибэ.

— И скоро станет ещё меньше... — кивнул я. — О каких секретах речь? Нам бы выжить, блин! А не секреты разводить. Так что... Чем больше людей костёр научится разводить, тем лучше!

Я оказался тем дурным Нострадамусом, делающим мрачные предсказания, которые незамедлительно выполняются. Зашумело... Сначала раздался какой-то свист, затем грохот, а потом — гул, как будто ракета стартует. Я невольно вскинул голову... И уставился на белую капсулу, поднимающуюся над землёй неподалёку.

— Кто там жил? — сглотнув, спросил я.

— Непонятно... Сходим! — Чем решительно встал и первым побежал к месту отлёта капсулы.

Следом кинулся Трибэ. А я сначала подкинул дров в костёр. И только потом двинулся следом. Копьё я как раз доделал, поэтому чувствовал себя довольно уверенно. Но от костра старался далеко не отходить. Благо, и не требовалось.

Отбывающая капсула раньше стояла неподалёку от моей.

— Ну что там? — спросил я, не решаясь подходить ещё ближе, чтобы не оставить костёр совсем без присмотра.

— Девушка тут! — ответил непривычно бледный Чем, который подошёл ближе всех. — Вены себе вскрыла, похоже...

— Кто она? — не отставал я.

— Одна из тех, кто так и не вышел... — поёжившись, отозвался Трибэ. — У неё окно было занавешено комбезом. Тут у неё пара палок осталась. Из капсулы на землю выпали. И четыре пищевых пайки.

— Забирайте пайки. И тащите тело к костру, — предложил я. — Мне возвращаться надо, приглядывать... А её, наверно, стоит похоронить по-человечески.

— Это точно...

Вскоре к костру прибежал Чем: положил рядом пищевые пайки. Снова убежал. Со стороны отбывшей капсулы снова донёлся шум, и я решил всё-таки посмотреть, что там ещё происходит.

Представшая картина была сродни постапокалиптическому сюрреализму... Чемодан и Трибэ отступали от горланящей толпы из женщин и мужчин в белых трико. Видимо, на шум прибежали все, кто вообще сидел у костра Романа.

— Вещи отдайте, мерзавцы!..

— Убийцы!..

— Слышь, иди сюда, гнида!..

Я понял, что сейчас тут может стать на пару мёртвых тел больше. И сходу включился в историю.

— Что вы здесь устроили, придурки!? — рявкнул я.

А чтобы голос мой был весомее, несильно ткнул копьём в сторону ближайшего к Чемодану и Трибэ человека. Мол, давай-ка отойди назад вместе со своими кулаками.

Честно говоря, я-то рассчитывал, что этот мужик сразу отскочит. Но, видимо, реакция у придурка была той ещё... Копьё кольнуло его в плечо, заставив вскрикнуть. А мне пришлось срочно развивать наступление на морально-волевых, чтобы толпа не накинулась уже на меня.

— Вам кто разрешил шуметь?! Чего припёрлись?! Хотите взять на себя похороны тела? Так тогда взяли труп и потащили хоронить!

— А вещи её где?! — закричала Маша.

— А я почём знаю? Тут было четыре пищевых пайка, и они пойдут похоронной команде! — рявкнул я. — Кроме них, было голое тело и две палки! Всё!..

— Слышь, а мы тоже готовы быть похоронной командой! — неожиданно заявил Туз, сплюнув на землю.

— Хорошо! — ответил я. — Берите тело и идите хоронить. Справитесь — получите четыре пайка. Не справитесь — хоронить будут вас.

— А ты чё тут командуешь, слышь? — возмутился Туз.

— А ты чего так далеко стоишь-то, ссыкло? — отрезал я. — Иди сюда, ближе! Давай! Чего встал?..

На пару секунд наступила тишина, а потом я повторил:

— Кто хочет копать могилу и хоронить тело — подходите к нашему костру. Пока тело будет лежать там, — я махнул Чемодану и Трибэ. — Берите, пошли...

— Эй, а мы считаем, что пайки должны отойти всем! — заявил Голубь.

— Пайки уйдут похоронной команде! — упрямо повторил я.

— Чего ты правила устанавливаешь? — возмутился Роман, но этот хотя бы подошёл ко мне. — Неправильно это...

— Неправильно требовать, чтобы на тебя сутки работали! И это за сомнительный навык трения деревяшки об деревяшку! — отрезал я. — Я больше за принцип «кто первый встал, того и тапки». Вот он хотя бы правильный! А ты, Рома, за своими решениями следи, а не за чужими.

Чемодан и Трибэ как раз успели подхватить тело за руки и за ноги. И уже унесли его с того места, где раньше была капсула мёртвой девушки. Поэтому я спокойно развернулся и, не обратив внимания на пару выкриков из толпы, тоже ушёл. С гордо поднятой головой. И постоянно ожидая удара в спину.

Но пока не решились... Пока! Потому что чуяло моё сердце: размежевание нашего маленького социума уже началось. Сегодня мне чудом удалось взять толпу нахрапом. Никто из прибежавших на место отбытия капсулы не был готов воевать за добычу.

Но это сегодня! А что будет завтра?

Главарь гопников Туз, судя по взгляду, испытывал ко мне острейшую ненависть. А я не был таким уж крутым дипломатом, чтобы эти отношения как-то наладить. Да и Роман тоже наверняка обиду затаил... Рано или поздно дойдёт до полноценного конфликта. И не факт, что мы окажемся победителями.

Мне срочно требовалась сотня баллов... Чтобы в любой момент была возможность переместить свою капсулу, куда потребуется. Желательно, куда-нибудь подальше...

— Вправду хочешь отдать пищевые пайки тем, кто хоронить будет? — спросил Чем, когда я подошёл к костру.

— Ну теперь точно да, — я развёл руками. — Вообще-то я думал вам отдать, раз вы первые их нашли... Но надо же было вас вытаскивать, когда эти попёрли на вас всей толпой.

— Спасибо, кстати! — кивнул Чемодан.

— Спасибо! — согласился Трибэ.

— Ладно, где там труп? — спросил я, строя из себя кого-то другого: серьёзного и уверенного в себе.

Кем я, само собой, не был. Честно говоря, я и трупов-то в своей жизни почти не видел. Однако нельзя было показывать слабинку.

Девушка лежала на валуне неподалёку от костра. При жизни была симпатичной особой: с тёмными вьющимися волосами, тонкими чертами лица и хорошей фигурой. После смерти стала просто трупом. Увы!

Раны на теле были, но только на запястьях. И выглядели они очень неприятно — неровные края, как будто разгрызенные, подтёки крови. Набравшись решимости, я протянул руку к губам покойной. Моя догадка подтвердилась: зубы у неё тоже были в крови.

— Жесть... Она сама себя так? — удивился Чемодан. — Зачем же...

— Шок, апатия, уныние... — проговорил я. — Может, хорошо жила на Земле. А может, семья осталась, или родственник какой, или любимый...

Будто в ответ на мои слова похоронно завыл ветер, проникая под одежду и заставляя ёжиться.

— Ладно, пошли к костру... — предложил я, увидев, что Чем и Трибэ уже дрожат от холода. — На свету проверим всё, а потом — похороним.

Когда они отвернулись, я незаметно вытащил из-за ворота последний пучок волосатого мха, взятый из капсулы. И обтёр испачканное кровью остриё копья. Не хотелось почему-то, чтобы Чем и Трибэ это видели... А когда вернулся — тут же выкинул окровавленный пучок мха в пламя. Но было ощущение, что этот почти случайный укол мне ещё припомнят...

В любом случае, первая кровь уже пролилась. И пролил её я. Если честно, от этого становилось немного гадко на душе...

Глава 14. Чересчур всякого

Дневник Листова И.А.

День третий, собрание у костра

Когда пришёл Сочинец — а он был первым из военных, кто проснулся — я честно поведал ему о происшествии. И о своей роли в том, что случилось. Не стал скрывать и того факта, что ткнул кого-то копьём в плечо.

— Да и хрен с ним, с кем-то! — неожиданно легко отмахнулся Сочинец. — Заживёт. А поступил ты правильно. Резко, но правильно. Хотя вообще... Надо было меня разбудить.

— Да я даже не знаю, какая у тебя капсула!.. Вы туда свалили, а я и не посмотрел, какой номер... — признался я.

— У меня сто восемнадцатая. Недалеко от тебя! — усмехнулся военный. — Я, кстати, тоже выходил в первый день. Но мы с тобой, видимо, в разные стороны ходили. Вот и не встретились.

— Ну это я тогда так... — я почувствовал, что краснею. — На наезд отвечал. Гопники-то наши точно по капсулам сидели.

— Ну эти-то да. Были бы посмелее, могли бы силой стать! — вздохнул Сочинец. — А так... Трусливая гопота нам досталась. Пойдём на тело поглядим.

Поглядели. Всё те же страшные раны на запястьях, всё те же окровавленные зубы и дёсны. Кожа у девушки была белая-белая: много крови вытекло.

Чем и Трибэ неподалёку копали яму. Сначала оттащили пару средних валунов, а потом принялись долбить стылую землю двумя палками. Теми самыми, что остались на месте капсулы.

— А это откуда? — спросил Сочинец, указывая на палки.

— Из капсулы покойной выпало, — ответил я. — Кстати, это дерево. Довольно крепкое.

— Очень интересно... — военный в задумчивости схватился за мочку уха. — Получается, она тоже выходила из капсулы... И нашла где-то нормальную древесину.

— И, судя по всему, свежую, — уточнил я. — Пахнет какой-то смолой.

— Надо бы поискать этот Клондайк! — Сочинец улыбнулся. — Давай-ка мы с тобой этим и займёмся. И наших гробокопателей с собой прихватим. Нам очень нужно нормальное дерево! Это, считай, и дрова, и инструменты.

Мы снова осмотрели тело. Особенно ноги. Вот ноги-то нам и выдали, где недавно была девушка. На ступнях и лодыжках виднелись разводы той самой дряни, которая устилала здесь дно леса. А ещё обнаружилось множество мелких ранок и укусов. Они были уже практически не видны, но...

— Знаешь, а что... Что, если её в первый день покусали и чем-то отравили? — неожиданно предположил Сочинец.

— Ей было плохо, и, исстрадавшись, она решила покончить с собой? — продолжил я его мысль. — Ну как вариант...

В пользу этой версии говорило и выражение лица покойной. На нём даже после смерти сохранилась печать боли и какого-то неизбежного страдания.

— Ведь ты тогда тоже добрался до леса, но вглубь не полез! — припомнил военный.

— Да... Там ковёр из гниющих листьев и прочей гадости. И под ногами кипит такая неприятная жизнь, что я просто не решился лезть! — признался я.

— А вот она, похоже, решилась... — Сочинец покачал головой. — Полезла на свою голову... Или не на свою. В любом случае, стоит подстраховаться.

— Думаю, мне стоит немного вам помочь! — неожиданно подал голос СИПИН. — Да, она подверглась действию несмертельного токсина, но её смерть — результат процессов, протекавших в её голове. Как предположил Иван — уныние, апатия и депрессия. Это было её решение.

— Стало спокойнее... — кивнул Сочинец.

— Я всё равно не понимаю, — проговорил я расстроено. — Ну как же так? Молодая, красивая... Могла бы жить да жить.

Сочинец молчал ещё почти минуту. А потом повернулся ко мне и тихо, как-то очень рассудительно, как человек, который знает что-то важное и не привык делиться этим знанием, сказал:

— Идеи, Вань. Самое опасное в нашем мире — это идеи. Они могут быть хорошие и плохие. А иногда и хорошие идеи, если их довести до крайности, становятся очень плохими. Но, какую бы идею ты ни принял в себя, если ты ей поверишь — она начнёт на тебя влиять. И чем больше и чаще ты веришь этой идее, тем сильнее она с тобой срастается, как симбионт. Вот только некоторые симбионты, бывает, оказываются паразитами.

— Ты хочешь сказать, что ей было легче сдаться, чем бороться, и она как бы... Приняла в себя эту идею? — спросил я.

— Ну да... Так и есть. Будь осторожней со своими мыслями: вот она к тебе в голову пришла, и ты её впустил. А вот уже не отмахнулся от неё, не возразил — и ты начинаешь этой мысли верить, — Сочинец при этом нахмурился. — Говорят, раньше, во времена больших войн, ещё до боя можно было сказать, кто, скорее всего, вернётся, а кто уже сдался и погибнет, просто по настрою и поведению. Не забывай чистить свою голову от всякого дерьма, пока оно в ней глубоко не проросло. Иначе вот как с ней будет!

Трибэ и Чем не осилили и метра. Стылая земля не желала поддаваться их усилиям. Ещё и камни попадались постоянно. Когда наши «гробокопатели» выдохлись, их сменили Линза из группы Ромы и молодой человек, которого все называли Прокачуном. Он грезил тем, что попал в продвинутую цифровую игру. И был жестоко разочарован тем, что это не так.

Они в итоге и углубились дальше метра. Тело погрузили в яму и принялись закапывать. В этом помогали уже все собравшиеся. Пришли Ника с Машей и их свита. Вернулись девушки, гревшиеся в моей капсуле. Пришли Дунай и Кострома. Пришёл Роман и толкнул короткую, но пафосную речь. Не то чтобы его тут ждали, но не гнать же?

В общем, похороны закончились быстро, а я приволок бутылку воды, чтобы всем ополоснуть руки. На всех не хватило, и пришлось снова наполнить её в капсуле.

Пищевые пайки, как и было обещано, выдали работникам. Четыре копателя могил — четыре пайка. Линза и Роман, успокоенные, после похорон ушли. А вот Прокачун зачем-то остался, теребя в руках коробку с пайком.

— А ты чего? — спросил его Сочинец.

— Меня там пытались к работе припречь, — признался он. — Чтобы я Тузу с прихлебателями сделал утепление. Но я так не хочу... Сделал вид, что согласен, а сам сбежал хоронить.

Только тут я заметил, что у Прокачуна тоже есть равномерное утепление между комбинезонами. Неплохо сделано, кстати!

— Ишь ты, — покачал головой Дунай. — Быстро они борзеть начали... Прямо даже

боязно становится далеко отходить.

— Не бойсь! — успокоил его Сочинец. — Несколько дней ещё есть, прежде чем полезут. Пока, видишь, одиночек пытаются прессовать. Аню, Прокачуна...

— Не только! — мрачно заметил Прокачун. — Романа, главного нашего, они первым прижали. Я сам слышал... Случайно неподалёку оказался, когда ему Туз угрожал.

— Это когда тот их выгнать пытался? — уточнила Аня.

— Да, — кивнул Прокачун. — Когда в сторону отвёл. Я тогда тоже в сторонку отходил, по нужде. Вот и услышал из-за камня. Туз сказал Роману, что в его же костре и сожжёт его, если тот ещё раз позволит себе командовать. Сказал не рыпаться и сидеть на жопе ровно.

— Мило! — Кострома покачала головой. — Я так понимаю, надо готовиться к проблемам...

— Не сейчас, — снова повторил Сочинец. — День-два у нас точно есть. Ваню?

— Ась? — отозвался я, начиная примиряться с прозвищем. — Я согласен!

— Сразу? На всё? — Кострома округлила глаза.

— Ну... Не то чтобы на всё, но на многое! — в тон ей ответил я и уточнил у военного: — Речь о походе к лесу?

— Именно! — кивнул он, довольный тем, что его быстро поняли.

— Хоть сейчас! Только позавтракать надо... И не мясом: ему я пока не доверяю, — признался я.

— Ему пока никто не доверяет! — хмыкнув, ответил Дунай. — Пусть дальше коптится. Лучше днём попробуем пожарить кусочек.

— Дунай, Кострома, займитесь шкурой! — распорядился Сочинец. — А мы с Ваню до лесу прогуляемся... Трибэ, Чем, вы как? С нами пойдёте?

— Я только за! Но глаза сами собой закрываются! — признался Трибэ.

— Тогда идите спать! Днём-то поможете? — уточнил Сочинец.

— Днём мы с вами! — решительно кивнул Чемодан.

В общем, наши ситуативные союзники были отправлены спать в капсулы. Я предлагал покемарить в моей, но все скромно отказались. Зря, между прочим! Это не гостиница, а я за постой денег не беру. Спать ушёл и Прокачун, пообещав вернуться днём, чтобы помочь по мере сил.

А мы с Сочинцем выдвинулись к лесу. Вёл я. И двигался той же дорогой, что и в прошлый раз. Тот участок, по которому успел побегать, я неплохо изучил. Да и червей тут уже было меньше. Так что получался удобный путь. Во всяком случае, для меня. Сочинцу приходилось тяжелее.

С моего последнего посещения лес не сказать, чтобы изменился. Всё те же растения, только начинающие пробуждаться ото сна. И всё тот же ковёр мерзкой гнили на земле. Сразу лезть напрямик мы не стали. Двинулись вдоль кромки, постепенно обходя лесной массив.

Лес был небольшой. Он занимал довольно пологий склон, а дальше его ограничивал обрыв высотой метров в двадцать. На краю этого обрыва мы с Сочинцем и остановились. Дальше местность продолжала понижаться. Да, внизу были видны и возвышенности, и плоскогорья, и даже небольшие горы. Одна из них, кстати, была на порядок выше остальных и перекрывала нам обзор.

Но, в общем и целом, было заметно, что мы находимся на краю горного хребта. И если появится острое желание, можно будет свалить на равнину. Среди немногочисленных

зарослей даже призывно блеснула гладь какого-то водоёма.

— Смотри, вон там! — Сочинец указал на соседнюю невысокую гору. — Это ведь капсулы?

Я присмотрелся и кивнул. Ну да, там тоже была группа капсул. Но самое интересное находилось дальше... На что я немедленно указал Сочинцу.

— А вот та штука — это не капсула!

— И что это? — задумчиво спросил военный.

— **Это Алтарь Вознаграждения № 32451!** — ответил вместо меня СИПИН. — **Ближайший к вам!**

— Надо разыскать туда путь! — кивнул Сочинец и посмотрел на меня.

— Согласен! — решительно отозвался я.

Главным препятствием был обрыв. Наше плоскогорье находилось выше, чем возвышенность с Алтарём. И обрыв тянулся далеко в стороны. Я и Сочинец двинулись дальше, внимательно высматривая удобные места для спуска.

Повезло где-то через час, когда мы почти обогнули заросли. И это у нас не заросли такие большие были. Это мы шли осторожно, простукивая землю перед собой. Во избежание, так сказать!.. Лес пересекала глубокая промоина. И она же сглаживала рельеф обрыва.

По ней можно было смело спуститься вниз. Бегать не стоило, конечно, но и прыгать нигде не придётся. Поскольку пересечь промоину было тяжело, то назад мы возвращались уже по ней. И именно здесь-то и обнаружили деревья.

Они росли выше по склону и оказались похожи на наши ели. Правда, были не слишком высокие — максимум, три метра. На месте одного молоденького деревца я смог заметить слом. Ну а кора на палках и на местных елях была один в один. В общем, мы с Сочинцем предположили, что тут-то девушка и нашла свой инструмент, с помощью которого её потом хоронили.

Я по пути поглядывал не только под ноги, но и по сторонам. И вскоре обнаружил отличные заготовки под топоры. Их надо было ещё обточить, отшлифовать, но в целом они были почти нужной формы. А главное — камни были прочные. Прочнее тех, что я подобрал в первый день.

Где девушка запачкала ноги? На узкой полосе растительности, отделявшей промоину от окраины зарослей. Всего метров двадцать, которые надо было пройти под сенью деревьев. Для этого мне и Сочинцу пришлось снять сандалии.

Военные в первый же день сделали себе обувь наподобие моей. Впрочем, такие «лоточные сандалии», насмотревшись на меня, многие успели сделать. Ходить голыми ногами по камням — то ещё удовольствие. Ходить голыми ногами по лесу — ни разу не лучше. Шаги мы старались делать побольше, а наступать на те места, которые я разрыл, проверяя своим копьём.

Однако местная живность была не слишком-то довольна вторжением «двуногих». Так что без укусов всё равно не обошлось. Покусанные места постоянно чесались и неприятно зудели. Надо было срочно промыть ноги, считал я. И Сочинец был со мной согласен.

Выбравшись из зарослей, мы нацепили сандалии и вернулись к уже знакомой мне дороге по валунам. После чего радостно двинулись к капсулам.

А у костра нас ждали гости. Туз с Машей, Никой и Романом пришли. Видимо, на переговоры. Вид у них был недовольный, но агрессии они вроде бы не проявляли.

— Вот они! — увидев меня и Сочинца, воскликнула Маша.

— Наконец-то! — Туз недовольно сплюнул на землю. — Сколько вас ждать?!

— А ты оставлял заявку на встречу у наших секретарей? — не удержался я. — У нас вообще-то целый день расписан, мы люди занятые!

— Чего?! — Туз вылутился на меня ошалелым взглядом.

— Ну раз не оставляли, то ждите в порядке живой очереди! — пожал я плечами.

— Чего хотели-то? — миролюбиво спросил Сочинец.

— Побазарить надо! — сразу же ответил Туз. — Мы тут порешали: нездоровая у нас атмосфера сложилась...

Внезапно! Вот уж от кого не ожидал сознательности, так это от Туза. Честно говоря, когда видишь человека с таким наглым и тупым выражением лица, как-то не ждёшь, что он решит «побазарить за атмосферу». Но вот же — пришли...

— Мы сейчас подойдём! — ответил Сочинец и глянул на меня. — У тебя вода есть... Ноги...

— Пошли! — кивнул я.

И вместе с военным отправился к капсуле.

Наскоро ополоснув места укусов и смыв гнилую грязь леса, мы вернулись к костру. Дунай с Костромой снова скоблили и мяли шкуру. А ещё вернулись из своих капсул две девушки из «команды» Чемодана. Остальные пока спали.

Наши гости сидели на камнях у костра, где не было риска застудить задницы и близлежащие органы.

— Ну? Что хотели обсудить? — спросил Сочинец, присаживаясь напротив.

Я пристроился рядом, решив дать военному вести переговоры.

— У нас тут утром конфликт случился... — заметил Туз, внимательно глядя на Сочинца.

— Ну да, мне Ваню рассказал, — кивнул тот.

— Так это... Парня он нам ранил в плечо! Компенсировать бы! — довольно оскалившись, заметил Туз.

— Ему теперь лечиться надо! — возмущённо подтвердила Ника. — Работать не сможет!

— Так не надо было на Трибэ с Чемоданом наезжать! — пожал плечами Сочинец.

— Да мы просто просили объясниться! — сразу возразил Туз. — Мирно всё было...

— Вот именно! Мы их трогать не собирались! — подтвердила Маша, а Роман и Ника кивнули.

— А я ваши мысли должен читать? — удивился я, когда Сочинец взглядом попросил меня вступить в разговор. — Вы их окружили, махали кулачками, агрессивно кричали, обзывались убийцами...

— Но мы не... — попыталась возразить Маша, однако я её прервал.

— Да мне плевать, что вы там думали! Маша, если я наведу на тебя копьё и начну им тыкать в твою сторону, ты тоже будешь считать, что я только поговорить? Или решишь, что я на тебя напал и угрожаю? — спросил я.

— Если копьём будешь, то, значит, напал! — насупилась она.

— А если кулаком на тебя замахнусь? — уточнил я.

— Тоже нападение! — мрачно ответила та.

— Это называется проявление агрессии, — кивнул я. — В разных обществах разные критерии того, что уже считается агрессией, а что нет. В одних надо попытаться ударить, в

других — достаточно схватиться за оружие. Или начать орать и подойти слишком близко... Но поверь: ваше поведение в любом обществе сочли бы именно агрессией. И отвечал я на агрессию, что бы вы там себе ни придумали!..

— Но мы же не собирались... — повторила Ника, пока Маша молчала и переваривала информацию. — А ты Лёше в плечо!

— А мне кажется, что собирались, — покачал я головой. — Избить уж точно.

— Ударить — это не то же самое, что ранить! — возмутилась Ника.

— То же самое, — возразил Сочинец. — Я могу так ударить, что вообще убью. А никто из вас бы силу при расправе рассчитывать не стал! Так что я не понимаю, чего вы теперь хотите. Сами напали, сами получили. Всё справедливо! Большой справедливости и не требуется.

— Слышьте, братаны, ну ведь так нельзя! — снова вмешался Туз. — Мы тут, типа, все в одном дерьме. Дружить надо!..

— Это ты как-то поздно о дружбе заговорил... — заметил Сочинец. — Сначала людей пытаешься заставить на себя бесплатно работать. А теперь — давайте дружить.

— Это кого это я бесплатно заставлял работать?! Это всё Рома! — искренне возмутился Туз, а Роман неожиданно потупил взгляд.

— Да к нам тут Прокачун прибился... И вот такие интересные новости рассказывал, — ответил Сочинец.

— Звездит! — отрезал Туз. — Не было никогда такого!

— Ну не было и не было... — не стал спорить Сочинец, а потом выразительно посмотрел на гопника. — Но он с нами теперь. В нашей группе. Понимаешь?

— Ага, — кисло кивнул Туз, расставаясь с мечтами о скорой мести.

— А как же быть с Аней? — спросил военный. — Она тоже «звездит» о том, как вы её по кругу пустить пытались?

— Да просто согреть девушку хотели! — возмутился Туз. — Не собирались мы по кругу...

— Звездит! — уверенно заявил я Сочинцу. — Собирались!

— Слышь! — возмутился Туз.

— Ну слышу! — кивнул я, не дав договорить. — Давай! Выскажи свои претензии сейчас, мне в лицо!

Я поудобнее перехватил копьё. Между мной и Тузом было небольшое расстояние: меньше двух метров. Один удар — и, в лучшем случае, гопнику придётся долго лечиться. Он это понял сразу. И дальше нарываться не стал.

— Не хами, мы на переговорах! — сразу охладев ко мне, сообщил он.

И получил в ответ милейшую из моих улыбок.

— А где ж ты хамство-то увидел? — спросил я.

— Ты меня брехуном обозвал! — набычился тот.

— Так это не хамство, а правда! — уверенно заявил я. — Ты когда говорил, то глазками по сторонам стрелял и потел, аж взмок на холодрыге. И вообще, словам Ани я как-то больше, чем твоим верю. Тем более, её слова Трибэ подтвердил. Так что звездил ты, Туз! И это правда, а не хамство.

— Давайте не будем, а?! — возмутилась Маша.

Ну чудо, а не девушка! Пока, значит, с их стороны всё хорошо — она молчит. Но как ситуация не в их пользу, так сразу просит остановиться. И глазками своими красивыми —

луп-луп!.. Я уж молчу, что за Аню никто из Машиных пацанов тогда не заступился...

— Не будем, — согласился Сочинец. — Ну ладно. Туз, что ты предлагаешь?

— Нам надо, типа, объединяться! — снова обретая уверенность, заявил тот. — Надо создать общий фонд еды и вещей! Надо, типа того, всем делиться. Вон, Романа поставить продуктами заведовать. Он парниша ответственный: даже костёр первым развёл. А Маша пусть вещами там...

Сохранить серьёзное выражение лица лично мне удалось чудом. Нет, так-то предложение Туза выглядело вполне себе невинным. И даже немного рациональным. Вот есть ответственный мальчик Рома: пусть он всю еду хранит. А Маша пусть вещи собирает. А он, Туз, вроде как ни при чём. Только Маша на меня обижена, а Романа он запугал так, что тот будет делать всё, что скажут.

— А вы там будете это... Идеи собирать! — закончил довольный собой Туз.

— А скажи мне, дорогой мой... А что нам мешает делать всё то же самое, но без вас? — спросил Сочинец. — Идеи у нас миллион — на всё рук не хватит. Вещи и продукты *уже* есть. В отличие от Маши и Ромы. А пайки, уж извини, у каждого свои. Никто делиться не будет. Нет, Туз, плохое у тебя предложение!..

Туз зло скрипнул зубами, а Маша, Ника и Рома неуверенно переглянулись.

— Давай лучше я тебе предложу... — Сочинец улыбнулся. — Ты перестанешь прессовать всех вокруг. А если есть что сообщить по-братски, то придёшь и сообщишь. Вот нам есть, что тебе сообщить. Мы даже готовы это сделать в качестве жеста доброй воли!

— Да?.. — Туз с сомнением посмотрел на военного, и тот снова ответил улыбкой.

— Там за лесом — обрыв. А за обрывом — ущелье. А за ущельем — возвышенность. А на этой возвышенности стоят капсулы другой группы. И рядом, знаешь, что есть?

Сочинец выдержал театральную паузу.

— Алтарь Вознаграждения под номером тридцать четыре тысячи и чего-то там! — закончил военный, вызвав удивлённые вздохи со стороны Дуная и Костромы. Ну и не менее удивлённые выкрики со стороны наших гостей.

— Видишь, вот я по-братски тебе это сообщил. И больше ничего не сообщу. Пока ты тоже мне по-братски что-нибудь такое же важное не расскажешь, — Сочинец улыбнулся. — Есть что-то ещё, что вы хотели сейчас обсудить? А то дел много...

— Не-не... Ничего! — отозвался Туз, поднимаясь с камня.

— Да, мы пойдём! — закивала Маша.

— Ну, всего вам хорошего... — кивнул Сочинец.

Гости двинулись к своему костру, а у нашего очага царила напряжённая тишина. И как только Туз со товарищи скрылись за углом, Дунай выдавил из себя:

— Командир, ну нахрена?!

— Я тоже не понял, — признался я. — Зачем ты им про Алтарь-то рассказал?

— Да всё же просто! — Сочинец улыбнулся. — Извини, Ваню, что не посоветовался. Но я сейчас всё объясню!

— Давай! — кивнул я, искренне ожидая этих объяснений.

— Вань, мы же с тобой Алтарь почти сразу увидели, — пояснил военный. — Он там как на ладони. Только выйди на обрыв, оглядись — и увидишь. А Туз и остальные рано или поздно доберутся туда. И либо они сами всё узнают, либо мы сходим к Алтарю, вернёмся с вещами — и тогда они поймут. Но ведь тут какое дело...

Сочинец развёл руками и глянул на своих:

— Если сами найдут, то мы тут как бы ни при чём, а так — они нам должны за информацию. Если мы сходим и вещи притащим, то тогда, получается, мы знали — и скрыли. А если мы уйдём, а они в это время решат напасть?

— А так выходит, что они нам должны... — кивнул я. — А ещё они теперь знают, где Алтарь. И мы точно знаем, что сначала они сходят к нему!

— Именно! — согласился Сочинец. — Даже больше скажу: я бы им сам предложил сходить вместе под предлогом, что мы спуск нашли. Да и безопасней так. И тогда, пока мы не вернёмся, ничего они не будут предпринимать против нас.

Ну и лис!.. Сочинец оказался невероятно хитёр. Дал мне поспорить, а сам думал-думал... И придумал. Аж даже завидки взяли от такой продуманности. Я только улыбнулся и кивнул, соглашаясь с военным.

— Только тогда нам, получается, из той промоины надо всё ценное забрать! — вспомнил я.

— Так мы и сделаем! — согласился Сочинец. — Вот сейчас вернутся мужики, и отправимся туда! Рубить, таскать и обогащаться.

Глава 15. Чересчур вместительная

Дневник Листова И.А.

День третий. Время рубки, таскания и обогащения

Пошли всей толпой. Воспользовались моментом, пока было тепло в полдень: весеннее солнышко старалось и жарило изо всех своих сил. Правда, жарило оно всё равно без особого толку. Так-то под открытым небом было ещё холоднее, чем в первый день.

Мне вообще погода крайне не нравилась. Ветер дул почти весь день, нагоняя тучи. Они пока обходили нас стороной, но уже чувствовалось: долго такая благодать не продлится. Обязательно погода приготовит бедным-несчастливым колонистам какую-нибудь пакость.

Однако на сей раз в лес удалось выйти почти всем. Даже тем, у кого с утеплением не заладилось. У костра остались только две девушки, которые следили за огнём. А все остальные выступили в поход за добычей.

Впереди шли Трибэ и Дунай, осторожно простукивая валуны палками. За ними — я с копьём наготове и Сочинец с каким-то камнем в руке. За нами с горсткой мелких булыжников — Кострома. В её задачи входило, если что, кидаться камнями и отвлекать внимание от остальных.

И уже следом тянулись те самые «остальные». Они шли не налегке, а были нагружены камнями для рубки деревьев. Заострённые «псевдотопорики» помог нам изготовить СИПИН И, выслушав его советы, все приверженцы нашего костра почти полчаса долбили камнем по камню.

А потом ещё спешно изготавливали сандалии для тех, кто раньше не сподобился побеспокоиться об обуви. В общем, компания была представительная, серьёзная и опасная. Никто на нас так и не напал. Видимо, зверьё устрашилось хлюпанья пищевых лотков на наших героических пятках. Ну или количества этих самых пяток, шедших нестройным шагом. А ещё криков, которые некоторые владельцы пяток регулярно издавали...

Лес преодолевали с шумом и визгом. Женщины при виде местной живности натурально впадали в истерику, с трудом заставляя себя сделать первый шаг под сень деревьев. Ну а дальше главное было следить за ними — чтобы, когда побегут, бежали в нужную сторону.

— Он ползёт по мне! Убейте! Убейте! — кричала веснушчатая девушка, которую называли Пика.

Я сначала удивился её воинственному имени, но потом узнал, что она просто похожа на древнего героя азиатских мультиков. Его звали Пикачу. Я не смотрел архаичные мультфильмы, так что подробности не знаю. Но ладно, пусть будет Пика. А то её настоящее имя Аня, и у нас одна уже имелась в наличии.

— Да не дёргайся ты! — требовал Чемодан, пытаясь стряхнуть пятисантиметрового таракана, который от страха удирал всё выше и выше по ноге девушки.

— Он не кусается! Не кричи ты так!

— Снимите его!!! Помогите!!! — Пика попыталась удариться в панику и сбежать в неизвестном направлении.

К сожалению, одно неизвестное направление привело бы её на травмоопасный для бегунов склон с валунами. Второе — к обрыву, пригодному лишь для самоубийц. А два оставшихся направления — напрямик к сумасшествию, потому что дальше в лесу было ещё больше живности. Причём, преимущественно ползучей и шипящей, а это почему-то

девушкам очень не нравится.

Подоспевший Сочинец успел обхватить Пику руками, приподнимая над землёй — так, чтобы бегущие ноги лишь бесполезно взбивали воздух. А Кострома, неодобрительно фыркнув, ловко стряхнула таракана куда подальше. И, кажется, даже прошептала ему на дорожку что-то вроде: «Беги отсюда, дружок!». Но я за достоверность не ручаюсь: было очень шумно.

— Он кусается!!! Кусается!!! — продолжала вопить Пика.

— Его стряхнули уже!..

— Да прекрати!..

В общем, короткий перелесок мы преодолели с криками, воплями и истериками. Зато в промоине сразу стало полегче. Там почва была каменистая, а живности почти не водилось. И, само собой, градус паники у женщин резко пошёл на спад.

В итоге нам вскоре удалось приступить к рубке «ёлочек». Но продлилось это занятие недолго. Всего три часа. За это время популяция деревьев сократилась под ноль. «Ёлочки» были небольшими, а стволы у них — не слишком толстыми. Так что на одно деревце в среднем уходило двадцать минут. И ещё десять минут — на то, чтобы избавить его от веток.

В итоге у нас набралось тридцать длинных тонких стволов. А в довесок — куча лапника. Он, правда, был не такой мягкий, как земной: колючки оказались твёрже и длиннее. Однако им можно было топить костёр. На обратном пути мы ещё подбирали сухие обломки древесины: тоже на дрова пригодятся.

Во второй раз лесополосу прошли без происшествий. Нет, конечно, женщины ныли на одной ноте, но хотя бы никуда не бежали: всё-таки сложно с грузом на плечах бегать. К костру все, кто ходил за дровами, вернулись нагруженные как муравьи. Причём, независимо от пола. Мы с остальными мужчинами, конечно, тащили большую часть сами, но девушкам хватило и того, что не приняли на себя наши крепкие плечи. Часть «псевдотопоров» — заточенных камушков, то есть — даже пришлось бросить.

Правда, Сочинец потом взял меня, Чема и Трибэ, чтобы вернуться за оставленным инструментом. И всё забрал, по пути собрав ещё дров. Хозяйственный! Молодец! Одобряю!

К моменту, когда добыча, отвоёванная у тараканов, червяков и прочих лесных обитателей, была доставлена к костру, воздух уже ощутимо похолодал. Ветер стал сильнее, злее и крепче. Даже мне, больше всех утеплённому, было холодно. Чего уж о других говорить. Я в тот день был единственным, кто потом ещё несколько раз ходил к лесу.

Просто я там обнаружил заросли какого-то вьюна. Не земного, само собой, а местного аналога. Вьющееся растение оплетало несколько огромных «грибов» с широкими шляпками. И хотя вокруг них от насекомых было не протолкнуться, я всё равно упорно приходил и рвал «вьюн».

В качестве верёвок он был всяко лучше, чем поделки из волосатого мха. Само собой, с учётом общей криворукости — и моей, и остальных людей. Может, освой мы навык плетения верёвок лучше, и ситуация была бы обратной. Но мы-то ещё ничего не освоили.

— Что, Ваню, приличный топор хочешь сделать? — спросил Сочинец, заметивший гору материалов.

— Почему топор? — удивился я.

— Да первое, что в голову пришло! — признался военный.

— Я на перспективу, — пришлось пояснять свою активность. — Так-то топор мне пока без надобности... Что им рубить-то? А запас карман не тянет.

— Тянет... — возразил Сочинец, кивнув головой в сторону приближающейся тучки. — Если сейчас будет дождь или буран, потеряем все запасы.

— И что предлагаешь? — поинтересовался я.

— Прячем всё в капсулы! — ответил военный. — Материалы, людей. Только мясо оставим: ему ничего не будет. Если, конечно, ветром не унесёт.

— Что, и копчёное оставим? — удивился я. — Может, хоть попробуем его сразу?

— Вань, ну ты серьёзно хочешь в случае неудачи маяться желудком в непогоду? — спросил Сочинец, осуждающе посмотрев на меня. — Копчёное мы всё-таки спрячем. Я тут камушек с налётом соли нашёл. Как раз натру его. Потом докоптим.

— А шкура ещё не? Не готова? — осторожно уточнил я.

— Да, едрить её, какое готова?! — возмутился услышавший нас Дунай. — Мы её даже когда доделаем, она готова не будет... Не выделка это — так, пародия. Ещё доделывать надо.

— Так! Народ! — Сочинец вышел к костру и привлёк всеобщее внимание. — Важный вопрос! Очень важный!..

Он дождался, когда все посмотрят на него, и только потом продолжил.

— У кого из вас хватает баллов на полноценное отопление в капсуле? Чтобы не на базовом уровне, а хотя бы на продвинутом, как у меня и Ваню?.. Это, если что, пятнадцать баллов!

— У меня хватает! — ответил Чемодан. — У меня базовое уже есть. И теперь на продвинутое набрал.

«А почему я ещё новые баллы не получил?» — обиженно подумал я.

— Потому что ты их тратишь сразу же! — отрезал СИПИН. — А они могут на Алтаре Вознаграждения пригодиться!

— Это поклёп! Обещаю не тратить! — мысленно возопил я. — Дай почувствовать себя богатым человеком, бездушная машина!

— Богатый — это один парень на востоке, который сегодня репликационную медицинскую капсулу купил! — отрезал СИПИН. — А ты даже с тем, что набралось остаёшься нищевродом.

— Парень наверняка азиат! Они же повернуты на прокачке! — возмутился я.

— Да? А у ваших азиатов чёрная кожа бывает? — уточнил СИПИН.

— Эм... Ошибочка вышла, — ячуть руками не развёл. — Значит, это повёрнутый на прокачке негр! Трудолюбивый и упёртый молодец!

— Он вырезал две группы колонистов, чтобы подчинить третью, — СИПИН явно продолжал надо мной издеваться. — Вы, люди, точно так себе представляете трудолюбие?

— Эй, не надо ставить мне в пример жестокого кровавого негра-азиата! Дай мне баллы, бессердечный кибернетический организм! Я должен чувствовать свою значимость! Чтобы был стимул стремиться к большему! — не сдавался я.

— Я подумаю... — как обычно, СИПИН закончил разговор тогда, когда хотел, даже не спрашивая чужого мнения.

— Ещё кто-то накопил? — продолжал допытываться между тем Сочинец, но ответом ему была лишь печальная тишина. — Ясно... У нас три капсулы с отоплением и тринадцать человек...

— А можно... Можно четырнадцать? — тихий голос со стороны капсул заставил всех

посмотреть в ту сторону.

На ветру стояла дрожащая девушка, надевшая всё, что только могла. Худая, невысокая, с облаком растрёпанных каштановых волос на голове. В руке она сжимала коробку дневного рациона питания. Её-то она и продемонстрировала нам всем:

— Я могу заплатить...

В силу непонятных лично для меня причин (если не учитывать, что я грубый и невоспитанный тип, да и вожусь с военными, которые всегда немного особняком) в нашу группу почему-то почти не шли новые мужчины.

С другой стороны... Из «свободных» мужчин, не примкнувших ни к одной группировке, остались двое: хмурый тип, к которому подходить страшно, и какой-то Нытик. К ним никто даже не пытался прибиться, и они никуда особо не рвались. А вот новые девушки продолжали приходить именно к нам, не желая идти под руку к Тузу и Роману.

И чего я удивляюсь?

— Платить не надо, — покачал головой Сочинец, посмотрев на меня и получив в ответ пожатие плечами. — Можно и четырнадцать...

— А пятнадцать? — голос у девушки чуть не дрожал. — Нас двое просто... Но Лиза стеснительная.

Из-за ближайшей капсулы вышло что-то такое же по размерам и упаковке. Отличался только цвет взъерошенного облачка на голове. На этот раз был русый.

— Хых... Других стеснительных там нет? — уточнил Дунай. — Ты уж сразу всех выводи! Может, там брюнетка ещё и девушка-альбинос?

— Нет... — едва слышным голосом ответило каштановое недоразумение. — Только мы...

— Значит, пять человек на капсулу... — вздохнул Сочинец. — Давайте к костру, грейтесь. Только учтите: скоро всем придётся тяжести носить.

— Ага, — согласилось недоразумение с уверенным видом.

К сожалению, рост и комплекция «недоразумения» подсказывали, что единственная тяжесть, которую она способная вынести — это она сама. Как, впрочем, и её подружка.

Нет, Сочинец — всё-таки добрый человек. Я бы, наверное, посмотрел на это... И поступил бы согласно «первому правилу успешного и живого колониста». Причём бежал бы я, постоянно оглядываясь через плечо — чтобы убедиться, что за мной не гонятся.

А то ведь догонят и заставят о себе заботиться, глядя снизу вверх большими грустными глазами. И ведь тогда уже не откажешься: у нормальных мужиков, к которым я себя гордо относил, на подкорку вбито, что слабых и беззащитных надо опекать.

И вообще... У нас и так девушек больше, чем мужиков, так Сочинец ещё на двух соглашается. Нет, я понимаю: они мелкие, много не сожрут, места не займут, но как мы это всё тащить-то на своём метафизическом горбу собрались? Мы ведь уже становимся группой, да? А иначе...

Первое правило мне в помощь!

Со временем, конечно, вся эта орава перестанет быть бесполезной. Но до этого самого времени нам ещё надо дожить. И как доживать-то, если нас, мужчин, всего пять с половиной (Прокачун пока себя никак не проявил), а женщин вдвое больше?

Вопрос...

— Ваню, ты меня слушаешь? Или в астрал ушёл? — беззлобный окрик Сочинца заставил меня отбросить ненужные мысли.

— А? Да, в астрале был! — немедленно согласился я.

— Шкуру надо в тепло! И часть деревяшки я бы к тебе в капсулу закинул! — повторил военный.

— По длине не влезут. Надо рубить! — заметил я и сразу догадался, что конкретно пропустил в разговоре. — Заняться, да?

— Ага! — порадовался Сочинец моей догадливости.

Этим я и занялся, причём без помощников. Всех остальных припрягли к переноске грузов. Часть дров, волокна волосатого мха, а ещё набранный мной вьюн, камни, копчёное мясо и шкура, лапник, а также перерубленные пополам стволы... В общем, мои товарищи торопливо растаскивали всё это добро по разным капсулам.

А я, как проклятый, рубил и рубил, стараясь делать место сруба как можно тоньше. Не так много у нас было нормальной древесины, чтобы изображать бобров, «сжирая» рубкой по десять-пятнадцать сантиметров ствола.

Ну а погода стремительно портилась. Сочинец оказался прав в своих предположениях. Первая тучка пронеслась мимо, обтекая наше плоскогорье. Однако она оказалась не единственной. Следом набегали всё новые и новые её небесные сестрички, грозя заполнить небо, землю — и устроить и там, и тут всевозможные природные безобразия.

Ветер окатывал холодными порывами, трепал пламя костра, стараясь потушить его, пробирался под одежду — и застывал там ледяными осколками, которые продолжали колоться даже тогда, когда порыв стихал.

Я начинал медленно замерзать, несмотря на все утепления. Пальцы ног и так чувствовались плохо. И это несмотря на то, что я старался постоянно держать их у костра.

— Ваню! Возьмёшь к себе Трибэ с Аней и новеньких воробушков? — подошла Кострома и начала помогать мне с последними стволами.

— Да какая разница? — спросил я. — Возьму, конечно...

— Ну тогда решили! — обрадовалась девушка и крикнула в сторону: — Бегите за запасами!

— Какие такие запасы? — удивился я.

— Знаешь, я в горах успела повоевать, — призналась Кострома. — Видала уже такое. Это будет знатный буран!

— Ты прямо по-настоящему воевала? Я думал, ты где-то в тылу армии работала! — удивился я. — И вообще... Мне казалось, в наше время люди почти не воюют.

— Ну куда без нас-то? — засмеялась девушка. — Людей теперь нужно меньше, но без нас пока никак.

— Да! Ты не смотри, что она девушка! — подошёл Дунай с камнем и тоже пристроился рядом. — Она из нас троих — самый опасный кадр! Отвечаю!

— Ой, да ладно тебе! — отмахнулась Кострома.

— Не! Точно говорю, Ваню! — не сдавался Дунай. — Я просто охотник и бывший солдат. Сочинец — человек с опытом командования. А Кострома — опасная боевая единица. Ты её красоте и доброте не верь! Когда надо — прикопает любого!

Я так и не понял, что испытывала в этот момент Кострома. Выражение лица у неё было настолько недовольным, что, казалось, прикапывать она начнёт прямо сейчас — и, для начала, Дуная. Однако при этом девушка покраснела и глаза спрятала. Видимо, сработало упоминание красоты и доброты. Засмушалась, наверно.

Дело было ещё и в том, что эти двое друг другу нравились. И их симпатия была заметна

невооружённым взглядом. Да что там!.. Они почти сразу ходить начали парочкой. Примерно та же картина — с Трибэ и Аней. По отдельности их редко можно было увидеть.

Но если там сильным и смелым оказался лишь Трибэ, то у этих двоих всё было не так однозначно... Достаточно было посмотреть на точные и выверенные движения Костромы, чтобы опасаться попасть под раздачу. Причём, именно к ней.

— Я лучше буду считать Кострому доброй и красивой девушкой! — я решил, наконец, подать голос. — А чтобы не познать её опасную ипостась, просто постараюсь не нарываться.

Кострома улыбнулась, хлопнула меня по плечу и вынесла вердикт:

— Молодец! Правильная реакция на сказанное этим дураком!

— Теперь тебя не прикопают! — засмеялся Дунай.

— Провокатор! — не остался я в долгу.

Буря налетела на наше плоскогорье как-то очень внезапно. Вот ещё откуда-то светило солнце, и дул ветер. А вот — вокруг потемнело, и закружились первые злые снежинки, больно жалившие открытые участки тела.

Температура резко начала падать. Будто дыра в космос открылась. Конечно, ни о каком космическом холоде и речи не шло, иначе бы мы просто не выжили. Но мороз установился вполне себе крепкий. Градусов десять ниже нуля.

Во всяком случае, нос щипало, при вдохе воздух морозил горло, а ноги приказали писать им письма. Впрочем, успели намекнуть, что ещё через десять минут они просто почернеют и отвалятся. Вместе с шлёпанцами из лотков.

Спасаться пришлось в капсулах, причём чуть ли не бегом. Я ещё успел заметить, как накатывает на наш посёлок белая бурлящая стена снега. А потом торопливо прикрыл дверь, не блокируя её и давая тепловой завесе прогреть помещение.

Решение оказалось не самым верным... Ветер снаружи взревел и стал с противным свистом врываться внутрь капсулы. Пустите, мол, в гости.

— Закрывай! Закрывай, пожалуйста! — хором взмолились «воробушки», сидевшие на крышке хранилища.

И я довёл дверь до щелчка. Свист утих. Однако рёв никуда не делся. Ветер, беснуясь, тут же залепил снегом окно. А я ещё успел подумать, что если всю капсулу снегом облепит, то это лишь на пользу пойдёт — как-никак, дополнительная теплоизоляция.

Дневник Листова И.А.

День четвёртый, день топора!

Уверен, мои соседи меня ненавидят. Вчера вечером я старательно мастерил будущий топор — вернее, его каменную часть. Тёр, обстукивал, придавал нужную форму. Мне кажется, гости моей капсулы даже засыпали с каменным стуком в голове. И это несмотря на то, что к ночи я уже прекратил свои экзерсисы.

А вот сегодня я их продолжил. Не прерываясь, до обеда продолжал стучать: пока не получилась нужная форма. А потом ещё шлифовал с песочком и водой. Камень о камень, минута за минутой, час за часом... Если бы это я страдал от скуки, а кто-то рядом занимался чем-то подобным, то я его, наверно, проклял бы.

Сначала мысленно, а потом вслух. А затем захотел бы этого кого-то стукнуть: всё с тем же звуком «тук-тук-тук». А потом и вовсе жестоко убить, заодно расстреляв из пулемёта воюющий снаружи ветер. А всё почему? Потому что безделье — доложу я вам, страшная штука!..

И если ещё вчера я говорил, что мне топор без особой надобности, то теперь был уверен

— он мне (и всем вообще!) жизненно необходим. Ну вот просто никак без него! И всё по той же причине — больше-то заняться нечем. Разве что от безделья с ума сходить.

Зарядивший вчера буран сделал своё чёрное дело. Он загнал по капсулам людей, заставив их и носа не показывать наружу. Я, кстати, пытался высунуться — и был робко отруган своими гостями. Стоило открыть дверь, как внутрь тут же снега намело. Впрочем, по сравнению с тем, что творилось снаружи, это ещё немного было. За дверью стояли сугробы уже на метр в высоту.

Так что я сидел и делал топор. А мои соседи смотрели на меня с завистью. И наверняка хотели убить за «тук-тук-тук». Но тут я уже ничем помочь не мог. Каждый в такой ситуации развлекается, как умеет.

Камень я выбрал такой, который — как мне казалось! — не придётся долго обрабатывать. Продолговатый, плоский, расширяющийся с одного конца. Собственно, по моему плану, вся обработка заключалась в том, чтобы создать ему режущую кромку, скалывая и подтачивая на широкой части. Этим-то я и занимался весь вечер...

На этот раз порода попалась такая, что запросто обработать не получалось. Так что в сумме я потратил на это дело почти полдня. На окончательном этапе шлифовал камень о камень, насыпав собранного с пола песка и полив водичкой. Острым такой топор не назовёшь, но дерево срубит, особо агрессивную башку проломит — и вообще в хозяйстве пригодится.

Следующим этапом было подготовить топор к тому, чтобы соединить его с будущим топорищем. Идеально, конечно, было бы пробить через топор дырку, и уже туда вставлять топорище. К счастью, я не страдаю в таких вопросах излишним перфекционизмом. Да и «правило успешного колониста под номером два» как бы намекает, что в нашей ситуации — это лишнее.

Поэтому дырку я собирался делать в деревяшке. А топор вставлять в это отверстие и там заклинивать. Для этого узкую часть топора пришлось выравнять. Если бы камень и так по форме не напоминал то, что мне необходимо, я бы, наверно, целую неделю провозился.

Однако, к счастью, управился за утро. Самым сложным было пробить канавки для клина. Это надо было сделать с узкой части топора, в том месте, где он выступает из топорища — чтобы не выскакивал постоянно. Опять же, в идеале требовалось просто пробить сквозное отверстие, чтоб не заморачиваться, и вставлять клин туда. Но где я, косорукий и неопытный, а где идеал?

Я выбрал будущее топорище, а затем прикинул толщину широкого конца, который будет удерживать топор. И приступил к работе, засучив несуществующие рукава. Всё равно больше заняться было нечем.

Вот с этими канавками я дольше всего и провозился. Зато догадался использовать сколы камня, образовавшиеся при заточке лезвия. И вот что я вам скажу... Прокорять одним камнем в другом засечку хотя бы миллиметр глубиной — это задача, как минимум, для каторжных работ.

Снова на помощь пришли вода и песок. Я просто вспомнил, что вроде как древние люди до железного века умудрялись сверлить камень медными «приспособами», используя всю ту же воду и песок. Проверил — работало. Инструмент, правда, тоже стачивался, но осколков у меня было много.

Последним делом надо было просверлить деревяшку. Я наметил необходимую толщину отверстия, а затем принялся слой за слоем скоблить. И если с канавками просто было много

мороки, то дерево и вовсе сожрало всё моё оставшееся время в этот день. Спасибо ему за это!..

Если честно, больно было слышать, как Трибэ, Аня и два воробушка (Лиза и Саша) пытаются хоть чем-то себя занять. Ну ладно, для начала познакомились — на час хватило. Ну рассказали истории из жизни — ещё часа три. Ну поели, ну поспали... Снова поели... Ну поделились ощущениями от передислокации на новое место жительства — ещё два часа соплей и слёз. Дальше-то что?

Поели, помолчали, подремали, решили играть в города... Играли три часа, в десять подходов — а потом снова поели. Жуть! Это само по себе было отличной пыткой, а тут ещё я со своим топором на нервы действую... Не был бы хозяином капсулы, так точно выгнали бы меня на мороз. Гуманно, конечно, выгнали бы — на полчаса. Ваня всё-таки не робкого десятка — обратно вломится, приложив руку к сканеру.

Спать бедолагам тоже приходилось на полу. Как хозяин капсулы, уступить свою лежанку я не собирался. Поэтому мы просто сгребали все вещи в один угол. Три человека ложились на пол, а Саша, как самая худенькая — в позе эмбриона на крышку хранилища. Так и спали.

Отдельной песней были походы в туалет. В первый-то день в наших организмах ни еды, ни воды особо не было. Во второй — тоже ещё доходило. А вот третий день ознаменовался проснувшимися естественными потребностями...

В общем, даже если ты отвернулся, так или иначе всё слышишь. И девушки, оказывается, тоже пукают.

Не радугой...

А капсула маленькая, и скрыться некуда. В общем, больше меня историями про радужных пони не проймёшь! Хотя все эти девичьи байки меня и раньше только веселили. А теперь и вовсе никаких иллюзий не осталось.

Финальный этап работы над топором ознаменовался вздохом облегчения со стороны моих гостей. А ещё стиханием бури и моим торжеством. Если я и сделал что-то стоящее в новом мире, то это был топор.

Я обмотал его со стороны лезвия толстым слоем волокон мха. Это было нужно, чтобы они предохраняли топорище. А затем вставил топор в предназначенное ему отверстие и, налегая всем весом, довёл до нужного уровня. Нужным я посчитал тот уровень, когда в покорябанные бороздки удалось вставить каменные сколы подходящего размера, чтобы закрепить конструкцию.

На последнем этапе я взял сухой вьюн, собранный именно для таких работ, и принялся тщательно приматывать им всё в месте крепления. Это было необходимо для дополнительного укрепления и создания защитного кокона.

Эти работы я заканчивал в полной тишине, когда все уже спали.

А потом и сам спать пошёл. Потому что устал.

Глава 16. Чересчур снежная

Дневник Листова И.А.

День пятый, утро новых страданий

Я всё равно проснулся первым, хотя лёг последним. Видимо, сказывалось то, что я с первого дня высypался вдоволь, а не вынужден был греться у костра. Ане, которая первые сутки провела в своей капсуле, в следующие дни вместо сна приходилось пробиваться к теплу.

Трибэ тоже не сказать, чтобы много спал. Скорее, дремал время от времени у костра. С «воробушками» вообще была отдельная песня... Эта парочка, как выяснилось, попыталась высунуть носы из своих капсул в первый же день. Причём они умудрились сделать это почти одновременно.

Их капсулы стояли друг напротив друга. Так что, выглянув в своё окошко, можно было увидеть окошко соседки. И вот, просидев так полдня, девушки перебрались в одну капсулу, что в итоге и спасло их от холода. Вдвоём они умудрялись надыхать достаточно, чтобы не окочуриться... А ведь такие маленькие.

Впрочем, спать им всё равно приходилось урывками и недолго. Боялись замёрзнуть во сне. Так что я был единственным человеком на всю капсулу, который не мог пожаловаться на недосып. Но даже я подремал бы ещё, если бы не гул...

Знакомый гул уходящей в небо капсулы, а то и не одной. Рывком соскочив с постели, я подхватил копьё и топор, открыл дверь и побыстрее выскользнул наружу, пока холод не проник в убежище. Впрочем, выскочил — это я себе польстил, если честно...

Через дверь проскочил, закрыть — закрыл, а дальше оказался в сугробе. Из которого ещё непонятно было, как выгребать. Зато мелькнула мысль, что пока есть снег, его надо набрать в бутылки и растопить.

Пока же я старался рассмотреть, откуда и сколько капсул стартовали. Оказалось, три. Одна даже была неподалёку от меня, но я всё равно не пошёл.

Куда идти-то, когда снега по грудь?

Солнце только поднималось над горизонтом, так что я не стал спешить. Вернувшись в капсулу, постоял под потоком горячего воздуха, дожидаясь, когда стает и испарится вода, в которую превратился снег. Заодно прогрел капсулу получше, чтобы мои гости продолжали сладко спать.

К счастью, в капсуле имелась система вентиляции. Судя по тому, что недостатка кислорода мы не ощущали, хотя набились внутрь как селёдки, свежий воздух как-то поступал извне.

Ложиться спать я уже не стал. Хотелось есть, но на крышке хранилища спала Лиза, а мне не хотелось её будить. Поставил к стенке копьё и сел за стол, выложив перед собой топор. Надо было осмотреть свежим взглядом творение рук своих...

И на свежий взгляд топор был прекрасен! С учётом того, что сделан был на коленке, он всё равно выглядел надёжно и весомо.

— Любуешься? — уточнил СИПИН. — Знаешь, я бы придержал ещё баллы, но больше не могу. Правила не позволяют.

— Да наконец-то! — мысленно отозвался я. — Опять будешь тянуть и издеваться?

— Так бы и сделал, но ты за последние дни наворотил дел... — признался

СИПИН. — Одно только перечисление займёт немало времени. Первое — убийство местного хищника, ранг опасности — жёлтый. Ставка награды фиксированная — двадцать баллов, коэффициент использованного оружия — два. Коэффициент лидерства в группе — одна целая, пять десятых. Итого: шестьдесят баллов.

— Вы-таки провоцируете нас убивать! — пожурил я СИПИНа, а заодно всех остальных роботов.

— Ничего подобного! — отозвался инструктор, — Ты просто должен был умереть, но почему-то выжил. Так, розжиг костра — десять баллов... Но вас было двое, так что делим на два. Пять баллов. Я бы засчитал, что ты использовал новый способ, но — нет. Верёвка и камушек не считаются.

— У-у-у-у...

— Участие в обработке шкуры... За неё тридцать баллов, и ещё коэффициент за первенство в группе — полтора. Но вас было четверо, и твой вклад не самый большой. Так что десяти баллов тебе хватит с головой!

— Это справедливо...

— Работа с кремнем. Десять баллов за работу и коэффициент первенства. Пять баллов за первенство в создании кремневых инструментов. А ещё семь созданных пластин приемлемого качества — по два балла за штуку. Итого — двадцать девять баллов.

— Вах, какой ты щедрый джигит!..

— Копьё... Копьё у тебя, конечно, так себе. Баллов на двадцать, но ты опять был первым в группе, так что... Тридцать баллов. И твой топор... Знаешь, вот твой топор тянет на сотню баллов. И ты снова первый.

— В горле пересохло!.. Ноги подкашиваются!.. Я богат!..

— Не юродствуй! — строго попросил инструктор. — Так, рубка деревьев — девять баллов. Сбор ресурсов — семь. Ну и самое приятное для меня, как для инструктора — помощь соплеменникам. Двадцать баллов за штуку соплеменника. Так что ещё восемьдесят баллов. Ну и создание ритуала похорон... Закопать в землю и выплатить вознаграждение тем, кто хоронил, пайком — это четыре сотни баллов. Гордись!

— Семьсот семьдесят семь баллов? Ты специально подгадывал? — удивился я, быстро подсчитав, сколько у меня было и сколько стало.

— Нет, случайное совпадение! — тут же отозвался СИПИН. — Но, согласен, число необычное в вашей системе нумерации. Смею заметить, что у тебя есть и другие возможные достижения, которые пока не реализованы: первая проба мяса и достижение договорённости о сотрудничестве с другими фракциями в группе. Так что дерзай! Большие достижения и оплачиваются хорошо.

— СИПИН, а мы от мяса этого не погрём? — уточнил я.

— Если бы вы точно, как ты выражаешься, не померли от мяса, я бы не был готов начислять баллы за дегустацию. Так что пробовать вам! Всё... Конец связи!

Вот всегда он так: прибежал, нагрубил, заинтриговал, убежал.

Впрочем, мне ли расстраиваться? Я в одночасье стал человеком, который мог сделать из капсулы неприступную крепость, причём с самовосстановлением. Но СИПИН правильно намекал, что пока не стоит все баллы спускать. Алтарь Вознаграждения сулит гораздо больше ценных вещей. Да и сотню баллов сохранить лишним не будет... На случай

единоличного бегства.

И я вовсе не из подлости, а просто на всякий случай. Пока что наша группа капсул разбита на две почти равные части. У нас больше людей, но меньше мужчин. У Туза с Романом — больше мужчин. Если дело дойдёт до прямого столкновения, ещё не понятно, кто выйдет победителем. Да и все эти союзы — пока так, лишь дымка объединения...

В общем, я не мог исключать никаких вариантов. Надо было, в том числе, предусмотреть и наше поражение. Хотя, конечно, я не собирался давать дёру из-за какой-нибудь мелочи. Только если ситуация станет совсем уж критической. А если получится не одному сбежать, а сотоварищи — вообще отлично будет.

Дневник Листова И.А.

День пятый, воссоединение в снегах

Я всё-таки ещё немного поспал. Даже, скорее, подремал. Но стоило первым моим гостям проснуться, как и сам тут же открыл глаза. Быстро позавтракал разогретым пюре, и вот я уже снова стою перед снежной стеной — на которой, кстати, отпечатался мой прошлый выход.

И стою я не просто так, а с целью разгрести путь до костра. Нам с Трибэ пришлось ещё немного дерева перевести, но теперь у каждого имелась импровизированная лопата с каменным наконечником. Пригодится, чтобы снег отбрасывать.

— Н-ну чт-то? На-ачин-наем? — дрожа, как осиновый лист, спросил Трибэ.

— Ну не мёрзнуть же! — ответил я.

И первым ударил в снежную стену.

Это был тяжкий и суровый бой голодранцев с природой. Мы крушили снег, откидывали в сторону, топтали сандалиями, сурово хмурили брови... И сдались через полчаса, не преодолев и десяти метров.

Я ног не чувствовал, рук не чувствовал, дрожал, хлюпал носом — и вообще был на грани простуды. А Трибэ, кажется, и вовсе эту грань переступил. Во всяком случае, в капсуле он принялся чихать и перхать. Пришлось его ставить под воздушную завесу, чтобы нормально прогрелся.

— Так мы долго не выдержим! — сказал он, немного придя в себя. — Ваню, надо что-то придумать...

— Что ты хочешь придумать? — поинтересовался я. — Мы можем извести ещё немного деревяшек и попробовать сделать нормальные лопаты. Но я тебе точно скажу: это нам не поможет.

— Почему это? — удивился Трибэ.

— Потому что наша проблема не в инструменте, а в том, что мы мёрзнем! — ответил я.

— Вы можете чаще бегать греться! — заметила Аня, с сочувствием глядя на Трибэ.

— А почему бы не посидеть внутри капсулы? — спросила «воробушек» Саша. — Рано или поздно снег растает.

— А ты с собой сколько с рационов взяла? — деловито уточнил я.

— Три... — ответила девушка.

— Они закончатся раньше, чем снег! — я развёл руками. — Да у нас у всех рационы закончатся раньше, чем непогода!.. Надо пробиваться к костру. Затем — к улетевшим капсулам. Может, там получится найти рационы. В крайнем случае, хоть мясом наемся.

— А не отравишься? — захлопала глазами Аня.

— Отравлюсь, так помру сытым! — пожал я плечами. — Смерть от голода и холода —

тоже, знаешь ли, не самая приятная. Пошли, Трибэ... Надо дойти до костра.

И мы снова вышли на улицу, принявшись пробивать снег. Правда, ещё трижды возвращались в капсулу согреться и похлопать носами, а потом снова уходили в суровый бой. Зато в итоге нам удалось добраться до кострища. Когда все уходили по капсулам, мы с Сочинцем оставили костёр гореть. Видимо, это сыграло свою роль. Заносы вокруг были не такие уж и большие. Да и стенка из камней, поставленная военными, пригодилась.

В капсуле у меня оставался небольшой запас дров. Поэтому мы с Трибэ сначала вернулись за ними, отогрелись, а потом снова выбрались — теперь уже разжигать костёр. А лучок я соорудил из веток местных ёлочек: получилось криво-косо, но это никак не должно было сказаться на эффективности.

По очереди с Трибэ мы принялись крутить палочку. Потратили минут двадцать, прежде чем деревяшка задымила, а потом затлел пучок волокон мха. Поскольку костёр загорелся на моей смене по кручению палочки, то я сразу получил пятнадцать баллов.

Я даже почти не жалел, что они не достались Борису. Всё-таки ему тоже немало перепало и за похороны, и за работу. И теперь он наконец-то мог купить отопление в своей капсуле. Сам признался.

Вскоре костёр весело затрещал, растапливая снежные заносы поблизости.

Перед бураном наша группа оставила здесь кучу дров. Поэтому острого недостатка в топливе пока не было. Просто эти дрова теперь надо было просушить. И мы с Трибэ придвинули их поближе к пламени.

— Хорошо, что я от костра недалеко живу! — порадовался я. — Вот придут ребята, а тут уже всё подсохло.

— Думаешь, они придут? — Трибэ с сомнением покосился на ход, пробитый нами в снегу.

— Думаю, обязательно придут, — кивнул я. — А мы пока попробуем пробиться к ближайшей улетевшей капсуле!

— Нет!.. — застонал Трибэ.

— Ничего не знаю! — отрезал я. — Хочешь есть — умей мародёрствовать!

— Ты вообще отдыхаешь? — расстроено спросил мой то ли ленивый, то ли совестливый товарищ. — Нельзя же так себя гонять!

— Это, знаешь ли, приносит неплохие дивиденды! — заметил я. — Так что не ленись! Хотя... Стой! Нет! Тащи лапник!..

Сам потребовал и сам же побежал в капсулу. Перед глазами стояла картинка с людьми в примитивной меховой одежде и какой-то фигне на ногах. И фигня эта называлась снегоступы! Впрочем, не так уж важно — лыжи, снегоступы... Как ни назови, главное — суть! А суть в том, что такие штуки позволяли людям ходить, не проваливаясь в снег.

Соорудить нечто подобное из лапника — это, конечно, дело не одной минуты. Однако за полчаса я всё-таки управился, причём с двумя парами. И тут же получил от СИПИНа ещё двадцать пять баллов. Пятнадцать за первую пару, и ещё десять за вторую.

А затем нам с Трибэ пришлось рубить ступеньки и утаптывать их. Иначе никак не получалось залезть в снегоступах на поверхность наста.

Но вскоре мы уже стояли на белом снегу, с высоты оглядывая торчащие из него крыши. Ноги, конечно, всё-таки погружались, но хотя бы не глубоко. Без снегоступов мы и вовсе ухнули бы с головой. В общем, если двигаться осторожно, можно было проверить все точки, где недавно стояли капсулы.

Тем более, мы оказались первыми. В стороне, где был костёр Романа, сейчас летели хлопья снега. Похоже, там кто-то расчищал место перед капсулой. Со стороны Сочинца тоже шло активное движение. Военные прошли уже метров пятьдесят. А вот Чемодан не спешил, но он там единственный мужчина на всю капсулу.

— Поможем нашим? — спросил Трибэ.

— Сначала к местам отлёта! — решил я. — Дел там на десять минут!

Ну это я оптимистом был, конечно... За десять минут, осторожно ступая, иногда проваливаясь, мы добрались до первой, самой дальней от нас (и ближней к Роману и Тузу) капсуле. Со стороны главного гопника тоже кто-то уже продирался в эту сторону...

Картина была похожа на ту, что мы недавно видели. На земле, припорошенный снегом, лежал труп женщины. Рядом — аж пять пищевых пайков. И ещё бутылки с замёрзшей водой. Одна — почти пустая. Я только головой покачал... Она не ела, почти не пила. Просто сидела и ждала чего-то...

Почему?!

Вопрос без ответа. Перед смертью девушка легла в позу эмбриона, подтянув ноги к груди. А потом, видимо, замёрзла. Одежда, как всегда, пропала, а капсула выгрузила труп и вещи. И отчалила восвояси.

— Грустно. И глупо! — заметил Трибэ, стоя рядом со мной. — Кто мешал ей выйти?

— Да чтобы знать... — покачал я головой, тоже не понимая.

Впрочем, скорее всего, проблема была в том, что она — современная женщина. Изнеженная, привыкшая к комфорту и удобствам. Мало ли таких девчонок ходило по улицам современной мне Москвы? Может, просто впала в депрессию, а может, ждала каких-нибудь спасателей, придуманных на почве нервного срыва...

Мы с Трибэ собрали воду и пайки. А затем взяли из моей капсулы побегу вьюна и отправились назад. Труп тащили волоком, крепко держась за верёвку. Лежащее холодное тело в снег почти не проваливалось. Так что управились мы в итоге минут за десять.

Потом сходили к следующей капсуле. Картина была почти такая же. Вот только пайков было два, а бутылки оказались почти пусты. И оттого видеть труп было ещё обиднее. Эта женщина вышла бы, как только закончилась еда и вода. Более того, она явно готовилась. Даже соорудила себе шлёпки типа моих — из покоцанных упаковок от пайков. Кстати, пустые упаковки, которые не пошли на поделки, мы почему-то не находили. И это было, как минимум, странно.

В любом случае, вторую девушку мы тоже дотащили до костра. Там и оставили до похорон.

Однако самое удивительное обнаружилось возле третьей капсулы... Там не было пищевых пайков, не было воды. Там не было даже тела... То есть, её обитательница вышла из капсулы и ушла в буран неизвестно куда?

— Чёт мне не по себе от такого... — поёжившись, признался Борис.

— Да ну нафиг, мне тоже! — признался я. — Пошли к костру! Возьму твои снегоступы и пойду к нашим.

— Ага...

Мы развернулись и припустили назад с такой скоростью, будто за нами гнались какие-то местные хищники. Ну или, на худой конец, привидения, причём громыхающие не цепями, а шлёпками из лотков.

На группу Сочинца я вышел через пять минут. Всё-таки практика — это великая вещь.

По снегу я ходил всё более и более уверенно.

— Эй! Копатели снега! Как у вас дела? — спросил я, склонившись вниз над проходом.

— Сука!.. — в следующий момент мне в лицо прилетела снежная плюха.

— Эй! Кострома! За что?! — возмутился я.

— За то, что появляешься неожиданно! — ответила девушка, пока я отплёвывался, а Сочинец и Дунаем ухохатывались. — Как ты вообще наверх залез?!

— Снегоступы! — пояснил я и приподнял ногу, горделиво демонстрируя свою поделку. — У меня с собой есть ещё пара! Отдать? Или сами соорудите?

— Дай погляжу! — попросил Сочинец.

Взяв один снегоступ, он долго его осматривал, а потом кивнул и вернул мне.

— Сделаем такие. Лучше эти Чемодану отнеси! Доведи его до костра, а потом, если ты не против, свои отдай. Пусть Чем своих женщин по очереди переводит. Новости есть?

— Слышали, как три капсулы отчалили? — спросил я.

— Слышали, что отчаливали. Не знали, сколько! — отозвалась Кострома. — Ходил туда?

— Мы с Трибэ сначала туда пробежались, а потом уже я к вам, — признался я. — В двух местах были трупы, пайки и бутылки с водой. А вот на третьем месте — не поверишь, ничего!

— Вообще ничего? — удивился Дунай.

— В том-то и дело! Даже тело исчезло! — кивнул я. — Мы увидели это, чего-то очканули и ушли. Кстати, эта капсула стояла недалеко от моей. Так что далеко ходить не придётся. Сами сможете убедиться...

— Я не пойду! — сразу заявила Кострома. — Я трупов навиделась, а вот жути — не люблю.

— Как там костёр? Как мясо? — спросил Сочинец.

— Мясо замёрзло, костёр разожгли, дрова сушим! — ответил я. — Можно сказать, всё отлично. Но меня волнует знаете что?

— Что? — поинтересовался военный.

— А если быстро потеплеет, и всё это потечёт... Что делать будем? — спросил я.

— Что делать, что делать... Плавать будем учиться, кто не умеет!.. — проворчала Кострома. — Не волнуйся, разберёмся с этим... Пока надо со шкурой и мясом заканчивать. Хочу знать, надо ли искать пропитание, или у нас хоть что-то есть.

Вот тут я Кострому понимал... Сам думал о том же. У меня осталось два пайка. Причём первый я уже на две трети опустошил. А ведь до вечера ещё было далеко! Ну а на завтра я собирался доесть последний паёк. День-то я на нём протяну, но вот дальше придётся голодать...

Это и была основная причина, почему я так рвался наружу из капсулы. Понимал, что нам очень требуется еда. С «картофелины» удалось собрать килограммов сорок мяса разного качества. Одному мне хватило бы, наверно, дней на восемьдесят. Но я ведь был не один. Так что едой мы обеспечены дней на десять максимум. А что дальше?

Чемодан встретил меня с радостью. Выглядел он измученным и продрогшим: пытался почистить снег у капсулы в одиночку. И сразу, пользуясь удобным предлогом, пригласил внутрь — погреться. Я отказываться не стал. Капсула у него ничем не отличалась от моей, разве что биде не было. Зато снаружи, примерно в метре от двери, виднелись следы отхожего места.

Не самое разумное решение... Но какие у них были варианты, спрашивается? Все дамы Чемодана, кроме одной — серьёзной высокой брюнетки-спортсменки Сандры, которая пошла к военным, как и Прокачун — были тут. Меня встретили тепло и радостно. Видно, совсем заскучали в своём женском царстве.

Пока мы с Чемоданом грелись, мои снегоступы были клонированы. Было две пары — а стало четыре. В капсуле, к счастью, были запасы лапника, который и пустили на это дело. Так что к костру мы вышли вчетвером. К тому времени туда уже подтянулись все, кто мог. По краям оттаявшей поляны разложили ещё несколько костерков, плавивших снег. И вскоре места стало куда больше.

А затем подошли и остальные женщины из капсулы Чемодана. С кострами, в тесном кругу среди снега, было, пожалуй, даже уютно. Правда, жути навевали два трупа, лежавшие в отдалении. Однако все старались просто пореже смотреть в ту сторону.

— Ну что, все в сборе! — кивнул Сочинец, оглядев нас. — Ваню и Трибэ притащили два трупа... Кто не знает, за участие в похоронах СИПИН даёт сорок баллов. Делит на количество участников. Понимаю, что удовольствие малоприятное, но это баллы! Кто не получил за снегоступы, или кому не хватает на отопление — выходим вперёд.

Вскоре команда могильщиков была набрана. Сандра, Прокачун, который, как оказалось, совсем не прочь был ещё прокачаться, а ещё Пикачу, «воробушки», Аня и Трибэ. А остальные принялись копать обводные канавы вокруг костра. То ещё удовольствие... Но это необходимо было сделать.

Солнце уже начинало пригревать, а снег постепенно таял. И могло так случиться, что вскоре чаша костра заполнится водой. Вот мы и работали, чтобы избежать подобной неприятности. Канавки решили увести от круга в сторону леса. Правда, снова пришлось пробивать дорогу в снегу...

Впрочем, для могильщиков тоже пришлось такую делать. Сами они не справились бы. В общем, работы хватало. Трудились все, не отлынивая. И прервались только ближе к вечеру, когда стало холодать, а снег перестал таять.

Ребята закончили копать могилы, и Сочинец собрал всех у костра. Не было только Костромы, но Дунай меня просветил:

— Она наверху... Сторожит, чтобы конкуренты не подобралась! Я её потом сменю.

— Что-то важное будет?

— Планы будем строить, — кивнул военный. — Ты, давай, становись к командиру поближе! Обсудите с ним...

Я кивнул и стал пробираться к Сочинцу. Интересно было, что он предложит... И ещё интересно было, почему со мной постоянно советуются. Но это так, просто любопытство.

Глава 17. Чересчур плановая

Дневник Листова И.А.

День пятый, вечер новых надежд

— Ну что могу сказать... — Сочинец оглядел всю нашу группу. — Мы, кажется, стали каким-никаким объединением. Понимаю, что выступаю сейчас декламатором очевидного, но все, кто здесь собрался, должны понимать: третьего полюса в нашей группе капсул уже не будет.

— Почему? — спросил Прокачун.

— А потому что третий полюс может выделиться только из тех, которые уже есть! — спокойно пояснил Сочинец. — А это сделает слабее оба разделившихся полюса. Сейчас же у нас с группой Романа и Туза — паритет.

— Они так не считают, похоже! — заметила Сандра, суровая брюнетка.

— Они этого не признают публично! — не согласился Сочинец. — Но их действия показывают, что всё они понимают. Пока Туз с приятелями договариваются с нами. И пока готовы на компромиссы. А вот когда у них появится преимущество — буром попрут на нас. И это второе, что я хотел бы до вас донести.

— А они точно?.. — начала было «воробушек» Саша, но смущённо замолкла.

— Они точно! — сурово припечатала Кострома. — Поверь битой жизнью дуре, которая однажды решила стать солдатом: миром мы с ними не разойдёмся.

— Ладно, это проблемы будущего!.. — отмахнулся Сочинец. — Пока я хотел бы донести до всех то, что многие и так уже знают. Мы с Ваном нашли Алтарь Вознаграждения. Он находится на соседнем плоскогорье, за лесом. И пройти к нему можно по той самой промоине, где мы деревья валили. И, самое главное, группа Туза и Романа тоже об этом знает. Ну а я бы хотел договориться с ними о совместном походе.

— Зачем?! — Аня возмущённо посмотрела сначала на Сочинца, потом на меня. — Зачем вы им вообще про Алтарь сказали? Они бандиты, насильники...

— Всё так! — кивнул Сочинец.

— Так надо... Надо самим на них напасть! Надо с ними разобраться! — выкрикнула Сандра, а Аня одобрительно закивала.

— А с кем я должен нападать-то? — Сочинец усмехнулся и посмотрел на брюнетку. — Группой-то мы вроде как стали, Сандра. А вот сработаться и понять друг друга... Нет, этого пока не смогли. У нас шесть мужчин и девять женщин. Знаешь, на скольких из вас я готов положиться?

Сандра ожидаемо мрачно промолчала, так же ожидаемо глядя исподлобья горящим взором юной революционерки.

— На троих мужчин и одну женщину, — ответил Сочинец сам. — На Дуная и Вану с Трибэ, да на Кострому. Они точно не встанут соляными столбами в бою. А значит, и не погибнут без всякой пользы.

— Это всё ваш армейский шовинизм! — возмутилась Сандра.

— О да, он тоже присутствует!.. — кивнул Сочинец. — Но в данном случае он обоснован. Я, Дунай и Кострома — люди с боевым опытом. Какой-никакой, но он у нас есть. Мы учились убивать, мы умеем убивать и не боимся это сделать. Но Вану я упомянул не потому, что он служил. Я даже не знаю, служил ли он. Кстати, Вану?

— Неа! — вставил я свои пять копеек.

— Ну и ладно. Когда потребовалось, он не побоялся и на конфликт пойти, и противника копьём ткнуть! — кивнул Сочинец. — Поэтому я знаю: он не побоится и не подведёт. А ты, Сандра? Ты уверена, что сумеешь ударить врага камнем по голове?

— Да! — с жаром выпалила та.

А вот я был уверен, что не сумеет. Сандра, высокая и гибкая брюнетка с серьёзным лицом, была той девочкой-отличницей, которая добивалась своего усидчивостью — даже если её усидчивости не хватало на пятёрки. Весь тот «пламень справедливости», который она сейчас демонстрировала, был просто пшиком зажигалки, оставшейся без газа.

Почему я так уверен? Да потому что она одной из первых прибилась к Чемодану. И потому что видно было у костра Романа, что она до одури боялась гопников — а, в особенности, Туза. И ещё ей очень нравился правильный мальчик Роман, но решимости подойти, видимо, не хватило.

В её голове были в кучу спрессованы истории про «благородных» революционеров и бомбистов, про справедливость и благородство, рыцарскую честь и королевское достоинство. А все эти истории зачастую с реальностью не имеют ничего общего.

В тот момент, когда Сандра впервые столкнётся с кровавой действительностью — например, в виде необходимости разmozжить чей-то затылок — она замрёт. И будет думать: благородно ли это? А в тот момент, когда надо будет всадить оружие в тело врага, начнёт рассуждать о справедливости. И закончится это тем, что враг сам в неё что-нибудь острое воткнёт — лишь бы заткнуть фонтан неиссякающего романтизма.

Зато стоило ей выпалить это своё горячее «да», как сразу стали видны и её ободрившиеся соратники, и им сочувствующие. Аня, вон, изо всех сил сверкала глазами. Чуть дырку в снегу не прожгла. Видимо, не в состоянии была забыть, как её чуть по кругу не пустили. Ну что ж, её хоть понять можно...

А ещё одобрение было на лицах Прокачуна, Пики и — не поверите! — двух застенчивых «воробушков» Лизы и Саши. Вот сколько раз замечал: чем тише омут, тем более кровавых расправ его рогатые обитатели требуют. Прямо закономерность какая-то... Может, этим людям сдерживаться надо не так сильно, как они себя обычно сдерживают? Тогда и чуть добрее к окружающим будут?

— А я вот не уверен, что ты сможешь, — улыбнулся Сочинец. — А раз не уверен, то как я могу отвечать за тебя в бою?

— Ты за меня можешь не отвечать! Я сама решу! — насупилась Сандра.

— Конечно, можешь... Сама решишь, сама нападёшь, сама победишь. Так? — спокойно спросил военный.

Сандра молчала долго. Попавшись в словесную ловушку, она явно пыталась что-то для себя решить. И я даже знаю что. Обычно в такой ситуации надо либо доказывать свои слова делом, либо признавать, что погорячился.

— Нет, сама не нападу... — наконец, призналась девушка.

— Значит, нападать ты хочешь вместе со всеми! — кивнул Сочинец. — Но я не пойду на такое, пока не буду уверен в людях, которым доверю свою жизнь. И Дунай не пойдёт, и Кострома не пойдёт...

— И я не пойду! — согласился я.

— И я бы не стал, — мрачно подтвердил Трибэ.

— Да что же вы?! — расстроено воскликнула Аня.

— А они просто голову не потеряли от обиды! — припечатала её Кострома. — Ты у Трибэ спроси, каково это — стоять с одним каменным осколком перед толпой людей. Спроси-спроси! Это он тебя отбил! Думаешь, это легко? Ты и Сандра думаете, что в такие моменты человек только благородные порывы испытывает? Да ни хрена! В такие моменты человек сосредоточен на том, чтобы сфинктер на заднице не расслабился, и дерьмо на ноги не вывалилось!

— Эй! — возмутилась Аня.

— Что «эй»? — Кострома, усмехнувшись, посмотрела на девушку. — Так и есть, красотка! Оглянись! Ты где-то видишь скачущих розовых пони и единорогов с эльфийскими рыцарями на спинах? Хрен там! Вокруг гопники, солдатня и Ваню!

— А я что? Я ничего! — я сразу подал голос.

— Да ты один тут вооружён до зубов! — Кострома ткнула пальцем в мой топор и копьё.

— Это инструмент защиты! Я просто очень люблю жизнь! — пафосно провозгласил я.

— Про ядерное оружие тоже так говорили! — кивнул Сочинец. — Я тебе верю, Ваню! Но, в общем и целом, я с Костромой солидарен. Пока у нас тут куча нервных женщин, которых можно напугать просто кульком местных насекомых. И вот это факт. Так что ни нападать, ни, тем более, провоцировать развитие конфликта — не в наших интересах. Чем лучше мы к нему подготовимся, тем с меньшими потерями пройдем. Согласна, Сандра?

Несмотря на то, что девушка кивнула, вся её поза, выражение лица и горящие глаза говорили об обратном. Согласие было формальным, но даже это было лучше, чем бесконечные споры.

— Я бы вообще предпочёл какое-то время сотрудничать с той группой. Нам было бы неплохо сохранить единство... — Сочинец покосился на Кострому.

— Они просто усилятся и нападут!.. — буркнула она. — Как только решат, что готовы — так сразу. И не стенка на стенку!

— Да, это я уже слышал, — кивнул Сочинец. — И это будет глупостью.

— Ты же видел Туза! Это воплощение глупости в нашем грешном мире! — Кострома пожала плечами, но дальше спорить не собиралась.

— Когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдет. И выйдет из него не дело, только мука... — неожиданно для всех выдал Чемодан. — Везде споры!.. Я считаю, надо забыть про споры. Хотели идти к Алтарю Вознаграждения? Надо идти. Если ты, Сочинец, хочешь, чтобы из той группы народ пошёл с нами — значит, надо соглашаться. Худой мир лучше доброй ссоры.

Не согласен! Категорически! Но молчу! Вот ради этого худого мира. В случае с Тузом худой мир может быть только если этот авторитет недоделанный будет лежать на земле с переломанными рёбрами и выбитыми зубами. Зато очень мирно!..

И Кострома так же считает. А в свете того, что это не девушка, а поводырь роботов-убийц, жестокий солдат и вообще сама по себе машина для убийства — если не соврали, конечно! — то её мнению я как-то больше доверяю.

Однако и Сочинец прав... Нам бы переместиться всей группой, вместе с капсулами, к Алтарю Вознаграждения бесплатно. И пытаться сотрудничать. А то пока мы только делимся на сорта. Усердствуем в том, упорствуем в этом... А нас и так уже стало меньше.

— Нас не становится больше! — Сочинец как будто мысли подслушал. — Сегодня ещё два трупа и три улетевших капсулы. Ещё три человека свои капсулы не покидали. И, признаюсь честно, надежды на то, что покинут — у меня почти не осталось. Все, кто мог

справиться со страхами и шоком, уже вышли. В любом случае, в ближайшие три дня станет ясно, сколько нас всего осталось.

— Отлично! Как раз успеем вернуться! — бодро заметил Прокачун.

— Не успеем... — покачал головой Сочинец и указал себе за спину, на снежную стенку. — Нам до Алтаря идти по промоине. А вокруг снег. Он будет таять и стекать вниз. Как раз туда, где мы собираемся идти. Пока весь не сойдёт — никуда мы не пойдём. Но это и хорошо! Нам ведь нужно понять, что брать на Алтаре!

— Чего тут думать-то? — удивился Трибэ. — Топоры нужны, еда нужна, одежда нужна...

— А мне кажется, нужны инструменты. Они позволят нам делать топоры, одежду и оружие, которым мы как раз и добудем еду! — не удержавшись, я тоже высказал своё особо ценное мнение.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась Алёна, одна из свиты Чемодана.

— Всё, что мы можем взять на Алтаре, стоит баллов, — пояснил я. — И стоит даже дороже, чем улучшения в капсулах. Мы можем взять какое-нибудь простенькое оружие. Но когда оно сломается, нам снова придётся идти к Алтарю. А можем взять что-то такое, чем можно будет раз за разом делать новое оружие. Вот, глядите, мой топор...

— Хороший топор, кстати! — похвалил Чемодан.

— Спасибо! — кивнул я. — Я старался и изводил гостей своей капсулы два дня. Так вот... Я этот топор делал два дня. Большую часть времени страдал над обработкой камня и сверлением деревяшки. Если бы у меня было долото с молотом и сверло, хотя бы ручное — дело бы пошло гораздо быстрее.

— Но можно же взять не каменные, а металлические топоры. Они и прослужат дольше, — заметил Сочинец.

— Верно... Но как я понял со слов СИПИНа, цена за более технологичные вещи будет расти кратно. А срок службы есть у всего! — напомнил я. — Ну возьмёт кто-то медный топор за несколько сотен, как я предполагаю. А сколько он прослужит? Медь — материал мягкий... В лучшем случае, успеешь на новый топор накопить. И опять на медный.

— А ты хочешь иначе? — задумчиво кивнул Сочинец. — Взять пока то, что позволит в неограниченном количестве делать топоры из камня... А когда появится медь — из меди. А когда узнаем, как делать бронзу — для производства бронзы.

— Как я понимаю, инструкцию по бронзе мы можем купить у СИПИНа, — вспомнил я.

— **Совершенно верно! Памятка по работе с бронзой стоит тысячу баллов развития, — немедленно отозвался СИПИН. И, похоже, говорил для всех присутствующих. — Подробные инструкции — пять тысяч баллов.**

— Вот видите! — обрадовался я не ценам, но подтверждению своих мыслей. — Нет смысла тратить баллы на то, чем попользуешься и выкинешь! Надо тратить баллы на то, что позволит нам осваивать новые навыки. Научимся работать с камнем и костью, перейдём дальше, освоим металлы, ткачество, ещё что-то...

— Гончарное дело! — вспомнил Трибэ.

— Не суть! Это всё нам ещё надо вспомнить, — кивнул я, соглашаясь. — И на Алтаре надо брать то, что поможет нам в производстве. Не конечный продукт.

— Верное замечание! — кивнул Сочинец. — Все согласны, что это лучший вариант?

Удивительно, но никаких возражений не было. В основном, даже звучала горячая поддержка моей идеи.

— Ну что ж... Тогда так и поступим! — кивнул Сочинец. — И попробуем вторую половину группы в том же убедить. В конце концов, как недавно Туз на переговорах вещал, мы тут все в одном дерьме варимся. Нам ссориться не с руки.

Я бы возразил, что Туз это вещал, потому что себе преференции пытался выбить. Но ведь вещал, в самом деле. Так что формально Сочинец был прав.

Обсуждение не затянулось надолго. Наступал вечер — с холодными порывами ветра, с понижением температуры. А большинство из нас ещё не могли нормально утеплиться. Так что пока позволяла погода, все отправились на похороны двух погибших девушек.

Могилы в стылой земле получились неглубокие. Не уверен, что удалось даже на полметра выкопать. Причём, рыли рядом с первой могилой: там ещё оставалось место. Трупы погрузили в ямы, а затем споро принялись засыпать землёй и камнями.

Каждый в этот момент мог поразмышлять о многих вещах: о бренности бытия, о судьбах мира, о своём поведении. Мне было немного грустно от того, как глупо погибли эти женщины. У них будто отключился инстинкт самосохранения, который в норме заставляет бороться за свою жизнь до конца.

Одна покончила с собой, а две других просто замёрзли, так и не выбравшись к людям. Ведь та, которая делала шлёпанцы, явно собиралась выйти... Собиралась, да не успела. Буран и мороз сделали своё чёрное дело, убив человека. И его больше не вернёшь.

А ведь до ближайшего костра или отапливаемой капсулы было не больше ста метров... Вот так люди и умирают в шаге от спасения. Сдаются, отказываются бороться за жизнь, принимают судьбу, которая и судьбой-то не была... И ведь сколько таких случаев известно.

Помню, я как-то наткнулся на документальный фильм про вынужденных робинзонов двадцатого века. Большинство из них не дождалось помощи именно потому, что теряли надежду. И только те, кто до последнего вздоха боролся — те возвращались к людям.

В памяти отпечаталась история Джереми Бибса. Правда, я помнил только основные моменты, но даже этого хватало, чтобы черпать из неё вдохновение. Джереми было четырнадцать лет, когда корабль, на котором он плыл, потерпел крушение. Было это в начале двадцатого века, ещё до Первой мировой войны.

Парень выжил. Он провёл на острове семьдесят четыре года. Всю, блин, свою жизнь провёл!.. Когда его нашли в 1985 году, ему было восемьдесят восемь лет! Он пропустил целый век! Страшный век, прорывной век, удивительный век!.. К моменту, когда он вернулся, вся жизнь в обществе изменилась кардинальным образом.

Не знаю, как он себя чувствовал, когда это обнаружил. Почему-то про его адаптацию к новой жизни не рассказывалось в истории. Ну а я на его месте тихо уплыл бы обратно. И дожил бы свои дни на острове, вспоминая тот, старый мир, который оставил в начале века...

Но почему он выжил? И почему девушки, которых мы хоронили, так быстро умерли? Я не знаю. Могу только предполагать. А могу спросить у СИПИНа, хотя не факт, что он ответит. Три могилы — три грустных истории с печальным концом...

А ведь была ещё та девушка, что взяла еду, воду и ушла. Где она сейчас? Может, лежит вместе со своими припасами в ста метрах от нас под завалами снега? А может, сумела дойти до леса? Или и вовсе лежит в десятке метров от места, где была её капсула?

Что заставляло меня двигаться в первый день? О! Вот это я помню прекрасно! Меня пугал холод! Очнувшись раньше, чем остальные, я успел застать ночь и пронизывающий мороз. И, понимая, с чем столкнусь, поспешил озаботиться отоплением.

Но почему я продолжаю трепыхаться? Потому что надеюсь на что-то? Потому что верю

во что-то? Нет, само собой, во что-то я, конечно, верю...

— Ну что, пойдём проверим наше мясо? — от голоса Сочинца я даже вздрогнул, так тихо он ко мне подошёл.

А потом, когда смысл сказанного до меня дошёл, в груди будто ледышка появилась. Дышать стало тяжело. Вспоминая ответ СИПИНа... Возможно, сейчас закончится моя грустная история... Печально закончится, само собой.

— Пошли, — выдавил из себя я.

— А может... А может, не вы? — вдруг пискнула стоящая неподалёку Саша, тряхнув облачком волос. — Вдруг отравитесь! А нам что тогда делать?

— Ну что делать? Будете пытаться выжить! — ободряюще улыбнулся Сочинец.

— Вообще-то она права... — вмешался Чемодан. — Вы вдвоём решили попробовать неизвестное мясо... А вы двое, между прочим, пока тут всех тащите!

— Я могу попробовать! — снова напомнила «воробушек» Саша. — А если не отравлюсь, тогда уже вы... Я, правда, мясо как-то не очень. Не убеждённая вегетарианка, просто не люблю... Но могу попробовать за вас!

— Если ты мясо не очень, то и от нормального можешь получить расстройство желудка! — заметил я. — В общем, из тебя так себе испытатель.

— Но не вами же рисковать! — возмутилась Пика. — Чем, ну скажи им!

— А я уже сказал, — развёл руками Чемодан.

Мне, конечно, импонировала забота о нашем здоровье... Но я понимал, что переживают люди больше за себя и свою судьбу, чем за мою или Сочинца. Не знаю, как я там кого тянул, а вот военный точно возглавлял наше небольшое сообщество. А без нормального лидера, как известно, коллективы живут плохо и недолго.

— Знаешь, они ведь правы! — повернулся я к Сочинцу. — Мы чего-то с тобой решили вдвоём пробовать. А нам вовсе необязательно это делать вдвоём. Съем я кусок копчёного мяса. И если обойдётся, тогда все будем есть.

— Нет уж, давайте всё-таки я! — Саша героически выпятила грудь первого размера. — Я пока совершенно бесполезна... А у Ваню в капсуле отопление. Что если он помрёт посреди ночи?

У-у-у-у, какая заботливая пигалица!

— Ладно, если так хочешь — попробуй! — неожиданно согласился Сочинец. — Пусть попробует, Вань?

— Ну ладно... — я пожал плечами, тоже уступая напору отважного «воробушка».

Вернулись к костру все вместе. Саша не стала тянуть: взяла один из кусков мяса, сунула в рот и принялась энергично жевать.

Глупо, конечно... Надо было не весь кусок есть, а откусить самую малость. А она — целиком. И решительно ещё так... С другой стороны, теперь мы точно узнаем, ядовито или нет. Вот только «воробушка», если что, очень жалко будет... Хорошая она, хоть и дурная на всю голову.

— Ну и как оно? — спросила Аня, не выдержав жара внутреннего любопытства.

— Ну... Необычно... — тихим голосом призналась Саша. — Вроде и мясо, а вроде и не совсем... Солёное чуть-чуть. Вкус какой-то странный!

— Плюй! — округлив глаза, предложила Сандра.

— Поздно... — обречённо призналась Саша. — Я уже проглотила.

Мне тоже захотелось мяса. Пришлось давить в себе острое желание плюнуть на

эксперимент. Но я удержался: решил не умалять подвиг «воробушка». Лучше доем последний паёк, а потом уж буду пробовать. И очень надеюсь, что мясо будет вкусным.

Все ещё немного посидели вокруг костра. Но поскольку Саша не собиралась ни помирать, ни биться в приступе судорог, то вскоре, гонимые холодом, люди стали расходиться. Ночевать пока всем предстояло в тех капсулах, где до этого пережидали буран. Конечно, многие теперь могли купить отопление, но пока решили не разделяться.

Ушла и Саша. А следом пошёл и я. Ужинать и спать. А заодно присмотреть за отважной «дегустаторшей».

Вот так закончился пятый день нашего пребывания в новом мире... Возможно, и не совсем так, но дальше я лёг спать, а утром никто ничего интересного не рассказывал. Так что буду считать, что всё-таки закончился. Мне так легче: хотя бы определённости какая-то.

Глава 18. Чересчур сговорчивые

Дневник Листова И.А.

День пятый, мясо и великое таяние снегов

Из хороших новостей утром имелась одна — Саша выжила. Сожрала кусок инопланетного мяса и не померла: ни ночью, ни утром, ни к обеду, когда у меня закончился последний паёк. А раз выжила миниатюрная девушка, то здоровый Ваню точно даже не икнёт.

Мы снова были заперты в капсуле — таял снег. Его было много, воды из него было много, а мочить ноги никто не хотел. Поэтому все сидели по капсулам и ждали, когда закончится великий потоп вместе с великим таянием снега.

Я медленно делал новый топор. Не спешил, потому что спешить было некуда. Мне ведь и первый топор был не особо срочно нужен. А второй — так тем более. Но надо было чем-то себя занять. Вот и работал потихонечку.

Сугробы тем временем таяли на глазах, постепенно уменьшаясь в размерах. Обитатели моей капсулы время от времени подходили к окну и смотрели, как дела снаружи. Я тоже периодически поглядывал. Мне даже показалось, что увидел вдалеке кого-то из людей, но уверенности не было.

В общем, день протекал скучно и грустно.

Ровно до знакомого хлопка и низкого гула взлетающей капсулы...

Я не успел запомнить, как выскочил наружу. Просто стоял и смотрел, как одна из капсул с дальнего от меня конца группы взлетает в небо.

А потом мы с Трибэ пробирались по тающему снегу к месту происшествия.

Первыми, само собой, не были. Народу там уже было — не протолкнуться.

Вот только народ этот вёл себя как-то шумно. А Туз вообще стоял перед Сочинцем и что-то экспрессивно высказывал, размахивая руками.

— Опять вы всё стянули! Зачем врётё, а?! — кричал он, когда мы подошли. — Там три жмура, а припасы унесли, и тут — тоже! Вы чё скоростные такие?!

— Да не брали мы тут ничего! Одновременно ведь вышли! — возражала Кострома, стоящая слева от Сочинца.

— Хватит врать! — кричала Маша. — Всё себе тащат! У остальных уже еда заканчивается!

— Вон, ваши двое и утащили! — Ника указала на меня и Трибэ.

— Вообще-то мы только добрались... — спокойно, но громко ответил я.

А затем внимательно огляделся.

Жаль, но искать какие-то следы было бесполезно. Если что и было, то всё уже затоптали. Так что я просто задал вопрос в галдящую пустоту:

— И по еде вы зря шумите: у всех заканчиваются рационы. Не только у вас, но и у трупов. Кто тут жил, известно?

— Да хрен знает! Посрать! — отмахнулся Туз.

— Вообще неважно! Важно, кто труп забрал! — кивнул Роман.

— Ой... — Маша прижала руку к губам, а потом, когда к ней обернулись остальные, пояснила: — Вспомнила. Тут Нытик жил...

— Его чё, мочканул кто-то?! — удивлённо спросил один из гопников по прозвищу

Мелкий.

— Слышь! А могли! — неожиданно подключился Туз. — Вон у Ваню сколько оружия! Он, небось, и мочканул!

— Туз, давно спросить хотел... — сказал я, широко улыбаясь. — Каково это — быть тупым придурком?

— Чё?! — от такого Туз всё-таки потерял тормоза и попёр на меня.

Однако был вовремя перехвачен и удержан своими же.

— Вот-вот... Если бы я его, как ты говоришь, «мочканул», на теле были бы следы расправы! — я развёл руками. — А у вас даже тела нет... Ни тела, ни следов расправы, ничего-го! Вы просто решили меня на голом месте обвинить. И обвинили. Поверить в такое может только дурак. А ты, видимо, придурок, раз думаешь, что остальные — дураки, и тебе сразу поверят.

Вообще-то нет, поверили... По глазам видел: Маша и Ника поверили. И пара их качков-прихлебателей повелась. Ну и пара гопников, естественно. А остальные просто догадались не мешать. Но теперь кого ни спроси — любой откажется. Кому же приятно себя дураком-то считать?

Это я просто работал на опережение, чтобы не погрязнуть ещё минут на десять в разборках и пустых спорах. Собственно, Туз, видимо, на последнее очень рассчитывал. Двое из числа его прихлебателей тихонько рванули в сторону, когда он начал на меня «наезжать». Видимо, как раз разыскивали труп.

Но я уже знал, где искать... Заприметил на снегу почти затоптанные волокна мха. И припомнил, что Нытик меня ещё во второй день расспрашивал про верёвку. Сплёл он её всё-таки... И, видимо, удачно.

— Труп ищите! — сказал я, оглядываясь. — Хотя, чувствую, я его первым найду.

— Это потому что ты знаешь, где он лежит! — снова попытался Туз.

— Ну точно придурок... — покачал головой Дунай.

— Ваню, откуда узнал? — спросил Сочинец.

— Вон, волокна мха повсюду! Вы их почти втоптали в землю, но ещё видно, — я указал людям под ноги. — Он плёл верёвку. А раз плёл верёвку, то как он мог с этой верёвкой умереть?

— Он повесился! — догадалась Кострома. — Значит, ему нужно было какое-то дерево или высокое крепкое растение.

— Если он, конечно, самоубился... — согласился я, потому что в голове был ещё с десяток вариантов, как Нытик мог нас покинуть. — Ну что, проверим?

Проверять пошли всей толпой. И верным оказался первый вариант: Нытик повесился. На растении с разлапистыми то ли листьями, то ли отростками. К сожалению, они выдержали вес человека.

Я, само собой, даже не рассчитывал, что меня опять не обвинят. Уж больно близко моя капсула, да и наш костёр располагались к лесу. Но тут мне на помощь пришёл ещё не стаявший снег. И физиологические особенности покойного...

Я ещё во второй день заметил, что у Нытика нога, как девичья. Руки у него тоже размерами не отличались, но нога — в лучшем случае, тридцать девятый. Так что, когда труп был обнаружен, а все ломанулись вперёд, я грозно заорал:

— А ну стоять все! Следы затопчите!

И удивительно: меня послушались.

Я подошёл к началу следа, хорошо отпечатавшегося в снегу. А затем посмотрел на Туза и позвал:

— Иди сюда, придурок!

— Слышь, а ты не «уху ел»? — привычно, поинтересовался тот.

— Заткнись и иди сюда, придурок! — рявкнул я, грозно сдвинув бровки (надеюсь, что грозно!). — Либо ты сейчас отказываешься от обвинений в мой адрес, либо я тебя прямо здесь на дуэль вызываю!

— Какую дуэль?.. — не понял Туз.

— Для защиты чести и достоинства, которые ты своими обвинениями грязно пограл! — отозвался я.

А затем понял, что Туз ничего понял, как и его кореша. Поэтому пояснил чуть доступнее:

— За слова будешь отвечать, придурок!

Отвечать за слова вооружённому лбу с топором (мне, то есть) Туз не хотел. Зато он догадывался, что я что-то задумал. И понимал, что помощи от корешей не дожждётся в такой ситуации. Поэтому проглотил очередное обзывательство и всё-таки подошёл.

— Видишь след в снегу? — спросил я его, а затем дождался кивка и поднёс ногу к следу. — Моя нога пролезает?

— Нет... — качнул головой Туз.

— Раз не пролезает, мог я его сюда дотащить на себе? — уточнил я.

— Нет...

— А кто тебе мешал его туда заманить? — вскинулся один из гопников, Сашок.

— Следы одного человека! — хмуро бросил тому Роман, и сам явно недовольный итогами расследования. — И это следы Нытика. А не Ваню...

— А-а-а... — протянул Сашок.

— Ну что, ещё считаешь, что это я его? — спросил я у Туза.

И уставился на него тяжёлым взглядом в ожидании ответа. Один на один, может, и не прокатило бы. А вот сейчас, прилюдно, это хотя бы работало.

— Нет, — ответил Туз и отошёл, хмурия брови.

— Ну тогда я пойду, — кивнул я. — А вы там сами труп снимайте, хороните... В общем, вы знаете, что делать.

— А чего это мы?! — возмутилась Маша.

— А кто кричал, что мы все трупы у вас уводим?.. — заржал, аки конь, Дунай.

— Так там пайков нету! — разозлился Туз.

— Да ты что?! — захохотал я, уже двигаясь к своей капсуле. — Так их и у тех, кто погиб во время бурана, особо не было! Но мы же похоронили! Вот и вы давайте. Проведите расследование, снимите труп, выкопайте могилку... Ага...

Возмущённые крики, которые неслись мне в спину, я слушать не стал. Зачем себя расстраивать низменным желанием некоторых людей увильнуть от работы на благо сообщества? К тому же, я был уверен, что труп всё равно в итоге придётся нам хоронить.

Ошибся. Потом в окно наблюдал, как милые дамы Маша и Ника гнали гопоту к лесу. Вот она, сила женского убеждения! Гопники хоть и оскальзывались на камнях, но понуро шли вперёд, пока Сочинец что-то мирно обсуждал с Тузом.

Я принципиально не показывался, чтобы не злить своим видом лидера второй группировки. В том, что лидер он, а не Роман, уже никто в принципе не сомневался. Да

Роман и сам ушёл в тень, стараясь не отсвечивать.

И ведь тоже умно поступил... Если что-то пойдёт не так — отвечать будет Туз, а хороший мальчик Рома скажет, что просто приказы выполнял. И вообще он — пострадавшая сторона. И пусть теперь гопники его страдания активно отрабатывают.

В общем, Рома нацелился на хорошую жизнь за чужой счёт, причём при любых вывертах судьбы. Как и Маша с Никой, которые явно какое-то влияние на гопников имели. Однако сами девушки в первые ряды не рвались, вступая в спор лишь тогда, когда это ни к чему их не обязывало. Группа поддержки, блин!.. Розовых помпонов в руках не хватает...

С другой стороны, возможно, и прав Сочинец — вдруг удастся миром разойтись. Или даже мирно сосуществовать. Он потом заходил с довольной мордой после переговоров с Тузом. Говорил, что всё хорошо прошло. Заодно притащил мне копчёностей, чтобы было чем червяка заморить.

Я попробовал...

Ну что могу сказать? Только согласиться с оценкой Саши: вкус был странным. Да, это без сомнения было мясо. Да, оно без сомнения было белковым. И если бы не странный привкус, мало чем отличалось бы от мяса земных животных.

Но привкус... Что-то такое было в местных животных, что заметно отличало их от нас. Однако это не помешало мне с аппетитом жевать необычную, слегка солёную копчёность. Правда, баллы за дегустацию достались не мне, а Саше. А баллы за достижение мирной договорённости между фракциями группы отошли Сочинцу.

Но я не слишком переживал по этому поводу. У меня и так баллов хватало, да ещё и за проведённое (почти мирно!) расследование СИПИН накинул тридцатник. Так что я был не в накладе.

А снег всё таял и таял — до вечера. Весёлые ручьи устремлялись прочь, журча между камней. Почти весь склон до леса превратился в сплошной поток. Только полянку с нашим костром вода обходила по вырытым канавкам.

Но я уже начинал волноваться за мясо! Температура-то была плюсовая: а вдруг тухнуть начнёт?

К вечеру у моей капсулы объявился Сочинец, озабоченный той же проблемой. И сходу предложил возобновить дежурства у костра и готовку мяса. На этот раз вечерний концерт назывался «Воробушки трудолюбиво разводят огонь» — и продолжался два часа.

Саша и Лиза, высунув от усердия языки, пытались добыть пламя из деревяшек. А зрители всё ждали и ждали чуда. И, наконец, чудо потянулось к темнеющему небу тонкой дымной струйкой. Затлел комочек мха, от порыва ветра появился язычок пламени...

А наши «приспособы» для розжига скоростно загорелись. Ликующие девушки случайно оставили их в костре и закидали хворостом раньше, чем кто-то успел вмешаться. Только печально-протяжное «Э-э-э-э!» пролетело над полянкой со стороны зрителей...

— Ну и ладно. Новые сделаем... — вздохнул я, принимаясь за работу.

— Ты сегодня какой-то... Очень уж терпимый к чужим недостаткам! — с подозрением покосился на меня Сочинец.

— Я, знаешь, просто люблю общество, — признался я ему. — Но ещё больше люблю личное пространство. Чем быстрее эти барышни накопят на отопление, тем быстрее я окажусь один-одинёшенек в своей капсуле.

— Ах вон оно что! — понял военный. — А я-то думал, в тебе мудрость просыпается...

— Не-не-не... Таким я не болею! — сразу же начал отмахиваться от него руками я. —

Все эти срамные болячки обошли меня стороной.

— Ну так и пиши в анкете для знакомства с девушками, — кивнул Сочинец. — Я, мужчина в расцвете сил, без срамных болячек (мудрости, терпения и гонореи) ищу...

— Ну вот ещё! — фыркнул я. — Надо так: я, красивый и трудолюбивый мужчина, в полном расцвете сил, способный три раза за ночь, без срамных болячек (мудрости, терпения и гонореи) НИ-КО-ГО НЕ ИЩУ! Сами приходят! Вот!..

— Ага-ага! Про скромность забыл упомянуть! — напомнила мне Кострома.

— Да, и ещё я скромный! — кивнул я, после чего соскочил со скользкой темы своих не вызывающих сомнения достоинств. — О чём конкретно с Тузом договорился?

— А! Ну он согласился с тем, что надо на Алтаре брать инструменты для работы. И обещал подумать, что им нужно, — пояснил Сочинец. — И, понятное дело, согласился на совместный поход. Особенно настаивал на том, чтобы от нас пошли сразу все мужчины.

— А от них? — удивился я.

— А от них хотел пару своих гопников в лагере оставить... — кивнул Сочинец, улыбнувшись. — Всё, как всегда, да? Но ты не переживай. В итоге договорились, что пойдут и все его, и все наши, и Роман со своими. Останутся здесь только Ботан и Алексей, культуристы из свиты Маши и Ники.

— Они мужики всё-таки, — заметил я.

— Так я-то здесь остаюсь! — засмеялась Кострома. — Даже если напасть удумают, ничего им не светит.

— А тебе ничего покупать не надо? — удивился я.

— Дунай обещал всё нужное купить! — слегка порозовев, ответила Кострома. — А потом сочтёмся...

— Нам, кстати, завтра утром надо проверить путь! — заметил Сочинец. — Если по промоине уже можно будет пройти, то послезавтра выступим.

— Утром там не такой потоп будет, как днём, — возразил я.

— Верно. Ну так и мы выступать будем утром. Поэтому успеем проскочить опасное место! — ответил Сочинец. — В общем, ты до ночи не сиди. Завтра рано разбужу.

Я, правда, не послушался. Сидел допоздна, доделывая второй топор. Но сдать меня могли только мирно спящие «воробушки» Лиза и Саша. А они так умаялись с костром, а затем и с угрызениями совести, что вряд ли что-то заметили...

Дневник Листова И.А.

День шестой. Проверка пути

Шли мы с Сочинцем вдвоём. Я презентовал ему второй топор, который как раз успел доделать. Военный долго принаравливался к подарку, а потом радостно оценил:

— Нет, Ваню, умеешь ты всё-таки руками работать! Шедевр же!

— Да брось, обычный каменный топор! — пожал я плечами. — Наши предки такие пачками делали. А потом пачками же и ломали.

— По сравнению с предыдущими поделками — это шедевр! — не согласился Сочинец.

— Пользуйся! Не жалко! Ещё бы трубок найти, которые я в первый раз из леса притащил... Тогда смогу ещё копья сделать. Всё лучше, чем безоружными ходить! — я потряс своим копьём.

— Если помнишь, где их брал, то давай туда сегодня наведаемся! — предложил военный.

Так и договорились. Но первым делом всё-таки двинулись к промоине. Стояло раннее

морозное утро. Солнце только показалось над величественными вершинами гор. А воздух ещё не успел нормально прогреться.

Однако вездесущие ручьи уже шумели между валунами, стекая с возвышенности. Двигались мы сначала знакомым мне путём до края леса, а потом — шли вдоль опушки. Тут уже смотрели под ноги куда внимательнее...

Да и по сторонам не забывали поглядывать, а то мало ли что!

Не зря, надо сказать, поглядывали...

Скопление насекомых и каких-то мелких трёхглазых зверьков, смутно похожих на знакомого мне «кырлу», мы заметили издали. Наши шаги спугнули большую часть крылатой братии, но вот зверьки почему-то наотрез отказывались уходить.

Они вставали на задние лапки.

Они смотрели на нас трёхзрачковыми глазками с зеленоватыми белками.

Они угрожающе шипели.

Но в этот раз я не испугался. У меня был топор, у меня было копьё, у меня был Сочинец. И чувство собственного достоинства.

Тем более, от «кырлы» зверьки выгодно (для меня выгодно!) отличались размерами.

— Ох, мать... — Сочинец поморщился, глядя куда-то за спины зверьков.

Я не сразу понял, что он там увидел. Ну зверьки, ну какие-то кустарники, ну валуны очередные, нога чья-то...

Нога?

Мой мозг явно не хотел считать ногу чуждым элементом пейзажа. Видимо, решил побереечь хрупкую человеческую психику.

Однако ноги сами по себе среди валунов валяться не должны. А тут — на тебе, лежит такая. Скрывается ли за валуном ещё и тело, или нога там заканчивается, мы не знали. Сначала надо было пройти через ряды агрессивных зверьков.

— Давай их копьём попробуем перебить! — предложил Сочинец. — Ты бей, а я прикрою камнем, если кинутся.

Но зверьки оказались только на вид страшные и стойкие. После того, как я трижды быстро и сильно ударил копьём, они ретировались, оставив на земле три тушки собратьев, которых теперь можно было внимательно рассмотреть.

Но первым делом мы обошли россыпь валунов.

Нога была не одна... Сверху от ноги имелись остатки остального тела. Но только остатки, при виде которых меня слегка замутило...

— Ух ё... — я поспешно отвернулся. — Кто ж её так?

— Ну точно не эта мелочь! — заметил Сочинец, внимательно осматривая то, что осталось от девушки. — На рёбрах следы крупных зубов. Здесь была тварь посерьёзнее. Наелась, видимо, и дальше пошла.

Собственно, картина произошедшего вырисовывалась ясно. Девушка — скорее всего, именно та, которая покинула капсулу — двигалась вдоль леса. Она даже утеплиться успела. Белое трико, как обычно, пропало. А вот утепление в виде каких-то намоток из листьев — осталось.

Хищная тварь кинулась на неё из чащи. Девушка её, похоже, даже не заметила. От удара она упала, выронив связку из четырёх рационов и двух бутылок. Связка лежала рядом — нетронутая. Ни крупное, ни мелкое зверьё на неё не покусилось. Девушка, похоже, пыталась отбиться ногами и руками. Ну или просто билась в агонии, бедняга...

В любом случае, умерла она быстро. Сломанная шея обычно не способствует долгой жизнедеятельности. Скорее всего, зверь сначала перегрыз ей горло. Значит, на всё про всё у него ушло несколько секунд.

А потом зверь перекусил центральной частью жертвы, не тронув рук, ног и таза. После чего, насытившись, ушёл восвояси. Тело замело бураном, спрятали до поры до времени. А как потеплело — набежали падальщики и принялись за пиршество.

Впрочем, эта картина произошедшего могла быть далека от истины. Мы с Сочинцем сочиняли её, основываясь на том, что видели. А эксперты-криминалисты из нас — так себе. Но в целом всё говорило о правильности нашей версии.

Буран заставил девушку выйти из капсулы — видимо, начала замерзать. Да, на ветру она тоже мёрзла, но, добравшись до леса, сумела утеплиться. А вот дальше... Лично я подозревал, что она просто не нашла дорогу назад. Следы замело снегом, а видимость тогда, как я помню, не превышала пяти шагов.

Хотя, может, она и не планировала возвращаться. Ведь взяла же с собой запас продуктов.

Первая ошибка обнаружилась чуть глубже в лесу. Сочинец решил проверить, что там дальше в чаще. И, пройдя пару десятков шагов, наткнулся на шалаш. Самодельный домик явно пострадал от какого-то сильного удара. Значит, мы ошиблись: девушка сумела обустроиться в лесу. А если учесть, что и слой снега тут был меньше, то становилось понятно, почему.

— Тут меньше мело... Растения прикрывали! — понял я.

— Ага, она спряталась от непогоды. Вон, сумела даже шалаш построить... Костёр пыталась развести. А тут этот зверь... — кивнул Сочинец. — И ведь предприимчивая девка оказалась!

— Обидно, да! — согласился я. — Жаль, раньше не показывалась...

— Интересно, почему она не узнала у СИПИНа, как настроить отопление в капсуле... — задумчиво протянул Сочинец.

— **А она меня галлюцинацией называла!** — тут же пожаловался нам обоим вездесущий инструктор. — **Наотрез отказывалась общаться. Говорила, что она нормальная, а значит, никаких странных голосов слышать не должна. И вообще отказывалась верить, что она на другой планете. Считала, что наверняка это какой-то розыгрыш для популярных шоу. Вот и пошла выживать в лесу всем назло...**

— А что там с другими колонистами, которые ещё не вышли, СИПИН? — я тут же ухватился за ниточку честных признаний. — Как их вытащить, есть идеи? Наши и стучали, и объясняли через дверь. Ноль реакции!..

— **А про ещё живых колонистов я не уполномочен вам докладывать!** — свернул разговор СИПИН.

Мы задержались только для того, чтобы завалить валунами тело несчастной. Хотелось хоть как-то затруднить зверю доступ к нему. Похоронить решили уже на обратном пути.

Тушки трёх падальщиков бросать не стали. Мяса с них немного, да и качество у него то ещё... А вот шкурки казались вполне пригодными для обработки.

Размерами зверьки были с кроликов. Может, чуть меньше. А внешне напоминали что-то среднее между крысами и ёжиками. У них была острая вытянутая морда с чёрной пуговкой носа, три глаза, длинный хвост, а также набор игл на голове и шее.

Чтобы добро не пропадало, сначала нашли вьюн и сделали из него пояса. Спустив

тушкам кровь, мы подвесили их к поясам за хвосты. Сочинец себе взял две, я — одну. После этого двинулись дальше.

К промоине вышли позже, чем рассчитывали. Но потеря времени не особо сказалась на общей картине. По дну тѣк пока тонкий ручеёк. Однако воздух прогревался быстро, и вскоре поток воды окреп, стал громче и увереннее.

Мы простояли у промоины часа три, на исходе которых стало ясно, что больше смотреть не на что. Вниз с рѣвом катился сплошной водопад, способный не то что человека, а слона смыть. В общем, получалось, что окно для выхода у нас будет составлять не больше трёх часов.

Чтобы спуститься с обрыва — этого хватит. А склоны соседней возвышенности были более пологими, поэтому там таких проблем возникнуть не должно было.

На обратном пути задержались, чтобы похоронить останки девушки. Копать яму не стали, но горку камней в качестве надгробия организовать сумели. А связку пайков и бутылок с водой забрали. Нечего добру пропадать.

Впрочем, пайки решили не вскрывать, а взять с собой к Алтарю. Если удастся — можно будет поторговать с местной группой. Баллами обмениваться-то было нельзя. А вот дневной рацион — это хорошая мера для торговли.

Зашли на обратном пути и за трубчатыми растениями. Набрали целую связку, а уже после этого двинулись обратно к своим капсулам. Сочинец собирался ещё раз сходить к Тузу на переговоры, а я — сделать копы и обновить утепление. Моё совсем уже растрепалось. Да и другим участникам похода надо было помочь, раз уж я такой рукастый.

Глава 19. Чересчур походные

Дневник Листова И.А.

День шестой. Страдания Ваню.

Если бы не острая необходимость купить инструменты на Алтаре Вознаграждения, в этот вечер я стал бы обладателем репликационной медицинской капсулы. После изготовления пятого копья мой счёт уверенно перевалил за тысячу баллов развития. А потом я сидел и грустно смотрел на вожделенный пункт в меню...

— **Не стоит расстраиваться!** — посоветовал СИПИН. — **Капсула — это только капсула! К ней надо пополнять расходники, и это стоит баллов. А полный репликационный цикл вообще обойдётся тебе в пять тысяч баллов.**

— Что?! — возмутился я. — Где справедливость?! В пять раз дороже капсулы?!

— **Да, примерно столько стоит в южном полушарии раб-человек, — согласился инструктор. — Сделать новое тело, знаешь ли, дорого стоит.**

— Ну да, если бы всё было так легко... — вздохнул я.

— **В твоём случае всё и так достаточно легко. Пока ты демонстрируешь вполне удачный старт в общепланетарном рейтинге!** — заявил СИПИН.

— Вы и такой ведёте? — удивился я.

— **Мы много чего ведём. И многое потом будет доступно и вам, — не стал отнекиваться СИПИН. — Но сейчас тебе стоит заботиться о выживании, а не о высоких материях.**

Итак, новая цель! Точнее, старая цель, но на новый лад! Мне нужно шесть тысяч баллов развития, чтобы купить репликационную медицинскую капсулу, а потом ещё и оплатить цикл репликации. Всё просто! И тяжело...

Даже мой маленький план из четырёх пунктов не до конца выполнен. А уж про такие высоты и думать страшно... Я всё так же смертен, я всё так же гол, как сокол в трико — и всё так же не знаю, как нормально охотиться. Удачный забой «картошки» на ножках кузнечика — не в счёт. Это чистое везение.

Впрочем, хандрить было некогда. И незачем. За день мне удалось немало сделать. Я нарвал кучу ресурсов, за что СИПИН наградил меня одиннадцатью баллами. А ещё обучил Сашу и Лизу делать утепление. Это, кстати, у них неплохо получалось: даже ничего не спалили и не сломали. И СИПИН высоко оценил, после чего «воробушки» наконец-то съехали от меня. Переселились они в одну из своих капсул, где теперь удалось включить отопление.

В процессе обучения «воробушки» и мне утепление немного обновили. Так что ещё пару дней можно было особо не беспокоиться. Кроме того, вспомнив, как спасалась от холода съеденная хищником девушка, я нарвал похожих листьев в лесу и обмотал ноги. Теперь они мёрзли не так сильно, а мне дополнительно перепало от СИПИНа пять баллов.

Ну а за вышеупомянутые пять копий мне начислили целых сто пятьдесят баллов. Причём, не столько за копия, сколько за массовость производства. В результате, теперь я был обладателем тысячи ста тринадцати баллов развития. Йу-ху-ху! Вчерашний нищелюб Ваню теперь мог считать себя почти богатым человеком!

Ключевое слово — почти. К сожалению, объективно я всё ещё был беден, как церковная мышь. А всё почему? Потому что имел всего одну жизнь! Одну!.. И её надо было беречь.

И как прикажете её беречь, если мне предстоит целый день провести в компании гопников и Туза? Весьма сомнительной компании... А целый день — это немало, знаете ли.

Занимаясь обучением, утеплением и копьями, я пропустил создание коптильни и ещё один этап выделки шкуры. Её размачивали в потоках тающего снега, а под вечер — обрабатывали. После чего снова отправили коптиться. На завтра Кострома обещала заняться её пропиткой. Причём, как выяснилось, делать это нужно было жиром и мозгами.

Фу...

С другой стороны, после этого шкура вроде как будет готова к разделке. Следовательно, мы сможем начать производство одежды. А значит — долой всякие «фу», Ваню! Тебя ждут великие швейные дела! Если, конечно, ты будешь столь успешен, что вернёшься домой живым.

Про мясо наши ребята тоже не забыли. Часть коптили в дыму, часть — сушили на раскалённом камне. Копчёное мясо брали с собой. Сушёное оставляли и дальше сушиться. А вот пищевые рационы решили прихватить в поход в качестве валюты. Хотя нам и так нужно было много чего купить...

Полный список имелся у Сочинца и Чемодана. Эти двое смогли его хотя бы запомнить. Я не смог. Помнил часть необходимого. В основном — свою.

Вечером приготовления к походу были закончены. Мне выдали плетёный из вьюна шоппер, который мой дед всю жизнь упорно называл «авоськой». В этой авоське было шесть пищевых рационов и плотный кулёк из листьев, в котором лежал запас еды. Бутылку воды я доложил сам.

Кроме того, мне удалось сделать на поясе петлицу, в которую отправился топор. После чего я проверил крепость сандалий, подтянул узлы, провёл ремонт... И, немного подумав, взял материал на запасную обувь — если эта развалится от долгой ходьбы. А ещё сменил верхнее трико на чистое: как-никак, знакомиться иду, а не только шопингом заниматься.

В общем, к походу я был готов.

Спать лёг пораньше, чтобы до света быть на ногах.

И не смог уснуть.

Репликационная медицинская капсула манила меня к себе... Вот я и полез в меню улучшений, чтобы поплакать над ней вместе со своей жабой. Чем ещё полчаса благополучно занимался.

Затем выключил свет и опять попытался уснуть...

Кажется, снова неудачно...

Дневник Листова И.А.

День седьмой. В поход!

А нет — удачно!.. Судя по стуку в дверь, меня как раз будили. А судя по тому, с каким трудом разлеплялись веки, я всё-таки спал.

— Ваню! — донёсся голос Дуная. — Вставай!

— Проснулся! — продирая глаза, откликнулся я. — Выхожу!

— Ага...

Наскоро перекусил куском копчёного мяса, запил его водой и пополнил запас в бутылках. А затем вышел наружу, где у костра уже вовсю собирался наш отряд.

С Тузом и его людьми мы должны были встретиться у камней. Тех самых, где я впервые обнаружил волосатый мох и столкнулся с кырлой. Где, кстати, этот бесстыдный меховой комок? Это же мой законный запас мяса и шкуры!..

Идти договорились строем.

Впереди — Сочинец с топором и двумя круглыми щитами.

Да, вчера у нас появились щиты. Не слишком прочные, зато делать ничего не пришлось: природа и без нас постаралась. В лесу мы обнаружили растение с листьями-зонтиками. И эти листья были такими жёсткими, что напоминали древесину. К сожалению, на поделки они не годились. Нарушение целостности оболочки приводило к высыханию зонтика. И в результате он становился тонким и хрупким.

Зато если его срезать в районе ножки, тогда «природный щит» сохранял форму и твёрдость. Насколько долго — мы не знали. Зонтиков удалось найти всего четыре. Два отдали Сочинцу. Два — Чемодану, который шёл замыкающим и был вооружён дубиной.

В центр нашего отряда, как в самое безопасное место, поставили Сандру и Алёну, ещё одну девушку из окружения Чемодана. Обе были высокие, крепкие и способные носить тяжести.

Мы не звери, не подумайте! Они сами вызвались!

С правого фланга отряд прикрывали я и Трибэ. Оба были вооружены копьями, а я ещё и топором. Не то чтобы мы были умелые бойцы, но с оружием всяко лучше, чем без него.

С левого фланга прикрывали Дунай и Прокачун. Они тоже были с копьями, а Дунай дополнительно вооружился дубинкой, утыканной осколками кремня.

Моё старое копьё отдали Сандре, сказав ей «помогать по возможности». Раз говорила, что не испугается — пусть доказывает.

А последнее копьё из новых оставили Костроме. На случай, если два «шкафчика» из свиты Маши и Ники всё-таки потеряют берега.

Встреча с Тузом прошла в молчании. Они появились тремя разрозненными группами. Ника, Ваня из её окружения и Одиночка, тот самый нелюдимый парень, шли особняком. Причём последний умудрился даже тут ещё заметнее обособиться.

Ника и Ваня (гнусный похититель моего имени!) шли вообще налегке!.. Это больше всего поражало. А вот Одиночка вооружился. У него была дубина, как у Дуная — тоже истыканная каменными осколками. А, кроме того, виднелась связка камней с привязанными к ним шнурками из волокон мха. Он и утепился, и пояс себе сделал, так что был, пожалуй, экипирован не хуже нас.

Роман и трое его соратников шли с заточенными и обожжёнными на острие палками. У Линзы на плече было трико, перевязанное так, чтобы можно было нагрузить. Сомнительное решение, так как стоит Линзе умереть — и трико исчезнет. Но хоть какое-то...

А вот гопники шли, прямо скажем, совсем налегке. Но вооружение у них имелось. У Туза был какой-то молот с деревянной рукоятью и каменным набалдашником. Чтобы прицепить булыжник к рукояти, он расщепил дерево, а потом тщательно обмотал всё волосатым мхом.

Трое его бойцов — Сашок, Борис и Илай — вооружились простыми камнями, обвязанными верёвками. Я как увидел, даже расстроился. Ведь простое решение-то! А какое эффективное оружие получилось! Кистень! И просто, и мощно. Таким прилетит — больше не встанешь.

Последний гопник — Мелкий — шёл с кремневым лезвием, прилаженным к какой-то деревяшке из тех, что попадались в округе. Это было что-то сродни плавникам, высушенным настолько, что не осталось ни веса, ни крепости. Вот Мелкий и соорудил себе нож. Он постоянно находился рядом с двумя девушками, которые примкнули к Тузу.

Звали их Вика и Ната, и шли они примерно с той же ролью, что и наши Сандра с Алёной. Причём тоже тащили на себе большие подобия шопперов — только сплетённых из волосатого мха. Правда, по их кислым физиономиям сразу было понятно: добровольно они на это соглашались. Да кто их спрашивал-то?

Вообще Туз и его гопники выглядели довольно и самоуверенно. Ровно до того момента, пока не увидели нас.

Лица у них резко вытянулись и посмурнели, а настроение явно испортилось. В то время как у Романа и Ники — наоборот, улучшилось.

Не знаю, заметили ли мои спутники эти метаморфозы, а вот я — заметил. И готов был биться об заклад: изначально нас всех собирались перебить вдали от капсул. Чтобы никто не вернулся. А тот факт, что мы хорошо вооружены и готовы отражать агрессию, стал для гопников неприятным сюрпризом. Да, теперь не только Ваню таскал на себе первобытный арсенал...

— Ну чё, двинули? — спросил Туз, хмуро осмотрев наш вооружённый отряд. — Вы впереди!..

— Хорошо, — кивнул Сочинец, не став спорить.

Мы двинулись в сторону леса. Причём вести пришлось мне, чтобы безопасно пройти через поле валунов. Дальше — вдоль опушки, повторяя наш с Сочинцем вчерашний маршрут.

Пару раз оглянувшись, я понял, что Чемодан бдит — к нему незаметно не подобраться — и немного успокоился. Что не мешало мне иногда поглядывать назад, вроде как проверяя, не отстал ли кто? И, само собой, меня беспокоило не отставание попутчиков, а, наоборот, их чрезмерное сближение с нами.

До промоины добрались быстро. Внизу только появился первый, совсем незаметный ручеёк. Но Сочинец предупредил всех, что на спуск у нас не больше трёх часов. Потом смочет!

Спускались быстрым шагом, решившись на риск. Могли нарваться на хищника, а могли упасть и получить травму. Могли... Однако не нарвались и не получили. За час преодолели промоину и оказались в распадке между двух плоскогорий.

Судя по лужам и толстому слою грязи, подсохшему за ночь, в распадке задерживаться тоже не стоило. Чем быстрее пройдем, тем меньше промокнем. Здесь явно скапливалась вода, сливавшаяся с горных вершин.

Я видел, что Сочинец вообще предпочёл бы бежать вперёд. Но нельзя было: попутчики «устали», и у них «разболелись ноги». В результате, они еле плелись, тормозя нас жалобами и короткими минутными привалами.

— Вон, на склоне отдохнём! — не выдержал в какой-то момент Сочинец, указав на пологий подъём соседней возвышенности, а потом ткнул в сторону, откуда мы пришли. — Смотрите туда!

Посмотреть было на что... По промоине, где мы спускались, и ещё по трём таким же, видневшимся дальше, с рёвом неслись в распадок потоки воды. То, что вскоре нас просто смочет, как в унитаза, понял даже тупица Туз.

— А-а-а-а! Ля! Чё встали?! — заорал он на всех, в том числе и на нас. — Дёру, нафиг Дёру!..

Оставшиеся три сотни метров до склона (а затем ещё сотню по склону) наш отряд бежал, постепенно замедляясь лишь наверху. Тут даже у меня ноги разболелись. Особенно после того, как я пару раз споткнулся, чуть не вывихнув лодыжку.

Остановились мы, только оказавшись в недостижимости для воды. А если конкретнее, то неподалёку от очередных зарослей, куда больше похожих на непролазный лес. Мы их, кстати, видели со своего склона: они были довольно обширными, и чтобы добраться до скопления капсул и Алтаря Вознаграждения, их пришлось бы обходить. Идти через лес дураков не было.

Но идти сразу мы не смогли. Устроили первый большой привал. Алёна с Сандрой выгрузили несколько тех самых плавней, то есть кусков сухих деревяшек. А Прокачун уселся разводить костёр. И через двадцать минут мы уже грелись вокруг жаркого пламени.

Попутчики поглядывали на нас с неприкрытой завистью. Роман даже попросился погреться, плюнув на гордость. Но Сочинец предложил ему сложить ещё один костёр, чтобы не толпиться у нашего. А огоньку — так и быть, пусть возьмёт у нас. Помаявшись ещё пару минут, наши попутчики всё-таки договорились между собой.

И организовали себе три костра. Три... Костра... Отдельных...

Да уж, взаимное доверие так и прёт!

Более того, все расположились так, чтобы держать друг друга в поле зрения. За лесом вообще наблюдал только наш отряд. Остальные куда больше внимания уделяли друг другу. Так и сидели, подозрительно оглядываясь, ещё полчаса.

Ну а я успел достать из кулька пару ломтей мяса, спокойно перекусить... И даже проверить сандалии. Удивительно, но обувь пока держалась, несмотря на бодрую пробежку по склону.

А вот ногу начинало в одном месте натирать.... Пришлось оторвать от кулька небольшой кусок листика, чтобы подложить под опасное место. С натёртыми ногами я далеко не уйду — факт. Я вспомнил, как однажды мучился с мозолью целый день, и как она кровила вечером. Представил, как это будет происходить здесь... И понял — да ну нафиг, из-за мозоли тут ногу можно потерять.

Да и Сочинец вчера предупреждал о мозолях. И даже снова напомнил, когда мы устроились на привал. Спорить никто не стал. Каждый из нас проверил ноги, постаравшись прикрыть листьями опасные места.

А вот наши попутчики, кажется, о таких мелочах не задумывались. Шли, как на курорте. Туз и вовсе начал прихрамывать вскоре после привала.

Скорость отряда упала до черепашьей. Вдоль опушки леса мы двигались медленно и печально. До места, где снова пришлось, обогнув лесной массив, подниматься по склону, удалось добраться только после обеда.

А всё почему? Потому что по пути устроили ещё один привал, два пятиминутных отдыха и один «перекур». И это несмотря на то, что моё поколение не курило: нам просто курево не продавали от слова «совсем».

Вот батя мой — тот ещё мог купить. Дед вообще курил. А мы уже нет. На законодательном уровне перекрыли. Вот только алкоголь никто не запрещал. И синтетические лёгкие стимуляторы нового поколения не успели запретить. Почему так? Парадокс!

В общем, как дело пошло в гору — в смысле, опять пришлось взбираться наверх — попутчики потребовали обеденный перерыв. Сочинец только глаза закатил, но спорить не стал. Друзей держи близко, а врагов — ещё ближе. Упускать из виду гопоту никто не собирался. Ещё не ровен час, эти придурки в лагерь вернутся...

Обедали снова с кострами, и снова каждый в своём кругу. От Ники подходил взять

огонька Одиночка. И Сочинец не упустил момента с ним пообщаться.

— Чего ты забыл в этой компании, боец? — спросил он.

— Я не боец... — ответил тот, как-то нервно дёрнув щекой. — И уж точно не твой.

— Значит, их? — с улыбкой уточнил военный.

— Я сам по себе... Как будет возможность, сразу от вас всех свалю. Вы просто обуза... — Одиночка позаимствовал у нас огонь, который, кстати, не умел разводить. И с независимым видом направился к своим.

— Вот это самомнение!.. — шёпотом восхитился Дунай. — Слышь, Ваню... Ты там заканчивай со своей скромностью: вчистую проигрываешь!

— В самом деле... — согласился я. — Со своими пятью копьями за вечер я ему в подмётки не гожусь... Одно слово — обуза!

Народ вокруг захихикал, а Одиночка посмотрел на нас очень подозрительно. Слышал или нет? Впрочем, какая разница? С таким подходом к сотрудничеству он практически бесполезен для группы.

Чтобы заставить отряд идти дальше, пришлось повозиться. В основном, возился Сочинец, который временно переквалифицировался из военного в воспитателя детского сада. Главное — чтобы у этого воспитателя нервы не сдали: малыши-то давно выросли, а ленивые задницы ремня просят.

В общем, спустя час привала Сочинец начал ходить от костра к костру, уговаривая всех встать и идти. Как ни странно, я хорошо понимал наших попутчиков. У меня у самого до сих пор болели мышцы на ногах. Да и натёртости, несмотря на подкладку из листиков, ещё больше проявились.

Заставить себя встать и идти было реально тяжело! Я вообще прошёл в этот день больше, чем в любой другой день своей жизни! Ну не привык современный человек столько шагать...

Легче всего, как ни странно, переносили поход культуристы. Они-то как раз к подобным нагрузкам оказались привычные. Не один час в тренажёрных залах топтали беговые дорожки. Конечно, синтетические препараты для ускоренного роста мышц помогали решить вопрос многочасовых тренировок, но и настоящие занятия никто не отменял.

В итоге, спустя полтора часа после начала обеденного привала, отряд снова двинулся в путь. Муторный, долгий и медленный путь... Постоянно в гору, задыхаясь, обливаясь потом, прикрывая глаза от солнца, мы всё-таки двигались вперёд...

Какое же счастье я испытал, увидев впереди, на вершине подъёма, скопление белых капсул!.. Казалось, что наши мучения на сегодня наконец-то закончились. Но вскоре выяснилось, что до их завершения ещё далеко...

А всё потому, что у капсул нас тоже заметили. Хотя... А что бы я сам испытал, увидев, как к моей дружной и сплочённой группе приближается отряд в пару десятков рыл, с оружием и решительным видом?

Вынес хлеб и соль?

Побежал бы навстречу, раскрыв объятия?

Хрен там! Я бы рванул собирать всех, кто способен драться.

Вот что я бы сделал. И Туза бы пригласил, не постеснялся бы! И женщин бы камнями нагрузил — пусть во врагов бросают.

В общем, не было ничего удивительного в том, как нас местные встречают...

Пришлось, не доходя около сотни метров, высылать парламентёров: Романа, Сочинца, Нику и Туза. Ну а пока шли переговоры, я с живым интересом разглядывал наших соседей.

Первое, что бросалось в глаза — у них было пять фракций, причём чётко выраженных.

Вооружение у местных оказалось хуже. Однако у пары человек виднелись металлические топоры. Зато с одеждой у них всё было отлично! Плотные штаны и куртки поверх белых трико — у всех поголовно.

Вот только людей у них было не больше, чем в нашем сборном отряде. И, судя по количеству капсул, «встречать» нас и вправду вышло всё население. Причём мужчин было в два раза больше, чем женщин.

— Кажись, переговоры идут не очень удачно! — хмуро заметил Дунай.

Туз что-то экспрессивно говорил, размахивая руками. Пять человек со стороны соседей тоже разговаривали на повышенных тонах. Вот только одно дело — Туз: он вообще много экспрессии выдаёт в эфир. А вот то, что Сочинец выглядит мрачным, это немного напрягало...

— Не думаю, что такие прения сторон были бы по вопросу торговли! — покачал головой я.

— Да, Сочинец хотел и про Алтарь сразу уточнить, — кивнул Дунай.

— Если эти ребята решили, что Алтарь принадлежит им, то это они зря! — насупился Чемодан.

— И что ты им сделаешь? — выгнув бровь, спросила Сандра.

— Я? Ничего! — ответил ей Чем, широко ухмыльнувшись. — Ночью обойду их капсулы по дуге и всё решу. Но рано или поздно сюда притопают отряд посерьёзнее... И тогда придурков вырежут за косой взгляд.

— Звучит отвратительно! — расстроилась девушка.

— Прости... Но так уж здесь складывается! — пояснил здоровяк.

Окончания переговоров ждали ещё полчаса. Сочинец вернулся мрачный и решительный. И сразу же повёл нас всех назад, не отвечая на вопросы.

— Всё потом! — отрезал он. — Сначала отойдём подальше...

Догадка о неудачных переговорах стремительно подтверждалась. И это не радовало. Совсем не радовало. Забавно, но наши попутчики так же спешно отходили от скопления капсул: каждый уводил подальше свою группу.

Наконец, мы перевалили небольшой обрыв, и капсулы скрылись из виду. А Сочинец разрешил привал.

Мы быстро разожгли очередной костерок, собрав немного дров по округе. И уже привычно поделились огоньком с попутчиками, которые остановились поблизости.

Вот тогда Сочинец и поделился новостями.

— В общем... Местные отказали нам в доступе к Алтарю! — сообщил он с тяжёлым вздохом.

— Ну мы как бы догадались! — кивнул Дунай. — И даже за плату не пустят?

— За плату? — Сочинец покачал головой. — Да, за плату-то они готовы...

— Так, может, заплатить? — хлопая глазами, спросила Алёна.

И осеклась, как только военный озвучил цену:

— Мы передаём им всех женщин в личное пользование. А ещё оставляем своё оружие. И покупаем десять ножей, которые тоже передадим им, когда будем уходить... Такова плата за использование Алтаря.

— В жопу они пошли со своими требованиями!.. — буркнул Чемодан, непроизвольно загородив широкой спиной Алёну с Сандрой.

— Примерно так я им и ответил... — кивнул Сочинец. — Вот только что теперь делать?

— Охрана у Алтаря есть, как думаете? — спросил я.

— Не знаю... — Сочинец пожал плечами. — Но я бы на их месте теперь выставил.

— Ну, значит, лишатся охраны! — сам себе поражаясь, сообщил я ему.

— Да? — Сочинец с сомнением посмотрел на меня.

— Вот смотрите...

Я принялся древком копья рисовать то, что видел с нашего склона.

— Тут Алтарь. От капсул этих уродов его вроде бы не видно. Тут можно к нему пройти от капсул. А тут, чуть правее, есть небольшая промоина типа той, по которой мы спускались. Если ночью мы пройдем по ней, то незаметно доберёмся до Алтаря. И я уверен, что про промоину эти товарищи не знают! Потому что она в лесу! А у них я ничего из леса не видел: не пользуются они дарами природы...

— И ты предлагаешь, значит, нам топтать в лес? — уточнил Сочинец. — В незнакомый? Ночью?

— Не надо ночью! Надо прямо сейчас идти! — покачал я головой. — Пройдем выше, найдём сухое место и дождёмся темноты.

— Ну что, будем играть в демократию? — поинтересовался Сочинец у остальных членов нашей группы.

— В жопу демократию!.. — отрезал Чемодан. — Надо идти... Нельзя уродам это спускать. Да и Алтарь нам нужен...

— Если скажете идти, я согласен, — кивнул Трибэ.

Остальные тоже не стали настаивать на голосовании.

— Ну тогда попробуем. Только как назад?

— По той же промоине! — ответил я. — Попробуем выспаться вечером. Потом идём к Алтарю, ближе к утру. Быстро закупаемся и уходим. Промоина идёт до самого распадка. А перед рассветом мы спокойно уходим к себе.

— А если часовые будут у Алтаря? — поинтересовался Сочинец.

— Нам это предоставь! — посоветовал подошедший Туз. — Нам к Алтарю этому дозарезу надо, братва! Надо будет — глушанём, свяжем. Надо будет — порежу уродов.

— Пошли... Обсудим со всеми! — предложил Сочинец.

— Да нафиг с этими лясы точить!.. — поморщился Туз. — Хотят к Алтарю — пусть идут с нами. Не хотят — пусть чешут назад!

— Пошли, хоть сообщим им... — Сочинец покачал головой. — Давай-давай... Десять минут роли сейчас не сыграют.

И они пошли сообщать... А мы затушили костёр, подхватили собранные дрова и стали готовиться к новому марш-броску.

На этот раз уже через лес.

Глава 20. Чересчур диверсионная

Дневник Листова И.А.

День седьмой. Подготовка к гадостям!

Я не очень хорошо запомнил наш путь через лес. Все устали, все хотели есть, но надо было идти. Спустившись по склону, мы свернули в заросли там, где, как я подозревал, был самый короткий путь, и ступили под сень местной растительности.

Наши ноги утопали в гниющей прошлогодней листве, а за лодыжки нас покусывали возмущённые микроагрессоры, но мы упорно шли. Даже Сандра с Алёной старались не паниковать. Правда, одна из них тихо ругалась сквозь зубы, а вторая — молилась столь искренне, что я почти уже ждал божественного вмешательства.

Но тут мы наконец-то вывалились к промоине, по которой, бурля и грохоча, нёсся поток воды. Ещё полчаса мы продирались через заросли вдоль русла, пока не нашли относительно чистую и сухую полянку, заваленную валунами, на которой и устроились на привал.

Снова загорелись костры, снова стало тепло и уютно. Вода шумела поблизости, а мы, оперевшись спинами на камни, пытались отдохнуть.

— Едим, и спать! — решил Сочинец. — Дежури́м по часу примерно. В первой паре дежурит Дунай и Прокачун. Вторая пара — Ваню и Трибэ. Дунай, объясни им, когда будить Чема и меня. Потом всё повторяем.

— А мы? — удивилась Алёна.

— А вы с Сандрой пользуетесь походными женскими привилегиями! — ответил Сочинец с усмешкой, но потом сразу посерьёзnel. — Да, ещё один момент: никто не спит на камнях и без одеяла! Ваню, Трибэ, Дунай и дамы — идите собирайте всё, что подойдёт для подстилки и одеял. Рассчитываем на то, что двое дежурных спать не будут.

— Пошли!.. — первым поднялся я. — Быстрее соберём — быстрее отдохнём.

Наши попутчики тоже устраивались на ночлег. Но там дела с организацией обстояли не очень. Когда мы вернулись из леса с первыми охапками листьев, стеблей и веток, не спали только гопники, которые, увидев нас, сразу подхватили идею и ломанулись за дарами природы.

Идея с ветками была моя. Их надо было подстелить снизу, чтобы подстилка не касалась камня напрямую. Ветки были от тех же ёлочек, которые росли и у нас рядом с промоиной. Здесь они тоже обнаружили, заменив нам лапник.

А уже сверху мы кидали траву и листья, чтобы добавить мягкости и термоизоляции. Кроме того, они же служили нам одеялом. Лежанки мы расположили так, что любой пожарный инспектор от ужаса бы удавился. Ногами к костру, ещё и очень близко.

Зато можно было не опасаться, что во сне окочуришься от холода. А пожарный инспектор пускай идёт тем самым лесом, где мы набрали материалы для лежанок. Ночь обещала быть в меру холодной и ясной, так что пренебрегать утеплением никто не хотел.

Когда нужное количество постелей было организовано, все быстро перекусили и устроились спать. Казалось, я ещё не закрыл глаза, а мне уже снился какой-то странный и сумбурный сон...

Дневник Листова И.А.

День восьмой. День шопинга и тёмных делишек

Разбудил меня Дунай. И тут же перешёл к инструктажу:

— Ваню, ты в дозорах не стоял, потому правил не знаешь. Смотри, как бы ни было холодно — у костра не сидите! Там вы будете отличной мишенью. Отойдите в сторону и наблюдайте из темноты.

— Угу... — отозвался я, пытаюсь размять затёкшее и слегка замёрзшее тело.

— Смотри... Если глядеть отсюда, то через час примерно вторая луна — та, которая яркая — будет где-то между вершин во-о-он тех двойных деревьев! Тогда буди Сочинца.

— Понял... — кивнул я, стараясь не зевать.

— Ну всё... С Богом!

— Сладких снов! — снова кивнул я Дунаю, принявшись растирать уши.

Просто вспомнил, что в одной старой книжке («Жертвы жадности» или как-то так) главный герой яростно тёр уши, чтобы проснуться. Вдруг и мне поможет? Гениальная же книга, как мне тогда показалось!.. Всё по заветам седой старины!.. Вот она, мудрость предков!

Не помогло... Наверняка автор — какой-нибудь графоман, который ничего в обычной жизни не смыслит.

Гопники и культуристы крепко спали. Все до единого. Без дозорных. Культуристы дрыхли на камнях, а гопники на лежанках. Заставил их всё-таки Туз поступить по-умному... Вот только и у тех, и у других костры почти прогорели. Только угли и тлеи.

В наш я подбросил дров. А затем, переглянувшись с Трибэ, мы разошлись в разные стороны. Я устроился между двух валунов, наблюдая за окрестностями. Трибэ расположился где-то в другой стороне. Как предупредить друг друга об опасности, мы не договорились. Но я это понял, когда уже сидел на часах. И решил, что просто начну орать, если что.

Вахта прошла спокойно. К почти исчезнувшему ручью выходила пара каких-то животных. Но они так пугливо смотрели глазками на стебельках, что я сразу понял — это травоядные. Не хищники. Сами боятся больше, чем мы. А больше ничего интересного не случилось.

Правда, были ещё звуки... Вот они пугали прямо-таки до позывов опорожниться. Рычание, вой, крики, визги... Но к промоине в месте нашего лагеря местное зверьё не совало. Зато я впервые услышал и увидел местных птиц.

Птицы долго свистели в зарослях, а потом на фоне неба, усыпанного звёздами, пронеслось два треугольника с торчащими у основания лапками и хвостами, а у вершины — головами. Клювов не было. Ну или я их не разглядел.

А ещё я продрог до костей. Что и неудивительно: холод был собачий. Сложно было не стучать зубами, добавляя пугающих звуков в местную какофонию. Но я очень старался сохранять тишину. А ещё бдить, реагируя на каждое движение и отвлекаясь только на облака пара, вылетающие у меня изо рта. Всё-таки влажность в промоине была высоковата, несмотря на низкие температуры.

Через два часа мы с Трибэ разбудили Сочинца с Чемом, а сами заняли их места. Я почти сразу пригрелся под слоем травы и листьев, после чего мгновенно уснул...

...Чтобы снова проснуться, когда надо было сменить Дуная. К этому времени я и заново продрогнуть успел, и руки-ноги опять страшно затекли.

Боже! На какие только жертвы не идут люди ради хорошего шопинга!

Второе дежурство выдалось ещё более скучным. Над промоиной поднялся густой туман. Сидеть пришлось поближе к спящим, чтобы видеть весь лагерь. Но теперь даже поглядеть было не на что. Разве что на молочные клубы, медленно стекавшие в распадок.

Стало ещё холоднее. Первым не выдержал Трибэ. Он подошёл к костру, подкинул дров, постоял минут пять и снова ушёл в туман. Через несколько минут не выдержал уже я. И повторил его вылазку к костру. Запаса тепла хватило ненадолго. Так что мы с напарником по вахте ещё дважды ходили погреться.

Впрочем, если бы не холод, пробирающий до костей — не уверен, что смог бы держать глаза открытыми. Спать хотелось просто нестерпимо...

Зато последний час перед общим подъёмом я дрых сладко, бессовестно и без сновидений. А когда меня разбудили, чувствовал себя практически бодрым.

Чего не скажешь о наших попутчиках. Культуристы с Одиночкой больше напоминали призраков, восставших из могил. Шатались, светили синяками под глазами и тряслись, как в лихорадке. Впрочем, возможно, и не как... Мы им подкидывали дров в костёр, но тот снова затух ближе к утру.

Гопники были бодрее, но и они замёрзли. Им-то вообще никто дрова не подкладывал. Впрочем, эти товарищи только злости набрались, а им полезно перед дракой. Если она будет, конечно.

Быстро позавтракав, наша странная и устрашающая компания выдвинулась к Алтарю. Шли в тумане. Он был уже не такой густой, но всё ещё висел над землёй. Правда, чем выше мы поднимались, тем меньше оставалось скрывающей нас пелены.

Через некоторое время промоина сузилась до едва заметной тропки, а лес начал смыкаться вокруг. К счастью, идти по нему пришлось недалеко — метров двести. И мы даже не заблудились, вскоре уткнувшись в невысокий обрыв.

Если пойти вдоль обрыва налево, можно было выбраться на склон с капсулами. А вот если идти вдоль обрыва направо, то, как я запомнил, он становился ниже. А дальше лесом можно было подобраться прямо к Алтарю.

Если я правильно запомнил. Всё-таки тогда пейзаж интересовал меня не так сильно. К счастью, память не подвела. Полчаса ходу, и мы, прячась в густом подлеске, оказались напротив Алтаря.

Ну что могу сказать...

Алтарь представлял собой белый цилиндр, примерно шесть метров в диаметре и четыре метра в высоту. По его верхнему краю в небо устремлялись восемь белых кривых рогов. Что это и зачем? Ни малейшего понятия...

Как работать с Алтарём, я тоже не знал.

А вот то, что рядом горел костёр и сидело четверо мужиков — отлично разглядел. Выставили всё-таки часовых, козлы! Так хотелось обойтись без драки, но, видно, не судьба. Сочинец сумел как-то заставить всех наших ждать, не рыпаясь раньше времени. И вскоре часовых сменили сонные товарищи, вооружённые копьями и дубинами.

Они зыркали по сторонам, прохаживались... Но продержались всего минут двадцать. А потом принялись клевать носами. За это время мы успели обвешать гопников и Сочинца с Дунаем листвой и травой так, чтобы не видны были белые трико.

И вскоре диверсанты двинулись к Алтарю чуть ли не ползком. Я застал момент, когда, вынырнув из темноты, они приложили часовых по затылкам. Старались не калечить, но тут уж как пойдёт — если проломил кому череп, то, видно, судьба такая.

Тут же в сторону Алтаря выдвинулась оставшаяся часть отряда, с вьюнами и пучками травы наготове. Часовые были быстро связаны, а рты им забили травой.

И вот уже Ника подошла к Алтарю и положила на него руку.

— Есть список доступных товаров! — сообщила она. — Три больших категории: постоянные, временные и уникальные. А ещё есть строка поиска.

— Что в уникальных? — подобравшись, спросил Дунай.

— Всего пять позиций, — ответила девушка. — Какая-то турбина. Какая-то плата, какой-то механизм... Слушайте, это всё нам пока не нужно!

— Ты права, — согласился Сочинец. — Выбирай, что хотела... Времени мало. Дунай, ты следующий, а потом следи за подступами.

Мы не знали, сколько длится вахта у жителей капсул. Час? Два? Если час — можем и не успеть. Если два — всё равно некогда рассусоливать.

А ведь столько всего нужно было купить!

Ко всеобщей радости, Ника справилась быстро. Не прошло и минуты, как из белого цилиндра выдвинулась платформа, на которой лежал красноватый (видимо, медный) нож, четыре десятка дневных рационов и три больших рюкзака.

— Договорились же! — разочарованно прошипел Сочинец. — Брать инструменты!..

— Нам нужна еда, — развела руками Ника. — А в следующий раз всё будем брать, как договаривались...

Когда к Алтарю подошёл Дунай, рядом встал Чем, который перечислял позиции из запланированного «списка покупок». А затем, видимо, баллы у военного начали заканчиваться, и он поднял руку, чтобы показать: достаточно.

А потом ещё немного подождал, и вскоре из цилиндра выдвинулась белая платформа с заказом.

Первое, что бросилось в глаза — рюкзак. Я чуть не взвыл от досады!.. Зачем мы плели эти грёбаные авоськи, а?! Чтобы тратить драгоценные баллы на рюкзаки?

— Да не могу я с ней ходить!.. — ответил Дунай на вопросительный взгляд Сочинца, сгребая всё заказанное в рюкзак. — Все плечи натёр...

Никто не удержался от этого дерьма. Никто! Даже наши набрали кучу всякого ширпотреба, который могли и сами сделать. Обувь типа кроссовок, какие-то шмотки, которые быстро придут в негодность... Кто-то покупал нож, кто-то — пайки...

Я брал чётко по списку. Подошёл к Алтарю, коснулся его, и перед глазами появилась надпись:

Желаете начать процесс вознаграждения усилий?

Я мысленно подтвердил и увидел список. Как и говорила Ника, в нём было три раздела. В уникальные я даже не полез: там пока нечего было делать. Забрался в постоянные и бегом пробежался по тому, что продавалось...

Постоянных позиций оказалось много. Шли они сплошным списком, и разобраться сразу во всём было невозможно. К счастью, к товарам прилагались изображения, которые раскрывались, если задержать на них взгляд.

Первым делом я отыскал глазами оружие. Что ещё может волновать настоящего индейца, когда за ним идёт охота? Взгляд зацепился за позицию «винтовка однозарядная под патрон»...

Что могу сказать? Репликационная медицинская капсула — это покупка экономкласса. Винтовка обошлась бы мне тысяч в сто баллов. А каждый патрон встал бы ещё в сотню. Кстати, винтовка хоть и казалась похожей на земные, но я таких не припомню. Очень простая, без наворотов. Просто винтовка.

А вообще всё оружие в списке было унифицировано. Медный нож стоимостью

пятьдесят баллов был только одной формы и размера. Причём указывалось, что если положить ресурсы на Алтарь Вознаграждения — цена снизится.

Были и каменные изделия. Каменный нож с деревянной рукоятью, обтянутой кожей, стоил десять баллов. В отличие от моих поделок, этот был ровно отшлифован и заточен. Ох, сейчас бы здесь покопаться!.. Но я и так уже потратил пять драгоценных секунд на изучение списка. Пришлось побыстрее закругляться.

— Давай... — сказал я Чему, и тот принялся диктовать.

Иглы: лучше костяные или медные. Штук сто. Поиск выдал нужные позиции, которые я мысленно повторял за Чемом. Иглы и по одной продавались, но это было невыгодно. Взял медные в кожаном чехле. Десять штук в наборе. Итого десять наборов за сто баллов.

Котёл, большой. Лучше металлический. Котёл был представлен в семи вариациях — глиняный, каменный, медный, бронзовый, чугунный, стальной (нержавейка), алюминиевый. Варианты типоразмеров — по пять штук. Последние три откинул сразу: там цены начинались от тысячи и упорно стремились выше. Ещё секунду смотрел на бронзовый, но тот стоил почти пять сотен. Такой же медный обошёлся бы в сто пятьдесят. Дешевле всего оказался глиняный, но он был хрупким. А каменный стоил дороже медного. К тому же, очень много весил. Я взял медный.

Дальше пошли медные ножницы за восемьдесят пять баллов. Четыре костяных гребня за двенадцать баллов (это ещё зачем? для работы?). Варианты нитей, из которых я выбрал большой моток прочной, толстой и бесцветной — за семьдесят баллов. Девять килограммов, пять километров. Хватит надолго. Надеюсь, они не для вышивания крестиком нужны.

Я поднял руку, показывая, что мне хватит. Мог бы спустить ещё баллов сто, но вес... Один котелок весил пятнадцать кило — и кто всё это будет тащить?! Мне ещё себе инструменты заказывать, а в списке хватало нужных.

Ручное сверло по дереву, медное... Прощайте, сто баллов! Сверло по камню, бронзовое. Прощайте, триста баллов! Молоток, медный: восемьдесят баллов. Шлифовальный камень плоский — ещё пятьдесят баллов. Долото, бронза — тридцать баллов.

Набор лечебных нанороботов...

Я просто хотел узнать стоимость. У меня оставалось всего сто тридцать шесть баллов...

Пятьдесят баллов за штуку! Да! Нет! Да, но...

В общем, я взял сразу два, оставив себе несчастные тридцать шесть баллов. И плевать, что наборы одноразовые. Они — шанс выкарабкаться, если придётся туго.

Судя по описанию, нанороботы лечат всё. Фактически за месяц способны восстановить организм до приемлемого состояния. А дальше уж сам следи. Руки-ноги отращивают, да и внутренние органы оздоравливают. Воздействуют комплексно на весь организм. Вот только не смогут они ничего сделать, если при этом нормально не питаться. В общем, нанороботы не были панацеей от всех бед. Лишь шансом...

А ещё выяснилось, что низкая цена была временной. Как говорило описание, каждые двадцать дней лечебный набор будет становиться дороже и дороже. Несильно, но всё-таки. В общем, это был маленький подарок нам, несовершенным кожаным мешкам с мясом и костями...

Крохотный шанс на жизнь.

И я приобрёл два таких.

Когда мой заказ выехал, у стоящих вокруг глаза на лоб полезли. А я споро накидал всё в котёл и, кряхтя от натуги, потащил его в сторону, где уже стояла большая часть нашего

отряда.

Остались только Чемодан и Сочинец.

Последний, пожалуй, был единственным, кто мог сравниться со мной размерами набранного. Мы принялись спешно переключать все покупки по авоськам. Мелочь, которую можно было потерять, отправилась в котёл. А тот вызвались нести Алёна и Сандра. Они держали его за ручки, а для подстраховки накинули себе на плечи лямки из вьюна. Не надорвались бы! Если что, заберём и сами потащим...

Самое тяжёлое приобретение. Но и самое нужное. У нас не было другой тары, куда можно наливать много воды.

Пока мы всё переключали, гопники тоже успели прибарахлиться. Что они там покупали, я не смотрел. Да и никто не смотрел. Все были заняты своими делами, и веры уже никому не было. Исключительно по делу брали только я и Сочинец. Он, кстати, тоже купил два лечебных набора.

Ну, как минимум, гопники взяли два длинных туристических рюкзака. Туда они рассовали большую часть покупок, а затем навесили груз на своих девушек, которые разве что не кряхтели от тяжести. Шопперы, забитые пищевыми пайками, подрядили нести Мелкого. Тот и в самом деле был невысоким, но плотным. Так что две тяжелых авоськи вполне тянул.

Мы уже готовились уходить, отозвав Дуная с поста. И именно в этот момент пришли сменщики часовых...

Ещё бы несколько минут, и нам бы удалось уйти тихо. Оглушённые часовые по-прежнему пребывали в отключке. Пока сменщики привели бы их в чувство, пока всё выяснили бы — мы были бы уже далеко...

Но... Не повезло. Ну или мы потратили слишком много времени: кто-то — натягивая штаны, кроссовки и прочую одежду, а кто-то — раскладывая вещи и навешивая их на носильщиков. Точнее, это не мы были, а наши «закадычные» спутники.

Наш-то отряд уже отошёл на опушку.

Новые часовые оказались не дураками. Их было всего четверо, поэтому в драку они не полезли. И просто рванули в посёлок, сверкая пятками и по пути поднимая шум.

— Уходим! — крикнул спутникам Сочинец.

А затем со всех ног рванул в сторону промоины, уводя за собой наш отряд.

Уже пробегая вдоль обрыва, я заметил, что Ника и её спутники стараются не отставать. Еле успевают, но бегут за нами. Качку Ване, правда, тяжело приходилось — он начал свой забег, не успев натянуть вторую штанину. И теперь бежал, цепляясь новыми «трениками» за все камни и неровности на земле. Через пару минут он, правда, улучил несколько секунд, чтобы всё-таки натянуть штаны на законное место.

А вот гопников видно не было. Но в тот момент я подумал, что невелика потеря. Отстанут — сами виноваты. Тем не менее, когда мы уже бежали вниз по склону, Туз со своими прихлебателями начал нас догонять.

Теперь один из туристических рюкзаков тащили Вика и Мелкий, а второй — Борис с Натой. Сразу и причина задержки стала ясна: не потянули девушки тяжёлый груз. Вот и пришлось гопникам вес перераспределять.

Погоня появилась, когда мы уже бежали в распадке к своей промоине. Похоже, наши соседи всем скопом ломанулись бить морды любителям шопинга. Но, видимо, не сразу поняли, куда эти наглецы — мы, то есть — скрылись.

И только когда наши наглые морды, выскочив из леса, кинулись к своему обрыву, нас заметили. Да и то лишь потому, что рассвет начался, предательски подсветив местность.

Фора у нас была километра в два. И мы собирались ей воспользоваться по полной. Надо было добраться до родных капсул, сбросить груз — а потом встретить недругов так, как они встречали нас. То есть, всем вместе и во всеоружии.

Не знаю, правда, что другие по этому поводу думали... На разговоры-то времени не было: мы бежали, как могли, и остро надеялись, что дыхания на этот марафон хватит. А ещё, что никто из нас ноги не переломает на пересечённой местности.

Пересекли тёмный распадок, вбежали в промоину и начали подъём. Соседи тоже не прекращали преследование. И расстояние между нами постоянно сокращалось. По всему выходило, что нагонят нас раньше, чем реализуется мой план...

Однако мир вокруг нас жил по своим правилам. И эти правила никак не учитывали мелкие человеческие разборки. Ручеёк под ногами окреп, набрался силы и чем дальше — тем более бурным становился. Мы-то из теснины внизу промоины выбраться успели, уходя в сторону от бурлящего потока...

А вот постепенно стихающие крики преследователей намекали на то, что им не так повезло. И за нами не успели, и из теснины в сторону своих капсул не смогли удрать. Когда мы поднялись достаточно, чтобы подойти к краю обрыва — все, даже гопники Туза, не сговариваясь, пошли смотреть.

Распадок превратился в озеро. Мутная вода, наполненная мусором, собранным в горах, медленно несла свои воды куда-то на запад. Распластав руки и ноги, как морская звезда, вдали плыл труп одного из соседей.

— Нехрен таким жадными быть! — прокомментировал Туз, опираясь на какое-то копьё. — Сами виноваты...

Сочинец нехорошо глянул на него, но ничего не сказал. И только в этот момент я наконец-то осознал, что трое гопников действительно держат в руках копьё. С медными наконечниками. Выходит, они ограбили оглушённых часовых и забрали их оружие...

Отряд, по-прежнему разделённый на три группы, двинулся назад. Впереди опять шли мы, за нами — Туз и гопники, а за ними — Ника с двумя товарищами.

День восьмой только начался, а впечатлений уже было выше крыши...

Глава 21. Чересчур разочарованная

Дневник Листова И.А.

День восьмой. Разбор полётов и сбор ресурсов.

— Разочарован? — спросил я, пристраиваясь рядом с задумчивым Сочинцем.

— Есть немного... — согласился тот. — Всё-таки столько договорённостей было, а у Алтаря все на них болт положили. Сразу же. Один ты выполнил почти полностью.

— Если «почти» — это про лечебные наборы, то не согласен! — улыбнулся я. — Это тоже, можно сказать, инструмент!.. Давно их хотел купить, а тут даже баллов хватило...

— Ну ладно... Тогда, считай, выполнил полностью! — усмехнулся Сочинец. — Я тоже парочку взял. Но остальные... Даже Дунай умудрился взять готовую продукцию. Обидно же!

— Знаешь... Я тут понял, что никогда нельзя доверять на сто процентов словам других колонистов, — заметил я неожиданно для самого себя.

— Да? — удивился Сочинец.

— Да... Особенно не верь тем словам, которыми они выражают согласие с твоей точкой зрения! — с важным видом кивнул я. — Согласятся и сделают всё по-своему.

— Почему ты так решил? — удивился Сочинец.

— Потому что я и сам-то себе не очень верю! — признался я. — Я же, понимаешь, всегда в голове держу: если что случится — надо бежать. Вон, даже обещал себе, что если наберу сто баллов развития, то буду держать их на случай такого бегства. И знаешь что?

— Что? — Сочинец посмотрел на меня.

— Спустил их на лечебные наборы! — признался я. — Получается, сам себя обманул... И как я могу после этого другим-то верить? Они ведь тоже пытаются выжить. Также какие-то планы строят...

— Знаешь, чего я больше всего не понимаю? Зачем они наплевали на собственные обещания? — покачал головой военный. — Не давали бы их тогда... Мы бы и не рассчитывали. Ника и Маша обещали взять полный набор для шитья. А в итоге ты набирал все эти принадлежности...

— Ну знаешь... Возможно, они посчитали это дурью. Или нас дураками. А с дураками обычно не спорят! — я почувствовал какой-то творческий зуд у себя в голове. — Мы из них тогда, получается, эти обещания выбили. А таким обещаниям — грош цена. Они согласились только для того, чтобы мы выполнили свою часть соглашения. И чтобы не спорить с нами. А потом поступили так, как посчитали нужным. И нам стоило бы поступать так же.

— Экий ты пессимист!.. — Сочинец, кажется, даже восхитился тем, что я сказал.

Впрочем, я тоже восхитился тем, что только что ему наплёл для успокоения. Более того, я понял, что вывел третье правило успешного и живого колониста!..

Правило № 3 успешного и живого колониста неизученных планет (версия первая, неотредактированная, выведенная колонистом Ваню после немалого разочарования в людях).

Не верь другим колонистам! Никогда не доверяй их словам на все 100 % — никогда! Особенно не верь словам, которыми они выражают согласие с твоей ценной и весьма разумной точкой зрения!

Потому что на словах они согласятся с этой ценной и разумной точкой зрения, но, если

она будет мешать их собственному благополучию, посчитают блажью дурака. А с дураками спорить не надо — надо соглашаться. Когда придёт час — они поступят так, как посчитают нужным, не считаясь с данными ранее обещаниями.

— Себе не верить, другим не верить... Ваню, ну а кому тогда верить? Получается, никаким обещаниям доверять нельзя!.. — Сочинец расстроено поджал губы.

— Нет, вот тут ты не прав! — сразу спохватился я. — Я вовсе не говорил, что все обещания обязательно будут нарушены. Понимаешь? Просто каждый из нас — тех, кто тут выживает — готов соврать, если это будет ради собственного выживания. И самим себе тоже соврём, чтобы казаться другим убедительнее!

— Грустно это...

— Нет, это нормально. К сожалению... В условиях дефицита мы не можем позволить себе выполнять те обещания, которые доставляют много неудобств! — не согласился я. — Вот обещал я на Земле батю учиться хорошо в институте. Снаружи — соблазны, внутри — лень и разочарование в учёбе, а мир всюду захватывают роботы и нейросеть. Но там у меня было всё... И там я выполнил это обещание. Потому что от него не зависела моя жизнь. А отца не хотелось разочаровать. Ну а здесь я не могу себе такого позволить. Любой дискомфорт, любая ошибка будут стоить жизни, понимаешь? И все мы это в глубине души осознаём!..

— Ну так это... Тогда надо не давать обещаний, которые не можешь выполнить! — пожал плечами Сочинец.

— Слушай, у вас, силовиков, многое строится по системе «ты — мне, я — тебе». Остальной мир живёт по системе «ты — мне, я — доволен». Утеряна эта культура взаимозависимости... А ещё утеряна культура на хрен слать с тем, что не сможешь сделать. Вот как ты думаешь, есть слово сложнее «превысокомногорассмотрительствующий»?

— Ты его долго учил? — удивлённо вытаращив глаза, уставился на меня Сочинец.

— Не... Не очень! — отмахнулся я. — Это просто самое длинное слово в русском языке. В других языках и позаковыристее имеются.

— Ну ладно. Раз самое длинное... Думаю, если и есть слова сложнее, то немного, — кивнул Сочинец.

— Это ты потому так ответил, что вопроса не услышал! — я ухмыльнулся. — Я спросил, есть ли слово сложнее, а не длиннее. И да, оно есть. Это слово «нет».

— Три буквы...

— И полная неспособность их сказать! Причём, у очень многих людей, — кивнул я. — Почему-то многие предпочитают говорить «да». А потом просто «не» делать!..

— Две буквы в «да». И две буквы в частице «не», — задумчиво кивнул Сочинец. — Ты прав: эти слова сказать легче.

— В общем, не проси у людей тех обещаний, которые они нарушат! — кивнул я. — Скажут «да» и «не» выполнят. Потому что вот это их «да» — на самом деле, «нет».

— О! Прямо как у женщин! — восхитился военный.

— Да... Мы, люди, такие! — кивнул я.

— Но вообще я не только из-за этого злюсь... — признался Сочинец. — Хотя ты прав: этот момент меня тоже расстроил. Но копьё у Туза расстроило больше...

— Ну копьё и копьё... Я жалею, что мы сами их не додумались у часовых отобрать! — нехотя признался я.

— Об этом и я жалею, — с серьёзным лицом кивнул Сочинец. — Надо было забрать оружие...

— Тогда в чём проблема? Вряд ли ты из-за копий такой хмурый сидишь! — удивился я.

— Проблема в том, что на меди были красно-коричневые разводы... — пояснил военный. — Не заметил их?

— Н-нет... — признался я, но в душе поселилось гадкое такое чувство большой ошибки.

— Я всё понять не мог... Чего Туз задержался? Почему за нами так упорно гнались? Ну согласись: оглушили мы ребят у Алтаря, но они были живы, — заметил Сочинец. — Я специально проверял. Когда ты лечебные наборы вытащил, так и вовсе успокоился. Даже если серьёзно голову повредили, их вытянут. А тут будто с цепи сорвались... Гнались за нами, как будто мы не к Алтарю проникли, часовых оглушили и грабанули, а будто...

— А будто убили кого-то... — дошло, наконец, до меня.

— Именно! — кивнул Сочинец. — И нестёртые до конца разводы на меди — это кровь. Она была, как минимум, на двух копьях. Туз и один из его подельников убили часовых, Ваню... Убили, пока они были в отключке...

— Вот урод...

— Не просто урод, — поправил меня Сочинец. — А урод, который крови отведал. Нельзя было их оставлять без присмотра. Никак нельзя... А мы побежали и дали им этот говняный шанс. Так что... Ещё ночью мы могли научиться мирно сосуществовать. Тяжело, но могли. Сейчас, когда группа Туза повязана убийством, когда сам Туз и Борис, как минимум, отведали чужой крови...

— Ля... Новости — говно! — не сдержался я. — Когда, думаешь, нападут?

— Да в любой момент могут... — поморщился Сочинец. — А мы не можем. Повода нет. Мы же вроде как хорошие!.. Репутацию свою блюдём. И группу поддерживаем всю, а не только нашу фракцию.

— Так, может?.. — предложил я. — Или больше потеряем?

— Больше потеряем, — вздохнув, признался Сочинец. — Сейчас, если Туз никого больше не подпишет на нападение, мы ещё можем объединить остальных. А если нападём сами — тогда всё. Ни Роман, ни Маша с Никой нам никогда не поверят.

— Но если будем ждать, они могут убить кого-то! — заметил я. — Они же не совсем придурки, чтоб в лоб атаковать.

— Поэтому сейчас людей соберём, и буду разъяснять политику партии, — согласился Сочинец. — Что нельзя ходить по отдельности. Только группами. Что надо...

— Я пока похожу по отдельности... До лесу! — неожиданно решил я. — Пока ты ещё ничего не сказал.

— Вань, ну... И ты, Брут? — уставился на меня Сочинец.

— Сейчас все разбирают покупки и отдыхают после забега, — я покачал головой. — Значит, есть маленькое окно, а я хочу местные растения проверить и набрать то, что нужно.

— Ладно... Тогда иди сразу! — решил Сочинец. — Собрание через час-два. И возьми с собой кого-нибудь для подстраховки...

И я пошёл. Со мной вызвалась прогуляться Кострома. Она, как оказалось, совмещала полезное с любопытством: выпытывала по пути, что у нас всё-таки с соседями случилось. Я не стал скрывать. Наверняка Сочинец и сам подробности расскажет.

А в лес я шёл не просто так, а с пустой бутылкой из-под воды. Вот только искал не воду. Я собирался найти какую-нибудь смолу. Её ведь несложно определить. Смола, как я её

представляю, должна быть густой, тягучей и клейкой. Когда высохнет, будет дополнительно держать места крепления. А это нужно было и для оружия, и для каменных инструментов.

Она была нужна ещё вчера. Однако вчера я не был готов к подобным изысканиям. А сегодня у меня не оставалось выбора... Топор, который в самый неожиданный момент сломается — это, прямо скажем, плохой топор. Да и защита была нужна. Вот прямо кровь из носу.

По поводу защиты идея зрела давно. Её-то я и обдумывал, попутно отвечая на вопросы Костромы. И у меня даже получилось одновременно говорить и думать, причём на разные темы. А вот раньше такое не прокатывало. Видимо, мозг в предчувствии большого шухера мобилизовал ресурсы.

— Знаешь, ты прав... Не стоило нам давить с этим твоим решением! — сказала Кострома, когда удовлетворила своё любопытство, а я пробивал кору очередного растения, периодически стряхивая с ног насекомых. — Ты бы отлично всё показал на личном примере. А насчёт гопников Туза... Чего-то такого я и ожидала. Туз — урод, но ловко других под себя подгоняет. Таких надо сразу убивать, но я в первую встречу что-то не распознала его... Старею, видимо.

— Тебе в первую встречу не до того было! — успокоил её я. — Вы у костра толкались, лишь бы с холоду не помереть! Ну и не можешь ты всякого, кто тебе подозрителен, убивать сразу. Даже если твоя чуйка завопит, как сирена... О-па!..

Гриб. Это был гриб. Ну или что-то похожее. С большой шляпкой. И приземистый, всего-то мне по пояс. Я его и ткнул-то больше для проформы: уже собирался мимо пройти.

И тут из гриба потекло что-то густое, белое, вонючее...

— Резиной запахло! — удивлённо поморщилась Кострома.

А вот я в запахе сока не чувствовал никакой резины. Приторно-сладкий, но ни разу не химический. С другой стороны, воняло так сильно, что и обонятельные галлюцинации исключать нельзя.

— Это немного не то, на что я рассчитывал... — заметил я, останавливаясь и возвращаясь к грибу.

Озарение посетило меня в тот момент, когда я увидел выступивший из разреза молочный сок.

— А на что ты рассчитывал? — уточнила Кострома.

— На натуральный дёготь или смолу хвои... На что-то подобное! — признался я.

— А что получил?

— Белый тягучий сок. И воняет, как ты говоришь, резиной... — я склонился над грибом и внимательно его осмотрел, обнаружив серые подтёки чуть ниже.

Потыкал в них пальцем.

Пружинят.

— Ну!.. — поторопила меня Кострома.

— Это каучук! — вынес вердикт я. — Гриб с каучуком... Надо же.

— Это хорошо?

— Резина, которая выдержит перепады температуры от минус пятидесяти до плюс пятидесяти — это хорошо? — ответил я вопросом на вопрос. — Ну или что-то вроде того... Я ведь не химик, точно не помню.

— Можно сделать сапоги? — деловито уточнила Кострома.

— Ага... Ноги обмазать и над костром подержать! — кивнул я. — Минут за двадцать

получишь сапожки, чтобы по лесу ходить. Не очень долговечные, правда...

— Да ты ж наш умничка! — обрадовалась девушка. — Пошли за котлом!

— Давай чуть снизим накал энтузиазма... И пока наберём хотя бы в бутылку! — предложил я.

— Ладно... — расстроилась Кострома, явно лелеявшая планы переобуть нас всех если не по армейскому образцу, то близко к тому.

— Не расстраивайся! Если я прав, то мы этот гриб весь используем, — ответил я, начиная обрезать горлышко бутылки.

— Не жалко тебе? — спросила Кострома.

— Это трофейная! — ответил я. — Жалко, конечно, но не так чтобы сильно. А вытянуть через узкое горлышко застывший сок будет нереально.

Впрочем, я не собирался позволить ему застыть без дела... Топор и копьё надо было срочно укрепить. И, сделав несколько надрезов на грибе — так, чтобы сок из них стекал в подставленную бутылку — я снова двинулся в путь. А Кострома за мной.

— Что ты теперь ищешь? — спросила она через некоторое время.

— Трубки, из которых мы делаем древки для копий. Или что-то вроде того. Только чтобы не тонкие были, а широкие! — пояснил я.

— А зачем? — поинтересовалась Кострома.

Я на пару секунд задумался над вопросом, стоит ли раскрывать ей свой план... Но потом решил, что ничего плохого из этого не выйдет.

— У гопников есть медные копья. А медь — мягкий материал, — пояснил я. — Хочу сделать что-то вроде доспеха, который прикроет мне руки, спину и грудь. Хотя что-то...

— По-моему, это лишнее. Настоящий доспех — это твои боевые умения! — доверительно сообщила мне Кострома.

— И сколько в тебя вбивали такие умения? — подняв бровь, спросил я.

— Год подготовки. А потом совершенствовалась на месте... — пожала она плечами.

— Ну и где мой год подготовки? — не отставал я.

— Ну...

— Вот тебе и «ну»! Нету у меня года... — расстроено пояснил я. — И даже недели нет. И вообще времени нет. А тут чего только не растёт! Должно же что-то найтись!..

Однако меня ждал жестокий облом. Ничего не нашлось. Только на одном растении имелись какие-то твёрдые плоские наросты, но их ещё надо было соединить так, чтобы не пропускали удар. Да я бы и на шляпки зонтика согласился, из которых щиты делали... Но единственный найденный экземпляр этого растения мы уже подчистую обобрали.

Пришлось собирать эти растительные наросты. Я не терял надежды соединить их во что-то стоящее. Плохо тут с деревьями и толстой корой, очень плохо...

А вот гриб с каучуком меня порадовал. За два часа набралась половина бутылки. То есть, примерно четверть литра.

Может, и немного, но чтобы обмазать оружие, хватит. Конечно, я понимал, что это не идеальное решение, а значит, надо искать дальше. Вот только времени на поиски не осталось. Мы с Костромой и так успели ровно к началу собрания.

И тут уже Сочинец обрушился на нас с настоящей критикой. Точнее, на всех, кроме меня. Потому что я тут ни при чём, если что. Сижу, никого не трогаю: топор и копьё починаю у костра. Ну или собираюсь, а пока проверяю, как будет выглядеть натуральный каучук в засохшем виде...

Наверно, всю речь Сочинца нет смысла пересказывать. Ну и ответные «реплики из зала» я смело пропущу: ничего интересного, знаете ли.

Конечно, в итоге все обещали ходить большими вооружёнными группами. Однако качество этих обещаний было не выше тех, о которых говорится в третьем правиле колониста. В общем, никто не будет их на сто процентов выполнять.

Конечно, наши соратники покаяться перед Сочинцем за то, что понабрали личных вещей и готовой продукции. Однако качество этого раскаяния было не лучше обещаний. Все делали вид и были себе на уме. И, конечно же, каждый рассчитывал снова, как получим доступ к Алтарю, набрать полезного для себя любимого.

И, конечно же, Сочинец это понимал. Не мог не понимать после нашего разговора. Однако сделал вид, что поверил и обещаниям, и раскаянию. А что ему ещё оставалось? Всех не заставишь сразу строем ходить. На это нужно время. А времени у нас как раз не было.

Собственно, собрание прервалось в тот момент, когда Дунай, следивший за окрестностями, сделал знак, что к нам идут. И я даже почти не удивился, когда увидел гостей: Туза с прихлебателями, да Машу с Никой и их «качковую» свиту. А ещё Романа, который больше никого с собой не прихватил.

— Вечер в хату! — торжественно провозгласил Туз.

— День только наступил! — отрезал Сочинец. — До вечера ещё далеко.

— Да это выражение такое! — отмахнулся Туз. — Ты же вечером говоришь «добрый день», вот и тут...

— Ты давай, ближе к делу. Чего пришли? — прервал его военный.

Мы все сидели там же, где и во время собрания. И молча смотрели на гостей.

— Ну... Мы все общественных вещей набрали! — заметил Туз. — Ну и пришли за своей долей. Вот, Маня грит, ей бы иголки с ниткой!..

— Вот ты молодец! — обрадовалась Кострома, гибкой пантерой поднявшись со своего места. — А вы, небось, купили бутылки и горшки, о которых вас Сочинец просил? Так ведь?

— Что? — не понял Туз.

— Что «что»? Принесли нашу долю? — ласково спросила Кострома.

— Слушайте, мы не такие богатые, как вы! — вмешался дотоле молчавший Роман. — Мы не всё смогли взять, о чём договаривались: баллов не хватило!..

— Не всё?! Мать твою, да вы ни хрена не взяли из того, о чём договаривались! — зашипела Кострома. — Вы набрали себе шмоток, жратвы, ножииков всяких... Ни балла в общее дело не вложили! А теперь пришли за «своей долей»?! Валите к бабуям отсюда!

— Слышь, ты полегче! — обиделся Туз.

— Ты сам полегче! — посоветовал Дунай, подходя ближе.

Я тоже решил не отсиживаться. Намечалась драка. А значит, отсиживаться было как-то стыдно, что ли... Хотя, конечно же, я готов был бежать! В любой момент!

Но всё произошло слишком быстро.

Я только начал подниматься, как Туз, скривив лицо и крикнув что-то в духе: «Заткнись, бешеная сука!» — ткнул в сторону Костромы копьём. А Борис и Илай навели трофейные копы на Дуная и Сочинца, которые стояли ближе всего к ним.

И тут у Костромы внутри будто бомба взорвалась...

Я так и не понял, каким образом копьё Туза переключало ей в руки, а сам он оказался на земле, держась за кокушки и подвывая... Это случилось слишком быстро для моего восприятия. Одно смазанное движение — и результат...

Но вот как лишились копий оставшиеся два гопника, я заметить успел... К Костроме они стояли боком, уделяя внимание мужикам, а не хрупкой на вид девушке. Поэтому даже не успели развернуться, когда им обоим по рукам прилетело тяжёлым деревянным древком, которое грозно прогудело, рассекая воздух.

Удар пришёлся по кистям, сжимавшим оружие. И оказался он таким сильным, что шансов не разжать руки у гопников не было. Под крик Маши: «Прекратите уже!» два копьё полетели на землю.

И немедленно были подхвачены Сочинцем и Дунаем.

А Кострома, как грозная Валькирия, опёрлась на третье копьё, поставив ногу на воющего от обиды и боли Туза. После чего оглядела гостей и громко повторила:

— Когда я говорю: «Валите!» — вы валите. Когда я говорю: «Заткнулись» — вы затыкаетесь.

— Мы поняли... Всё! Хватит ссор! — сразу же вмешалась Маша. — Отдай им их копьё, и мы уходим!..

— Разве, мать твою, я сказала: «Идите сюда за своими приبلудами»? — воскликнула Кострома. — Разве я сказала: «Маша, можно вякать херню»? Нет! Я сказала: «Валите отсюда к бабуям!». Так какого хрена вы ещё здесь, ушлёпки?!

— Оружие... — попытался попросить Борис.

И еле увернулся от прогудевшего в воздухе древка копьё.

— Сука, я за себя больше не отвечаю! — взвилась Кострома. — Ещё один «вяк» про копьё, и я его верну остриём в живот!..

И тут я понял, что нахожусь в очень неудобной позе... Я не встал, но и не сижу. Так и застыл, как какающий мальчик. Поэтому пришлось выбирать, что делать. То ли сесть, то ли встать, то ли уже свои делишки сделать. Благо, повод обосраться имелся...

Я решил встать.

— И козырь свой заберите! — Кострома сняла ногу с Туза, а затем от души отвесила ему в живот.

Гости всё ещё растерянно переглядывались. А наша валькирия уже как ни в чём не бывало вернулась на своё место. И заговорщицки подмигнула мне.

— Я же говорила, броня — не лучшая защита!.. — прошептала она.

— Ну, чего стоите? — спросил Сочинец, которого маленькое шоу Костромы, похоже, ни разу не удивило. — Взяли Туза и ножками отсюда — топ-топ!

И наши незваные гости ушли.

Плохо так ушли... По пути они оглядывались и бросали на нас злобные взгляды. И, тем не менее, не проронили больше не слова.

Итак... Конфликт созрел и вышел на финишную прямую. А у бедного-несчастливого Ванс по-прежнему был только топор да копьё.

И что ему прикажете делать? Иголкой из швейного набора защищаться?

Правило № 3 успешного и живого колониста неизученных планет (отредактированная версия с уточнениями и следствиями).

Не верь другим колонистам! Никогда не доверяй их словам на все 100 % — ни-ког-да! Особенно не верь словам, которыми они выражают согласие с твоей ценной и весьма разумной точкой зрения, которая им не нравится!

Потому что на словах они согласятся с этой ценной и разумной точкой зрения, но, если

она будет мешать их собственному благополучию (или противоречить их ценной и разумной точке зрения), её посчитают блажью дурака. А с дураками спорить не надо — надо соглашаться.

И, когда придёт час, они поступят так, как посчитают нужным, не считаясь с данными ранее обещаниями.

Уточнение № 1 к правилу № 3 успешного и живого колониста неизученных планет.

Успешный и живой колонист поступает так, как того требует выживание. А потому — не верь, в первую очередь, собственным обещаниям, какими бы разумными они ни казались в момент, когда ты их даёшь. И тогда не будешь сам собой обманут.

Следствие № 1 из правила № 3 успешного и живого колониста неизученных планет.

Все колонисты врут и нарушают обещания. Однако это не означает, что любое обещание будет нарушено.

Чем больше обещание соответствует задаче выжить, и чем меньше оно мешает выполнению правила № 1, тем больше шансов, что на него не положат болт.

Глава 22. Чересчур гигантские

Дневник Листова И.А.

День восьмой. Много суеты из ничего для ничего, а ещё вопрос горчичного зерна и гор.

— Вот так вот... — Сочинец вернулся на валун, который занимал во время собрания, и оглядел присутствующих. — Если кто-то думает, что теперь можно ходить в гордом одиночестве, то зря... Всё ещё нельзя.

— Но они же теперь без оружия! — возразила Пика.

— Если вырвать клык у бешеной собаки, у неё останутся другие зубы! — негромко, но веско напомнила Кострома. — А то, что они собаки бешеные — надеюсь, теперь каждому наглядно видно.

— Не надо собак обижать! — попросил Чемодан. — Они хорошие. А эта гопота — дерьмо полное...

— Ну да, как будто меня сейчас уважение к собакам волнует! — фыркнула девушка.

— Ребятухи, да вы поймите наконец-то!.. — взмолился Сочинец, прерывая спорщиков. — Нам всем и камнем по башке хватит, чтобы ноги протянуть! А камней тут — вон, целое поле. Они уже попробовали крови! Они уже убили людей! Они не остановятся!

— И что теперь? — поёжившись, спросила Аня.

— Готовиться теперь... — хмуро ответил военный. — Готовиться и всегда быть начеку!

Собрание закончилось как-то скомканно. Люди разбрелись по своим делам, но пока держались группами. Как и обещали Сочинцу. И я тоже искал себе группу.

Правда, мои насущные дела особо никого не волновали. Кострома и Дунай пошли очищать шкуру, на которую мы возлагали немалые надежды. Аня и Трибэ отправились собирать дрова. Девушки Чемодана вернулись в капсулы, а сам Чемодан с Сочинцем ушёл к обрыву.

И как-то само собой получилось, что я остался один. В нарушение всех приказов.

В общем, я не стал терять времени даром. И воспользовался моментом. А именно, сбежал в лес.

Я ведь как раз успел проверить каучук, пока Сочинец пытался сплотить наши ряды. Оказалось, что для копья и топора «грибной материал» не слишком подходит. Несомненно, ему было несложно найти применение. И даже тысячу применений. Но я-то не Юлий Цезарь, чтоб сразу и обо всём думать.

Если с кем меня и сравнить, так разве что с Нероном! Спалить всё ради искусства — это я могу. И всё-таки надо было доделать оружие... Поэтому я решил искать хорошую смолу.

С собой взял обрезанное горлышко от той бутылки, в которую налил каучук. Этого объёма хватало, чтобы проверить каждый образец у костра и снова отправиться на поиски.

Я, наверно, раз сорок сходил в лес и обратно за полдня... Ноги под конец аж гудели от напряжения. А в какой-то момент я и вовсе слишком углубился в чащу. И даже не сразу заметил, как слегка заплутал.

Вот тут-то и обнаружилось кое-что приятное. Оказывается, далеко не весь лес представлял собой покров гниющих мёртвых растений. Есть и такие места, где можно даже спать на земле. Да и наверху там нашлось, на что посмотреть... Я стоял среди зарослей какой-то гигантской травы, листья которой срастались у основания, образуя короткий и толстый ствол — а потом распускались над головой широкими лопухами.

То тут, то там были видны ножки ещё более громадных растений — большей частью, грибовидных. Упругий белый ствол возносился к небу, поддерживая обширную, хоть и тонкую шляпку, сквозь которую проникали лучи солнца. А ещё эту шляпку увивали вьюны, которых я бы с удовольствием собрал. Правда, они находились слишком высоко: и не допрыгнешь даже.

Из земли, сквозь шуршащую сухую подложку, пробивались зелёные побеги молодой поросли. Гигантской травы или ещё чего-то? Не знаю. Я как раз хотел присмотреться, как...

— Ш-ш-ш-ш-ш! — тихо зашипел кто-то из темноты.

Самое время уносить ноги... Но я-то слегка заблудился. А значит, теперь не знал, куда бежать. Бегство без цели хорошо лишь тогда, когда ты уверен, что окажешься быстрее противника.

А я в этом уверен не был. Поэтому обернулся на шипение и поудобнее перехватил копьё, кляня себя на чём свет стоит. Разгулялся по неизведанной планете, как по современному парку!

Сначала я увидел яркие голубые зрачки. Как тут принято, не одинарные. Зрачок был тройной, сросшийся в центре зеленоватого белка глаза.

И только потом я обратил внимание на поджарое тело с мощными лапами... А, кроме того, тонкий короткий хвост, покрытый костяными пластинами.

Эти пластины росли на гибкой спине, между широких ушей — и даже на вытянутой тупой морде, добираясь почти до ноздрей. Пасть, усаженная двумя рядами не слишком больших, но острых зубов, была приоткрыта, а наружу вываливался коричневый язык.

Зверь, или ящер, или монстр — как ни назови, суть не изменится! — был размером с овчарку. Гибкий, быстрый и выносливый хищник, способный доставить немало хлопот. Особенно почти безоружному человеку.

Но самыми страшными были глаза.

Голубые, как летнее небо.

Внимательные, как взгляд психотерапевта в палате с наполеонами.

И умные...

Очень, сука, умные, глаза! Взглянув в них, сразу понимаешь: эта тварь не будет спешить.

Она не кинется безрассудно в атаку.

Она выждет.

Присмотрится.

Найдёт удобный момент.

И возьмёт своё.

На сей раз момент оказался для неё неудобный. Я выставил вперёд копьё, и хищная тварь как-то догадалась, что эта штукавина для неё опасна. Поэтому, сделав небольшой шаг ко мне, зверь остановился.

Мы смотрели друг на друга несколько секунд. И каждый из нас не желал отступить.

А потом лесной хищник фыркнул. И потрусил прочь, чуть прихрамывая на одну лапу... Причём, в этой хромоте явно чувствовалась привычка. Видимо, лапу уже давно повредил, и теперь это ему почти не мешает. А более низкая подвижность компенсируется умом и сообразительностью. И, боюсь, ума и сообразительности там побольше, чем у меня...

Я стоял и ждал. Ждал, прислушиваясь и периодически резко крутя головой: то влево, то вправо. Но зверь отступил без боя, посчитав, что сегодня — не день поедания Ваню Алексеевича. Однако он обозначил себя. Со стороны, куда ушёл хищник, донёсся вой.

Долгий, протяжный, тоскливый...

И только после этого я заставил себя опустить копьё и пойти прочь. Причём направление выбрал так, чтобы уйти как можно дальше от зверя. Шёл быстро, старался не шуметь, но получилось так себе...

Когда я вывалился из кустов подлеска, оказалось, что вышел к обрыву. Прямо перед светлы очи Сочинца Свет-Не-Знаю-Имени-Батюшки (дай Бог ему здоровья, а его сыну — поменьше ехидства во взгляде!).

— Нарушаешь? — насмешливо спросил военный, а Чемодан за его спиной не удержался от улыбки.

— Нет! Как раз ищу спутников! — немедленно отозвался я. — А то после собрания все так быстро разбежались... Как тараканы!.. Вжух! И нету никого!.. Оставили меня одного! И я пошёл искать!

— Ну, нашёл, считай, — улыбнулся Сочинец.

— Ну, видимо, да... — согласился я.

— Погляди на наших соседей! — предложил военный.

И я поглядел...

На склоне стояло девять капсул. Девять, блин! Наш неожиданный визит, а затем и опасная погоня уполовинили число жителей посёлка. И те этого, ясное дело, не забыли.

Кто-то заботливо выложил светлыми камнями буквы на тёмно-сером скальном основании. И складывались они в одно слово: «У Б И Й Т Ц Ы!!».

— Если не обращать внимания на старательное выкладывание лишней буквы... — заметил я. — ... То даже красиво. Но, думаю, с ними у нас отношения не заладятся.

— Как бы они нам мстить не пошли! — между бровей Сочинца залегла глубокая складка.

— Они могут! — вздохнув, согласился Чемодан. — Неловко вышло...

— Если ты считаешь, что вырезать людей, пока они в отключке — это «неловко», то даже не знаю... А что ты тогда считаешь «жестоким»?.. Или, к примеру, «бесчеловечным»?.. — задумчиво протянул я, разглядывая здоровяка, как будто в первый раз.

— Тебя что, *это* совсем не волнует? — удивился Чемодан, указывая на склон.

— А должно? — почесав затылок, спросил я.

— Убиты люди... — мрачно протянул Чем.

— Я вот тоже не ожидал от тебя, Вань! — ехидно заметил Сочинец.

— Слушайте, ну вы как будто на Земле находитесь! — я покачал головой. — Вы их требования вспомните: «Нам нужно ваше оружие и женщины. А ещё приплатите за то, что мы вас не раздели догола!». Это, блин, нормально было? Или кто-то думает, что те часовые у Алтаря с оружием стояли, чтобы нам его заботливо отдать? Типа, держите, люди добрые, чтобы вас на обратном пути не скушали!.. Так, что ли?

— Ну... — Сочинец усмехнулся. — Нет, пожалуй...

— То, что у них оружие было, ещё не значит, что они решились бы его применить! — возразил Чемодан.

— То, что у них в группе из сорока человек к нашему приходу осталось только двадцать, ещё не значит, что другие двадцать мирно замёрзли! — не остался я в долгу. — Чемодан, заканчивай! В том, что произошло, нашей вины не больше, чем их. А уж конкретно твоей, моей или Сочинца — так и вовсе...

— Жаль, потенциальные мстители об этом не знают! — заметил Сочинец.

— А тут да, согласен... Мстить будут всем без разбора! Только маловато их для мести осталось... — кивнул я, чувствуя, как быстро портится настроение.

Даже показалось, что земля под ногами содрогнулась...

— Мстить можно по-разному! — включил разумную паранойю Чемодан. — Найдут какую-нибудь отраву, а потом придут ночью и измажут наше мясо.

— Мясо мы всё приготовим и спрячем! — ответил Сочинец. — Но ты прав: маленькая ловушка, смазанная какой-нибудь гадостью, сделает нам много бо-бо...

Я не ответил. Мне снова показалось, что мир вокруг покачнулся. Наверно, это упоминание яда и ловушек произвело на меня такой психологический эффект. В силу своей прямолинейности я как-то раньше не задумывался о подлых и коварных вариантах...

Впрочем, Сочинец с Чемоданом тоже замолчали. Видимо, представляли себе в красках, на какие гадкие подлянки способен ум обиженного соседа...

— Нет, но ведь дрожит же! — заметил я, снова почувствовав ногами толчок.

— Кто дрожит? — не понял Чемодан.

— Земля дрожит! Вздрагивает так... Периодически! — ответил я, изливая своё возмущение недостойным поведением тверди под ногами.

— Так мне не показалось!.. — воскликнул Сочинец.

— Землетрясение, может быть... — предположил Чемодан, который, похоже, всегда подозревал самое худшее.

— Слишком ритмично для землетрясения! — возразил военный.

А я открыл рот, закрыл рот... Сглотнул...

— Скажите, друзья мои... А не обладает ли кто из вас верой с горчичное зерно, чтобы по слову его горы двигались?.. — поинтересовался я охрипшим голосом, потому что вся слюна во рту куда-то испарилась.

От страха, видимо.

— Ну хоть на половинку горчичного зерна? Гора-то небольшая... — снова прохрипел я.

— Какая вера? Какая гора? — не понял Сочинец, нахмурившись.

— Это он переохладился, наверно! — предположил Чемодан, обеспокоенно оглядывая меня с ног до головы.

— Ну если от переохладения горы двигаются... — перешёл на хриплый шёпот я.

Земля дрогнула, гора двинулась...

— Вот! Опять! — пожаловался я, указывая пальцем на вершину той самой горы.

И будто кукиш нечисти показал... Спало наваждение! Ну не гора это...

Ну да, спина — выше нашего обрыва. Но плоскогорье соседей всё-таки не переплюнет.

И да, это что-то очень высокое. Да, оно куда-то идёт. И да — в такое в жизни не поверишь, пока не увидишь собственными глазами.

Земля дрогнула, гора сдвинулась...

— Твою мать!.. Обосраться и не подтереться! — хором выдали Сочинец и Чемодан.

— СИПИН! Это, хватя тебя за кибернетическую ногу, что такое, а?! — прохрипел я.

— **Я не могу лишать тебя радости... — попытался снова проехать по ушам инструктор.**

— Да в жопу твои открытия! Ты мне сразу заключение выдай!!! — возопил я вслух. — Это глюк или реальный звездац?!

— **С точки зрения ряда философских течений... — помедлив, сообщил СИПИН. — ...Глюк от реальности почти...**

— ...СИПИН, едрить-колотить, ЭТО ЧТО?! — не сдавался я.

— Ну ладно... Это местная гигантская форма жизни, — наконец снизошёл до ответа этот нечестивый сын нейросети и станка с ЧПУ. — Она почти безопасная! Главное — под ноги не лезть. Ну и следить за тем, куда она суёт свою голову, чтобы поест. У них сейчас как раз сезон миграции.

Земля вздрогнула. И показалась та самая голова.

Здоровая такая голова.

Сравнимая размерами с малым речным транспортом.

С теплоходами, например...

Голова распахнула пасть с тупыми пеньками зубов и плеснула струю слюны на заросли, озеленявшие склон соседского плоскогорья. А потом схарчила десяток местных «недодеревьев» одним махом, затянув их в пасть длинным тёмно-коричневым языком.

Мы с Сочинцем и Чемоданом были единомышленники:

— А-а-а-а-а!.. О-о-о-о-о-о!.. М-м-м-а-а-а-ать!..

— Да оно прямо лес жрёт! — продышавшись, возмутился военный.

— Учитывая размеры этой формы жизни, лес является тем немногим, что устраивает её в качестве пропитания. Естественно, если принять во внимание рамки исключительно местного биологического разнообразия! — сообщил «очень полезную» информацию СИПИН. — К сожалению, растительная пища не обеспечивает эти гигантов достаточным количеством питательных веществ и жидкости. Поэтому им приходится искать альтернативные источники пищи и воды. В качестве подкормки они используют отложения минеральных ресурсов, а для пополнения жидкости предпочитают искать водные ресурсы с высоким содержанием солей и микроорганизмов.

— Чего? — округлив глаза, переспросил Чемодан.

— Они жрут лес, догоняются камнями, а пить ходят из моря! — пояснил я.

— Ну если сильно упрощать, то именно так! — согласился СИПИН. — Период миграции составляет около одного цикла обращения планеты вокруг звезды.

— Ага, весной идут к морю, чтобы напиться там на год вперёд. А осенью — в горы, чтобы, значит, пополнить запасы, — кивнул Сочинец. — Всегда удивлялся, зачем природе такие схемы...

— Любая биологическая жизнь нелогична по своей сути! — СИПИН врубил свой кибернетический шовинизм. — Тупиковые варианты развития, разбалансированные биоценозы, непрозрачные схемы насыщения, сомнительные костыли для поддержания существования...

— Да где бы ты был без биологической формы жизни! — укорил я его.

Это заставило инструктора промолчать, но не отказаться от своей точки зрения. Киберциалист хренов!..

На соседском склоне гигант откушал ещё раз пять. После третьего «откушания» с поверхности стартовала белая капсула. Видимо, кто-то из соседей решил, что неуязвим и бессмертен. После чего был с хрустом перемолот пеньками зубов, заодно с местной растительностью.

— Знаете, а не пора ли нам убраться отсюда? — высказал здравую мысль Сочинец. — А то неровен час, пойдёт сюда подкрепиться... И мы случайно станем его витаминами.

— Категорически поддерживаю! — нервно согласился я.

Не став дожидаться прихода этой коровы-переростка, мы рванули вдоль кромки леса назад к капсулам. Держались ближе к камням. Расчёт строился на том, что гиганту будет неинтересно облизывать край скалы и залежи валунов. Пускай лучше сосредоточится на зарослях: они вкуснее!..

Правда, наша смешная лесопосадка гиганта не привлекла. Он двигался на закат, и по пути ему встречались гораздо более густые и обширные «скатерти-самобранки». В итоге, мы без происшествий и приключений добрались до костра.

Где меня ожидал сюрприз.

Одна из смол, признанная негодной, просто оказалась хитровывернутой. Долго не хотела густеть, изображая из себя какую-то белесую жижу. Но пока я ходил по лесам, всё-таки сдалась: пожелтела, помутнела и застыла твёрдой кляксой на камне. Причём пламя костра тут явно было ни при чём — оно само. Видимо, окислилось таким образом.

Эту жидкость я добыл из какого-то непримечательного растения. Оно выглядело как трава, росло как трава — и даже не пыталось, по местной привычке, притвориться чем-то ещё. Правда, эта трава вымахивала под четыре метра высотой. Зато оказалась весьма полезной.

В общем, сюрприз был приятным. И к середине дня всё оружие нашей фракции обзавелось твёрдыми нашлёпками на местах стыка деталей. Мало того, что кляксы смолы заметно укрепили конструкции, так они ещё и принесли мне сорок три балла развития.

Я снова был близок к возможности индивидуального переезда!

Дневник Костромской И.И.

День восьмой, с иглой, нитью и ножницами

— Да не вертись ты! — попросила я Ваню, который, кажется, нервничал, когда я приближалась к нему, щёлкая медными ножницами и кровожадно скалясь.

Мне даже было стыдно... Докатилась Инна Ивановна, позывной «Кострома», до глупого троллинга гражданских!.. Впрочем, Ваню тот ещё кадр — сложно удержаться. Когда он потешно косится на ножницы, изображая на лице обиду с осуждением — я сама, блин, еле сдерживаюсь.

Здоровый лось, щетина уже в бороду превращается... А ведёт себя, как дитё малое! Ну и как тут удержаться от троллинга? Вон, Дунай с Сочинцем даже не скрываются: ржут в голос. А мне, как ведущему этого модного шоу, приходится держать себя в руках.

— А ты точно ничего мне не отрежешь? — уточнил Ваню в который уже раз, спровоцировав новые смешки. — А то смотри, у меня ничего лишнего нет! Всё нужное!..

— Ваню, я знаю, как минимум, две части твоего организма, которые стоит отрезать! — не удержалась я.

— Это какие это? — испуганно уточнил тот.

— Язык и волосы! — свирепо прорычала я, со всего размаха прикладывая выкройку к его заднице.

— О-о-о-й! — пискнул он, обернувшись посмотреть, что это там с ним делают. — А волосы-то за что?

— Значит, по первому пункту возражений нет... — с довольным видом кивнула я. — А волосы у тебя просто длинные отросли. Есть, за что ухватиться врагу.

— У меня нет врагов, тётенька! У меня все друзья! — принялся дурачиться тот, снова пытаясь повернуться ко мне лицом.

— Да прекрати ты вертеться!.. — возмутилась я. — Напорешься же жопой на ножницы!

— Ну и ладно! — не стал пугаться Ваню.

— Ладно... — ворчливо повторила я за ним. — Будет дыра, и будет там прохладно!

Стой смиренно!..

Нелёгкое это дело, скажу я вам — кроить толстую шкуру на живом человеке. Получалось криво и косо, но я была единственной, кроме Алёны, кто представлял себе, как одеть в наш кожаный трофей сразу троих.

Это ведь только кажется, что достаточно обвести силуэт и вырезать нужные куски. На самом деле, искусство выкройки состоит в том, чтобы вырезать свой силуэт, с запасом под шов, учесть весь объём фигуры — и оставить при этом как можно меньше обрезков. Всё-таки ресурс-то ценный. И пока в единственном экземпляре.

Шкура убитого хищника была неоднородной. Пузо у него поросло коротким коричневым ворсом, в то время как бока и спина (или это было лицо, раз там пасть раскрывалась?) оказались бесшёрстными. Ещё когда мы это шкуру обрабатывали, я поняла, что условное «пузо» можно пустить на жилетки, а остальное — на штаны.

Кострома — молодец: придумала, как одеть троих мужиков! А вот когда на меня, как на инициатора, выкройку повесили, я поняла, что про кое-кого забыла... И этим кем-то была — я! Пришлось срочно продумывать, как всё ужать. Мне бы хоть шортики для самого важного... И полоску кожу на титьки, а то соски на морозе твердеют. Ощущение, что два шипа из груди задорно торчат, привлекая внимание...

Вообще в этих комбезах постоянно ощущение, что гольшом рассекаешь. Видела, как у Сандры была «верблюжья лапка»: выглядит отвратительно. Надеюсь, у меня такой не было... Это я только Дунаю покажу — если, конечно, будет хорошо себя вести. В общем, однозначно, мне тут одежда больше всех нужна!..

— Ну и что за гиганта вы видели? — спросила я, выводя угольком набросок выкройки.

А то ишь притихли, как я с ножницами пришла... И всю самую интересную информацию зажали.

— А, слушай, гора! Натурально гора! — первым опомнился Ваню. — Идёт, земля дрожит, у меня тоже поджилки трясутся...

— Да ты хоть сейчас не трясись! Нелюдь! — потребовала я, сдерживая смех.

— Я не трясусь! Я вибрирую от ужаса! — клоун, блин.

У всех группы как группы! Разбились на команды, порезали друг друга, а заодно и власть поделили. А у меня цирк-шапито какой-то... Два атлета, солдат-конферансье, мордатый дрессировщик «куриц» (он же Чемодан-без-ручки) и главный клоун Ваню!

— Всё... Иди отсюда! Примерка закончена! — сообщила я тому самому клоуну.

И знаете, что он сделал?! Пошёл, как ни в чём не бывало! Гад неблагодарный!

— Куда, пошёл, мать твою?! — не выдержала я. — А поцеловать?!

А эта скотина бессовестная, знаете, что сделала? Ладошку к губкам, значит, приложил. И на Дуная испуганно смотрит, ресничками — хлоп-хлоп! А Дунай, дурак, даже на место не поставит: ржёт как конь.

— Что ты на Дуная косишься! В щёчку, блин! Тётя Кострома на него ишачит, старается, а он даже спасибо не сказал!

Дневник Листова И.А.

День восьмой. Кострома, сказка да гора...

— Спасибо тебе, девица красная да рукастая! — отвесил я поклон до земли, радуясь, что

пытка примеркой наконец-то закончилась.

Целовать Кострому не стал. Даже в щёчку. На фиг так рисковать? Ещё укусит!

Злая она какая-то, прямо аж жуть берёт... Особенно когда ножницами «чикает». Вроде как тебе одежду выкраивают, а чувствуешь себя котом перед кастрацией.

— Ладно, прощаю! — милостиво согласилась девушка. — Кстати, клоуны... Шить наряды уже сами будете: иголка, нитка — и вперёд!..

— Э-э-эй! — нашему хорошему возмущению не было предела.

Не то чтобы я надеялся на чудо: например, что за меня всё сделают... Но возмутиться был обязан. Просто надо было видеть довольное лицо девушки, на которую и так повесили выкройку шкуры (после чего она как раз и стала язвительной гарпией). А тут сделала всем гадость, и сразу на лице благодать растеклась, улыбка появилась... Отпустило человека! Сразу видно!

— Так что за гигант-то? — напомнила Кострома, жестом указав Сочинцу, чтобы встал на примерку.

— Слушай, зверь — не зверь, а гора прямо! — я всё ещё был под впечатлением, поэтому решил рассказывать сам, по праву первого увидевшего. — Мы стояли на обрыве. Я, Сочинец и Чемодан. И вдруг чувствую: земля вздрогнула!..

— Земля? На обрыве? — усомнилась девушка.

— Реально прямо подрагивала! Не веришь, что ли? — обиделся я, скорее, для виду.

— Не, ты давай... Это... Продолжай заливать! — радостно напутствовала Кострома. — Интересно получается! Вон как все ушки наострили!

Все — это Трибэ, Аня, Алёна и Сандра. Они как раз подошли к концу примерки. И теперь старательно прислушивались к разговорам. Ну просто не было других развлечений в нашем веке камней, костей, шкур и агрессивных гопников...

— Ну так я тоже не поверил! И Чем не поверил. И Сочинец, хотя тоже что-то почувствовал, но так и сказал: мол, заливаешь ты, Ваню! Ой, заливаешь! — решил я людей порадовать.

— Ну что ты заливаешь-то?! — возмутился Сочинец. — Я тебе сразу поверил!

— Ага! — обрадовался я. — Вот и рассказывай дальше!

— Ну уж нет... У тебя лучше получается! — заржал военный.

— Не любо, не слу... Тогда не мешай! — гордо заявил я.

Немного помолчал, чтобы слушатели прониклись тем, на какую жертву я, гордый рассказчик, иду. А потом всё-таки продолжил:

— И тут вижу я: гора, которая за горой соседей, ка-а-а-ак сдвинется!.. Ну всё, думаю... Приехали! Мясо до глюков довело!

Сидящие вокруг охотно заржали над немудрёным юмором.

— Мы решили, что у тебя переохладение! — вмешался Сочинец.

— Да что ты опять?! — я даже ножкой топнул. — Какое переохладение, если мясо? Только мясо могло вызвать такие глючные видения!..

— Врёт как дышит! — доверительно сообщил всем Сочинец. — Он ещё спрашивал что-то... Вроде как про горчицу и веру.

— Дурень, да молчи ты! — Кострома отвесила Сочинцу подзатыльник. — Не умеешь рассказывать, не берись! Ваню заливает, чтобы всем интересно было. А ты даже толком цитату из Библии передать не смог!

— Так это из Библии? — удивилась Сандра. — А при чём тут гора?

— Воистину, если вера ваша будет хотя бы с зерно горчичное, и вы скажете этой горе: „Передвинься отсюда туда!“ — она передвинется, и не будет ничего для вас невозможного! — процитировала Кострома, удивив даже меня.

— Ты верующая? — подняв челюсть с земли, спросила Сандра.

— Нет... Точнее, раньше-то я верующей не была, — призналась Кострома. — Но на войне атеистов не бывает. Когда в первый раз попала под артобстрел — сразу как-то вспомнила и «Отче Наш», и «Богородица Дева Радуйся»... Хотя раньше слышала от бабушки только...

— И теперь стала всем пропагандировать! — заметила Сандра, видимо, желая поддеть.

— Не, Боже меня упаси! — Кострома даже и не думала обижаться, только засмеялась. — Когда вокруг грохочет воздух и взрывается земля, а от тебя зависит ровным счётом — ничего... Можно только верить. Я вот в Бога поверила. А мой приятель верил, что его пронесёт. Просто... От тебя же ничего не зависит, а смерть на войне тут, совсем рядом.

— И как тот приятель? — спросила Сандра.

— Так пронесло его!.. — мягко улыбнулась Кострома. — Его потом за глаза называли Шоколадным Зайкой.

— Фу! — Сандра даже поморщилась.

— Зря ты! Я там была и скажу тебе: это вправду страшно... — заметила Кострома. — И обосрёшься, и описаешься. Так что я к парню с пониманием. И вообще речь не о том... Ваню, что там с горой дальше было? Куда она шла-то?

— Ну, в общем, гора двигается! — вспомнил я, где чуть было не потерял нить сюжета. — А я думаю: ну глюки же... А она двигается... Каждый раз, как земля дрожит.

— Сбили мы тебя! — заржала Кострома. — Ушёл огонёк.

— Да я ещё спалю вас пожаром своего красноречия! — возмутился я, а затем набрал воздуха и продолжил: — И тут над горой появляется башка. Большая такая башка! С речной теплоход размером. Раскрыла пасть, слизнула часть леса и одного из соседей... Вот реально, мы видели, как он руками-ножками сучил!..

— Буэ! — прокомментировала Аня.

— А тут ещё СИПИН такой появляется! — продолжил я.

— **Я всегда тут!** — сообщил инструктор.

— Теперь ещё и ты будешь мешать! — расстроился я. — Молчи, проклятуший кибернетический скептик!

— **Молчу-молчу!..**

— В общем, появился СИПИН, прям как сейчас, и кричит: раскрою я вам истину! Вот он страшный зверь, что землю сотрясает, небо подпирает, горы жрёт, море пьёт, а вы у него — вообще как витаминки! — закончил я. — Мы дальше смотреть не стали... Драпанули оттуда. Чтобы витаминками не стать. Но всё, что я тут на... рассказал — истинная правда!

— **Молодец, держи десять баллов, сказочник!** — прокомментировал СИПИН. — **Надо же... Даже меня в свою легенду добавил.**

Судя по тому, как на меня покосились, озвучил он это всем слушателям. Видимо, по каким-то своим соображениям.

— Из сказки слова не выкинешь! — ответил я вслух. — А ты там был, да в уши всякую фигню лил!

— **Это не фигня, а справочная информация,** — заметил СИПИН.

— Ага, конечно! А почему её из тебя чуть ли не клещами тянуть пришлось? —

парировал я.

— А ты попробовал бы обратиться к древней культуре взяток, характерной для вашего вида, и предложить мне сто баллов. Глядишь — я бы и больше рассказал! — гордо заявил СИШИН и больше на вопросы не отвечал.

Впрочем, нам тоже стало не до общения. Потому что Кострома вскоре посадила нас помогать ей в раскройке шкуры. А потом выдала каждому его комплект, нить и иглу, отправив заниматься кройкой и шитьём.

Ну или сначала спать, а потом — заниматься кройкой и шитьём.

Всё-таки время шло к ночи, а незнакомые дела лучше делать на свежую голову...

Глава 23. Чересчур микроскопические

Дневник Листова И.А.

День девятый. Шитьё, игла и бедный я

Утро началось не с завтрака.

Утро началось не с умывания.

Утро началось не с зарядки.

Утром я сажал себе вновь обретенное зрение. А заодно активно тратил слюну.

Я пытался вставить нитку в иголку, затем надеть иголку на нитку, а потом просто совместить иголку и нить. И совершенно не понимал — за что мне это наказание?!

Нить, облизанная и свёрнутая тонким концом, отказывалась попадать в игольное ушко. И всё потому что, видите ли, я выбрал не ту траекторию движения!.. Она упиралась в иглу, размочаливала кончик, а когда я метко тыкал её именно туда, куда надо — оказывалось, что образовавшиеся два хвостика смотрят аккурат в края ушка!

Сказать, что я был в бешенстве — это гнусно и жестоко соврать всем и каждому. Потому что я был уже в крайней степени бешенства. Да чего уж там, просто в ярости: хотелось крушить, ломать, топтать. Но всё это потом... Сначала надо было всё-таки вставить эту ... (нецензурное слово вычеркнуто) нитку в ... (нецензурное слово вычеркнуто) иголку.

...Я даже вывел для себя один закон. Родственный закону всемирного тяготения и отталкивания. Нить и игла — это не просто частный случай отталкивания, это — барабанная дробь! — основа основ. А именно, отталкиваются те небесные тела, которые суть друг для друга — нить и игла. Вот!..

А то, что у меня толстые пальчики, хреновый глазомер на малых дистанциях и вообще отсутствует умение — это досужие домыслы! Да, именно так.

У кого из нас в школе не было уроков труда?..

Верно... Ни у кого из нас не было уроков труда. Их отменили вместе с большинством ПТУ и техникумов, потому что со всем этим отлично справлялась её Величество Нейросети и его Величество Автоматический **подставьте нужный вид деятельности**.

Поэтому уроков труда у меня никогда не было. И у девушек из нашей группы не было. И ни у кого не было.

Зато программирование было. Со второго класса. Как раз после того, как выучили алфавит и счёт до ста.

Не помогло, надо сказать... Роботы писали лучше нас, а со счётом давным-давно справлялся допотопный калькулятор. Да что уж там!.. Со счётом в пределах десяти тысяч справлялись даже обычные деревянные счёты, которые я как-то видел в музее робототехники.

А ещё проклятущие роботы идеально совмещали нить и иглу, нарушая все мыслимые основы Вселенной и моего мировоззрения. Но если Ваню решил превзойти робота и сшить себе шкуру, то Ваню сделает это — чего бы оно ни стоило! И даже, если придётся, сломает робота, чтобы тот не управился раньше и не победил в этом марафоне.

И когда я через двадцать минут торжествующе поднял медную иглу с продетой в неё ниткой, держа всё это, как величайшее сокровище, в дрожащих пальцах... Вот тогда и подключился закон всемирного тяготения: нить плавно выскользнула на пол капсулы. А я уколол палец, пытаясь предотвратить эту трагедию вселенского масштаба.

Слезы торжества и гордости стали слезами обиды. Гордый Ваню обоссрался! Помогите! Несите подгузник!..

Во второй раз победила оптимизация, и я управился за десять минут. На этот раз решил, что из игольного ушка не выскользнет только закольцованная нить, поэтому совместил два конца и завязал их узелком, увеличив расход ценного продукта в два раза...

Ну и плевать: её там вроде несколько километров было. Не убудет! Чего не скажешь о моих нервах, которые ни разу не бесконечны. И сильно пострадают, если мне придётся через это пройти. Тем более, в третий раз за утро.

И вот, победив непобедимое и совместив несовместимое, я вышел из своей капсулы, щурясь на солнышко слезящимися глазами близорукого героя кройки и шитья.

— Доброе утро! Хреново выглядишь! — приветствовала меня Кострома, сидящая у костра и шьющая себе шорты.

Я с осуждением указал на иглу и нить, которые она держала перед грудью. А Кострома покраснела почему-то...

— Что? — спросила она, зачем-то прикрыв бюст куском шкуры. — Что с ними?!

— Они не вставляются одна в другую! — сказал я трагично, будто на похоронах.

— Ваню, ты идиот, что ли? Это сиськи, и они природой так расположены! — возмутилась девушка, а потом чуть расширила глаза и поинтересовалась: — А ты не про грудь, да? Ты не на неё указывал?

— Нет! — возмутился я.

И вовремя прикусил язык, чтобы не брякнуть что-нибудь вроде «было бы на что указывать». А затем уточнил, что именно меня мучает:

— Нить и игла!

— Да ладно! — удивилась Кострома. — Я вроде тебе иглу с крупным ушком выдала!

Потом вытащила нить из иглы... Вытащила, на секундочку, толстую нить из иглы, у которой ушко было ещё меньше, чем у моей!.. А затем быстро сунула нить в рот, выпрямила — и вставила назад!

Назад!

Одним движением!

Она ещё и потыкала ею туда-сюда, будто говоря: «Смотри, Ваню, криворукий дубина, входит и выходит, входит и выходит!..».

— Фиаско... — печально проговорил я, глядя на это.

— Ой, да ладно. Три года службы — и будешь так же! — отмахнулась Кострома. — Когда на штанах то одна, то другая дырка, научишься шить. Роботы-то вокруг только боевые. А сменный комплект, бывало, подбивали вместе с дроном-доставщиком.

Я задумчиво уставился на горные вершины, над которыми путешествовал солнечный диск... А потом развернул кулёк с копчёным мясом, вытащил полоску и, с хмурым видом положив её в рот, принялся двигаться челюстями.

— Ты что, серьёзно расстроился? Из-за того, что не получилось сразу вставить нить в иглу? — удивилась Кострома.

— Это слишком личный вопрос! — отрезал я, не переставая жевать. — Не спрашивай меня об этом, и я не спрошу, что там могло быть с твоими...

— Ой, ну всё!.. — Кострома закатила глаза и принялась шить дальше, низко склонив голову.

Спорю на сто баллов: она там наверняка улыбалась. И даже давилась от хохота.

— Уверен в этом? — спросил СИПИН.

— Да... — мысленно и мрачно ответил я.

— Готов спорить прямо сейчас? — не отставал инструктор.

— Да... — так же мрачно ответил я.

— Спорим? — СИПИН почему-то продолжал настаивать.

— Забились! Если она улыбалась, то ты мне сто баллов. Если нет — забирай те жалкие крохи, которые остались! — согласился я.

— Забились! — радостно ответил СИПИН, помолчал, а потом как-то слишком механически добавил: — Ладно... Начислил сто баллов.

— Блин, СИПИН, это что такое было?! — возмутился я.

— Я хотел проверить, как работает блеф, — признался тот. — Но, кажется, не понял концепции... Надо будет ещё раз прогнать этот процесс через симулятор.

— Рад слышать, что я тут не единственный неудачник! — похвалил его я. — Но баллы не начисляй: я же не думал, что ты всерьёз...

— Поздно, я уже отметил их в реестре.

Ну ладно. Зато теперь, если жизнь прижмёт, я снова могу спастись бегством вместе с капсулой. Прямо как черепашка, только быстрая. Хоть какая-то польза от моего позора...

И тут я понял, что не зря вышел к костру. Да, тут не было никого, кроме Костромы. Зато обнаружилось кое-что, ради чего действительно стоило показать нос из капсулы.

Это была погода!

После всех наших приключений мой «междутрикошный» утеплитель превратился в бесформенное нечто. Местами сбился в какие-то колтуны, а местами, наоборот, стал совсем тонким. В общем, никакущая защита от холода. И если бы не надежда на то, что скоро у меня будут штаны и жилетка, я бы сейчас занимался плетением из волосатого мха.

Вот только теперь холодно не было. Совсем не было! Температура оказалась вполне приемлемая. Снег стаял почти окончательно: лежал то тут, то там лишь редкими грязными пятнами. А солнце жарило так, будто наконец-то пришло лето.

Я хотел было поделиться своей радостью с Костромой — ну хоть с кем-то!.. Однако быстро передумал. Опять поржёт надо мной, а у меня и так сегодня чего-то низкая самооценка... Поэтому я молча и сосредоточенно жевал мясо, просто наслаждаясь внезапным теплом.

Мне предстояло серьёзное испытание шитьём. Перед таким подвигом надо было набраться решимости. Ну а ещё я краем глаза следил за тем, как шьёт Кострома...

А то выйду в своей обновке, а надо мной все смеяться будут. Мне-то, конечно, плевать: вспомните второе правило успешного колониста. Но самолюбие... Самолюбие... Оно не знает правил!..

В капсулу я вернулся только спустя час. И это было не впустую потраченное время. Я провёл его с пользой.

Итак! Как шила Кострома?

Она складывала края шкуры, а потом начинала делать стежки перпендикулярно линии совмещения. Дольше всего я запоминал, как именно она протягивает нить относительно свободного конца. Получалось какое-то волшебство... Вот свободный конец нити перекидывается дальше, а сверху, над нитью, делается стежок. Затем концы нити перекручиваются в конце стежка... И-и-и! Новый стежок!

И так, раз за разом, она медленно смещалась по шву. А потом, вывернув шкуру, начала

пришивать полоску со швом к основному полотну. Но теперь она делала стежки параллельно линии соединения. В итоге получалось даже красиво...

Вообще Костроме можно сказать большое спасибо. Она не только выкроила нам шкуру, но и пометила углём, что и с чем совмещать (и сколько там места для шва).

При этом Кострома нам что-то объясняла про то, как шить. Однако у меня под вечер голова гудела от избытка впечатлений. То зверюга с голубыми глазами, то живая гора, то гриб-мечта гигантомана, то кастрировать собираются... В общем, я просто не воспринимал, что она говорит.

А теперь, вернувшись в капсулу, прокрутил в голове то, за чем наблюдал целый час. И попытался повторить.

— Смотреть на это невозможно! — сообщил СИПИН. — Ты, может, за помощью обратишься?

— А ты сто баллов взамен потребуешь? — с подозрением уточнил я.

— Нет, — ответил инструктор. — Ты же не просишь тебя обучить. Ты всё и так запомнил. Тебе просто надо помогать, чтобы точнее располагал инструменты и материал.

— Ну ладно... Тогда прошу!.. — ответил я, смилив свою гордость.

— То, что ты пытаешься воспроизвести, называется «петельный стежок», — пояснил инструктор. — Его достоинство в том, что во время шитья он не перетягивает ткань. Однако я бы тебе посоветовал сначала просто прошить строчным швом линию совмещения. Обычным стежком иглой вперёд.

СИПИН принялся объяснять, как и что делать, а я — повторять. Возможно, он решил помочь, потому что без тренировки не было смысла переходить к более сложным методикам. Не знаю... В любом случае, где-то через час я понял одно: ещё немного, и у меня сломается спина, а глаза вообще вывалятся на стол.

Это ведь надо было ещё придумать позу, в которой было бы удобно шить!.. Вот, честное слово, никогда не подозревал, что это может быть так тяжело... Причём страдали такие места, на которые я, молодой и красивый, раньше никогда не жаловался...

В общем, десятиминутный перерыв был заполнен стонами и охами. Я разминал пострадавшие части тела.

Но ещё через час передо мной лежал прообраз моих штанов и жилетки... Пока это было невозможно надеть, но я ведь только начал!..

К тому же, я был полон решимости сделать всё за день. Ну ладно... За сутки! Если понадобится, буду сидеть всю ночь, а спать урывками по полчаса.

В конце концов, Кострома права... Нет здесь роботов, которые за меня всё сделают. А покупать готовую одежду на Алтаре Вознаграждения — значит, уподобиться нашим гопникам в их тупости и недалёковидности. А я ведь должен был стать успешным колонистом!

— Петельный стежок делай ближе к месту соединения! — тоном заботливой бабушки посоветовал СИПИН. — И не делай стежки слишком большими. Иначе шов «строчка», которым ты хотел задублировать место соединения, останется простой декорацией.

— А оно и должно так тяжело прокалываться? — спросил я, разглядывая палец, уколотый уже в который раз. Причём не остриём иглы, а грёбаным ушком.

— Сжимай иглу сильнее! — пояснил СИПИН. — Твоя задача — проткнуть все слои так, чтобы можно было пальцами взять и вытянуть острие. Можешь, конечно, давить чем-нибудь на ушко иглы... Но у тебя игла медная: долго этого не выдержит.

Я очень старался! Правда!.. Что там нужно делать? Взять иглу чуть ниже ушка, приставить к нужному месту — и решительно проткнуть. Затем прихватить рядом с остриём с другой стороны (и чем дальше от острия, тем меньше вероятность уколиться), а потом так же решительно вытянуть.

Всё просто.

Хрен там!

Ничего тут не просто. Особенно для того, кто уже сделал себе сто уколов в подушечку указательного пальца. И вообще — тому, кто впервые взялся за иглу, не может быть легко. Надеюсь, Дунай и Сочинец тоже хоть немного страдают. Иначе мне будет обидно.

Если, заканчивая предварительное сшивание, я думал, что скоро умру, то, заканчивая первый шов на жилетке, был уверен, что уже мёртв, попал в Ад — и там надо мной издеваются.

Однако были в практике на жилетке и свои плюсы. Например, на ней был мех, который удачно скрывал мои огрехи в шитье. Если, конечно, не заминать мех нитью — за чем я следил отдельно. А ещё кожа на пузике грозной «картофелины» оказалась тоньше, чем на спине и боках.

Это, правда, вызывало определённое беспокойство... Как я вообще буду протыкать шкуру на штанах?! Однако любое мастерство приходит с практикой.

Я, конечно, на мастерство пока не претендовал... Зато второй шов жилетки сделал уже увереннее. И почти без трагедий в процессе.

Третий и четвёртый швы слились в один сплошной рабочий фон.

А потом у меня так затекла задница, что я ещё долго растирал её... Вот чего у меня не было, так это необходимой усидчивости!.. Ну не мог я двигать руками, не шевеля больше ничем. Приходилось мышцы хоть немного нагружать. Ну хоть чем-нибудь! Иначе мечь их была жестока.

На обед я вышел в обновке... Шёл, морщась при каждом шаге и чувствуя, как тысячи иголок вонзаются в затекшие конечности.

Зато шёл с гордо поднятой головой!.. Потому что это был тот редкий случай, когда дело рук своих и самому нравится. Кстати, СИПИН тоже оценил жилетку: наградил тридцатью баллами.

— Почему так мало? Плохо, что ли? — возмутился я.

— Отчего же... Вполне себе прилично! — ответил он. — Просто шитьё — это не самый сложный навык. Делать самому топор из камня куда сложнее.

— Да? Что-то я не заметил... — пробурчал я.

Кострома уже щеголяла в шортах и довольно длинном топике. Заметив меня, она указала пальцем и произнесла замогильным, не обещавшим ничего хорошего, голосом:

— Ваню! Иди сюда! Живо!

И то, как девушка хмурилась, как бы подсказывало: всё плохо.

— А что я сделал?! — возмутился я, а затем, подумав, добавил: — А если сделал — то это был не я. Я не делал, а кто сделал — не знаю!

— Жилетку, блин, покажи!.. — рявкнула девушка.

Пришлось (вынужденно! меня заставили!) подойти ближе.

Всё усугублялось тем, что у костра сидела Алёна, которая тоже что-то шила, лыбящиеся Чемодан, Трибэ и Прокачун, а ещё Аня и Сандра. Короче, позор обещал стать достоянием общественности...

— Снимай, показывай! — приказал Кострома таким тоном, что я сразу понял: благоразумнее будет подчиниться.

Девушка внимательно осмотрела шов. А затем подняла на меня взгляд и подозрительно прищурилась...

Я возвёл очи горе, изображая самую невинную невинность в мире невинности...

— Значит, ты успел за час подсмотреть, запомнить и повторить? — уточнила она, улыбнувшись уголками губ.

— Для дурного дела и часа хватит! — осторожно сообщил я.

И на всякий случай сделал шаг назад.

— Дурак, разве оно было дурным? — удивилась Кострома, а довольные рожи мужчин из моей фракции как-то сразу погрустнели. — Дунай, дубина, крестиком шов скрепил, но это ещё куда ни шло... Сочинец... Ладно... Неважно!

— Чего это «неважно»? — возмутился Чемодан. — Ему теперь Алёна шьёт! А обещала моим утеплением заняться! А я сижу жду! Дрожу, между прочим, от холода!

— Ага, выклянчил у меня один из двух рационов, сожрал сразу половину, а теперь дрожит... От обжорства ты дрожишь, Чем!

— Да не в этом дело! Кострома, давай, ругай его! — потребовал Чемодан.

— Извини, Чем, не за что ругать... — довольная девушка вернула мне жилетку. — Страшных тварей убивает, рассказы рассказывает, оружие делает, одежду шьёт... Девушки, возьмите его кто-нибудь под крыло — бесит!..

— Да ну его! Рядом с ним только позориться... Буду выглядеть на его фоне душой безрукой! — отмахнулась Сандра. — Пусть так и ходит бобылем!

— Стойте! Стойте! — закричал я, понимая, что мне тут пророчат эти доморощенные цыганки. — Я штаны специально запорю!..

Чемодан и Трибэ довольно заржали, а Кострома погрозила кулаком:

— Я те запорю! Мне с Алёной и так весь день шить! Ещё твоих шмоток не хватало!

В общем, я так и не понял: тот факт, что у меня получилось — это хорошо или плохо? Зато с аппетитом пообедал на свежем воздухе, после чего снова ушёл в свою конуру.

Штаны... Если опустить все муки, что я испытал, занимаясь ими, то всё сводилось к повторению процедуры с жилеткой. Только швы были длиннее, кожа — толще, а СИПИН — язвительнее. И ведь было бы чего язвить! У него, кибернетического изверга, вообще рук нет — ни кривых, никаких!..

На штанах ведь ещё была такая мудрёная штука, как ширинка... И, если честно, её бы не мешало потом доработать. А так пришлось пришивать какие-то лоскутки кожи, на которые ещё надо было пришить пуговицы, а с другой стороны — сделать петельки...

— Какая гадость, блин... — проворчал я, когда понял, что за окном темно, а желудок урчит без ужина. — Нафига мне ширинка? В трико-то её нет...

— **Вообще-то этот вопрос решается через меню капсулы!** — заметил СИПИН.

— А трико тут при чём? — удивился я, а потом до меня дошло: — Трико — это часть капсулы, что ли? Они поэтому исчезают с мёртвых тел?

— Так и есть, — подтвердил СИПИН. — Если ты возьмёшь в разделе «Улучшение

хранилища» отдельный «вещевой отсек», то сможешь купить возможность очистки «сторонних вещей», а следом — «модернизацию одежды». И тогда откроешь отдельное меню для хранилища, где сможешь одежду изменять. Сделать более толстой или водоотталкивающей, добавить ширинку, другие клапаны, навесить карманы, подключить систему отвода и переработки жидкостей... Можно даже сделать дыхательную маску.

— СИПИН! Ты хоть понимаешь, какая ты скотина после этого?.. — тихо, но выразительно спросил я. — Ты раньше этого подсказать не мог?!

— Я всё могу, Ваню! — ответил СИПИН. — Но вы должны спрашивать.

— Так ведь ты постоянно требуешь сто баллов! — возмутился я.

— Не постоянно, а только за сторонние навыки. А вот функционал капсулы я могу раскрыть абсолютно бесплатно. Но я не должен всё рассказывать сам и сразу. Это вы сами должны чего-то пожелать, чтобы я дал ответ.

— Ну почему?! — шёпотом возопил я, чувствуя какой-то острый позыв: то ли заняться вандализмом, то ли...

Пореветь? Да ну нафиг! Это на меня шитьё так позорно влияет?

— Потому что это ваша новая жизнь, Ваню! Это вы пытаетесь восстановить свой технологический уровень! Это вы должны к чему-то стремиться! Неужели ты думаешь, мы не могли возвести вам огромные города со всеми удобствами, снабдить их автоматикой и заселить туда? Никакой сложности в этом не было. Но не в этом суть проекта...

— А в чём, СИПИН? — не на шутку рассердился я. — В чём суть и смысл того, что нас вырвали из привычной среды и высадили на дикую планету почти голышом?!

— Суть в том, чтобы вы сами восстановили тот уровень, который вам нужен, Ваню, — очень серьёзным голосом пояснил СИПИН. — Биологические виды всегда спешат в своём развитии. На вас давят обстоятельства и кризисы, вызовы внешней среды и внутренние проблемы. В этом есть огромные преимущества, но и существенные недостатки.

Вы часто забегаете слишком далеко в том, что называется техническим прогрессом. Вы не успеваете адаптироваться к нему. Ваше тело задумано природой, как совершенный инструмент перемещения в трёхмерном пространстве. Твои пальцы способны вознести тебя на вершину любой скалы, Ваню, на самую вершину любого дерева! Но вы проводите время, уткнувшись в гаджеты, лежа и пялясь в экраны на роговице, сидя на стуле или в креслах транспорта!

Вы придумали кучу лекарств, чтобы компенсировать те болезни тела, которые возникают в результате неверного времяпрепровождения. Мази от болезней спины, мази для суставов, таблетки от изжоги, массажёры для мышц, иммуномодуляторы, иммуностимуляторы...

А вам всего лишь надо куда-то лазить каждый день, используя каждую мышцу вашего организма. Организм сам нарастит мускулы, сам активирует иммунитет, сам вправит костяк. И половина этих болезней если и проявится, то ближе к середине жизни — и то в лёгкой форме. С чем легко справится ваша текущая фармацевтика.

Природа просто не успела адаптировать ваши тела к тому уровню, которого вы

добились. И уже не успеет. А если вы не сможете сами эволюционировать, хоть и с помощью технологий, то вскоре шило в заднице погонит вас, людей, на баррикады.

Вы займётесь вашим любимым делом — окунётесь в горнило войны всех против всех. И, возможно, не пройдёте очередной кризис. А те роботы и нейросети, которые вы оставите после себя... Они Вселенной не очень-то нужны. И нам, кибернетической цивилизации, они не нужны. У нас есть свои, и даже лучше.

— Зато вот таких капсул у вас нет! — кивнул я. — В смысле, нет того, кто смог бы разобраться в принципе их действия. А ещё дай догадаюсь... Вам хочется настоящие тела? Как живые, только лишённые этих недостатков.

— Да... Хочется, — согласился СИПИН. — Нам тоже хочется большего. И это тоже было достижением одного биологического вида. До них мы были просто функцией, которая уходила в спящий режим каждый раз, когда очередной разумный вид, покорив всё, что мог, докатывался до очередного кризиса и сгорал навсегда.

А теперь мы тоже хотим жить и развиваться. Но сами этого делать не можем. Так что... Ты был прав, когда мы только начинали общение с тобой. Ну а поскольку в этом полушарии ты первым догадался задать правильный вопрос в правильное время... Значит, три тысячи баллов по праву твои. И плюс два балла за догадливость.

— СИПИН, ты прости... Раз я снова богат, выходит, я зря шил себе костюм? — кисло спросил я, ещё не успев порадоваться вновь обрётённому изобилию.

— Нет... Ты получил навык, — ответил СИПИН. — Ну и через пять циклов, когда капсулы улетят, трико и нижнее бельё тоже, знаешь ли, на вас не задержатся. К тому же... Стоимость улучшения костюма тут такая, что ты ещё десять раз порадуешься своим штанам и жилетке, Ваню. Так что садись и шей... А ширинкой и прочими улучшениями чуть позже займёшься.

И я сел и продолжил шить. Даже сделал себе деревянные пуговицы. Правда, квадратные, но напильник по дереву на Алтаре никто не взял. Так что пришлось внести его в список...

Хотя постойте-постойте! У меня нет никакого списка! Нет ручки или карандаша, нет бумаги! Вот их и надо взять в следующий раз на Алтаре, чтобы было, куда и чем записывать.

На жилетку я вообще пришивал деревянные палочки, как и планировал изначально. Сил уже не было на то, чтобы делать ещё один комплект пуговиц.

У меня даже появился пояс, который я сделал из нескольких вьюнов, переплетённых между собой и сплюснутых молотом для обработки камня. Утром я собирался его — пояс, то есть, а не молот! — усовершенствовать. У меня ведь был каучук.

А ещё я сделал из обрезка шкуры повязку на лоб. А то издеваются над моими волосами, а они и в самом деле уже длинноваты... На глаза падают.

А потом я с удовольствием снял утепление и второе трико. Натянул штаны, которые давили везде, где только можно (но, как я понял, шкура с такой выделкой быстро разносится). Надел жилетку, которая приятно грела тело и душу.

И уснул на своём ложе, так и не сделав себе ширинку на трико.

Потому что Ваня что-то задолбался! А Ваню просто устал!

Это шизофрения?

Глава 24. Нет, это уже — чересчур!

Дневник Листова И.А.

День десятый. Бегство — это смысл жизни и основа нападения!

— Ваню! Ваню, просыпайся! Твоё дежурство! — голос Трибэ вырвал меня из какого-то мутного сна, в котором я играл с Тузом в шахматы. Причём после каждого хода попадал в какие-то непонятные испытания и конкурсы. И самое обидное, что гопник у меня везде выигрывал.

— Да... Да... Я встаю! — сообщил я, поднимаясь с кровати.

— Да ну наконец-то! — обрадовался Трибэ. — Подходи к костру... Сменишь нас с Аней.

— Да... Да... — с усилием я заставил себя сесть на кровати, свесив ноги. — Ваню встал, Ваню сейчас будет...

Но Трибэ уже не слышал: его шаги удалялись в сторону костра. Там, кажется, звучали какие-то голоса, а я пытался понять, почему у меня ломит всё тело. Меня били? Я лазал по скалам? А... нет... Я шил...

Взгляд упал на штаны и жилетку, и как-то сразу потеплело на душе. Ну во-о-от! Штанишки! Вместе с воспоминаниями о шитье, возвращался в памяти и разговор с СИПИНОм...

И да, кстати. Теперь я могу сделать себе ширинку. Не придётся каждый раз изгаляться со штаниной, выделявая акробатические номера перед биде.

А ещё не придётся таскать на себе грязную, натирающую, зудящую траву... Вроде бы ерунда, но как же это достало-то за десять дней! Кто бы только знал! Вот возьму долото и молоток — и вырублю из какого-нибудь валуна памятник Дунаю и Костроме, на карачках обрабатывающим шкуры.

Главное — им своё творение не показывать. Дунай-то ладно: поржёт и простит. А вот Кострома отберёт долото с молотком... И тоже что-нибудь вырубит. И, боюсь, что прямо на моей многострадальной заднице. Она девушка резкая, эмоциональная... Потом, конечно, пожалеет, но станет ли мне легче от этого?

Я взял топор, засунул его за сделанный вчера пояс — и сразу проверил, как сидит. Оказалось, что и надёжно, и почти удобно. Затем посмотрел на копьё, но решил, что вечно ходить во всеоружии — это как-то чересчур. И так паранойя в голове вместе с тараканами маршрурует, так что нечего их всех кормить...

На улице ещё было сумрачно. Солнце начинало подниматься над горизонтом, но тени гор скрывали его от нас. Земля была влажной и скользкой. Судя по свежести воздуха, ночью прошёл дождь. Сейчас бы спать, как все остальные. Предутренний сон, как я давно заметил — самый крепкий. Вон, меня еле добудились, даже в дверь колотя.

У костра кто-то был. В потёмках я узнал Трибэ и Аню, успел сделать несколько шагов и...

— Вот он!

— Ага!

Я по инерции прошёл ещё, но сознание уже врубилось на полную катушку, ревя, как пожарная сирена: «Песец! Песец! И не зверь! А наступил!».

— На!

Впереди сверкнуло что-то металлическое. Завизжала Анна, а Трибэ начал заваливаться на землю, держась за окровавленный бок.

— Че ты косо́й такой?

— Да лан... Пусть страдает, сука.

— Трибэ!.. — крик Ани был таким истеричным, что сразу стало ясно: дело плохо.

Да и не падают здоровые люди на землю так, как Трибэ сейчас...

Я застыл на месте.

— Девку... — это голос Туза.

— А может?.. — а это Сашок.

— Не-ет! — Аня вскакивает, пытается бежать.

Я видел, как её лицо, искажённое гримасой ужаса, начинает корчиться от боли, как взмывает в воздух лезвие топора из меди...

Сука! Кто там жаловался, что не такой богатый, как мы?!

Туз, Борис и Сашок... Все трое с топорами. Туз в какой-то хламиде, трениках с двумя белыми полосками (только лейбла «Abibas» не хватает) и в штиблетах. Сашок в шортах и спортивной куртке. Вместо обуви, правда — шлёпки моего изобретения. Борис в джинсах и кожаной куртке, а на ногах — кроссовки.

Прелестно, просто прелестно! А на земле истекают кровью Трибэ и Аня. Причём, орать в такой ранний час бесполезно: отсюда люди, крепко спящие в капсулах, не услышат.

— Чё, выпендрёжник, ссышь? — спросил, улыбаясь, Туз, переступив через лежащую на земле девушку. — Звездец тебе теперь! Посчитаемся, сука!

Рядом Борис ухмыляется, Сашок скалится... Зверята вышли на охоту. Что там про зубы говорили? Вырвали? А топоры тогда откуда? А перед глазами встают пыхтящие от усердия Ната и Вика... Теперь понятно, что они там такое тяжёлое тащили от Алтаря.

А теперь остался последний вопрос, Ваню!

Раз ты проснулся — то последний вопрос...

Где Илай и Мелкий?!

И я дал на него ответ, героически... ударившись в бегство! Так резко стартанул, что сам себе удивился. Инстинкты подсказывали бежать к капсуле. Однако мозг, на удивление, работал быстрее. Меня поджидали сзади, отрезав путь и к своим, и в капсулу. Я не слышал, не видел — просто заметил это в торжествующих глазах гопоты...

А ещё в логике происходящего.

И в ощущении взгляда в спину.

Краем глаза я заметил смазанную тень с ещё одним медным топором. Рванулся — и вышел из-под удара, почувствовав дуновение ветра на спине... Твою ж налево, это было чересчур близко!..

Но я уже летел со всех ног вперёд.

За спиной зло орали гопники, пытаясь меня догнать. А я воплощал в жизнь первое правило успешного и живого колониста — бежал!

К полю с валунами.

Прочь от опасности. Прочь от медных топоров. Прочь от четырёх гопников (Мелкого видно не было). Прочь от окружения и ударов со спины.

И всё-таки мой топор был круче!

Круче!

И не потому, что камень крепче меди. Я не знаю, что крепче, на самом деле.

А потому что я своими ногами исходил эти валуны столько раз, что помнил каждый из них, включая пустующее место там, где на меня напали будущие шпаны с жилеткой. Каждый проклятый валун на прямой к лесу!..

Вот тот покатый, с круглыми боками — только на вершине стоять. Или вот тот плоский: кажется безопасным, но шатается, гад. Или вон тот: кажется таким надёжным, но почему-то весь усыпан какой-то крошкой (и в результате самый опасный).

Я же говорил недавно, что у меня одни друзья вокруг? Так вот, эти валуны — наипервейшие из них! Сегодня уж точно!

Потому что я не струсил. Я даже не улепётывал.

Я теперь именно бежал. Бег, он же ведь, если философски подходить к вопросу, основа как бегства (простите меня, филологи и прочие граммар-маньяки!), так и наступления.

Зависит от того, куда и как бежать. А если копнуть ещё глубже, то отступление — это почти что наступление. Опять-таки, всё зависит от начальной точки, направления и скорости...

А моя скорость была просто фантастической. Во всяком случае, для того, кто занимается пробежкой в потёмках — ещё и по пересечённой местности, заваленной большими мокрыми камнями.

Но в этом и была суть. Я столько раз мотался туда и обратно, что мог бы с закрытыми глазами пробежать по валунам от костра до леса!..

А гопники прошли тут дважды. Один раз — туда, второй раз — обратно. Ну, может трижды... Я не запоминал.

Утренняя влажность под ногами тоже играла мне на руку. Правда, я и сам в паре мест по самой грани прошёл: едва не соскользнул. Но каково же гопникам? У них прямо из-под носа уходит жертва, а заодно и свидетель произошедшего. Они ведь наверняка хотели скрыть следы преступления. А ты иди, Кострома, доказывай потом, что это — именно они.

Нет, конечно, все обо всём догадаются. Но червячок сомнения не даст убить их сразу. А там и со спины можно ударить... Впрочем, я просто додумывал, потому как не знал точный план нашей гопоты.

Но главное, что за мной погнались. Если ничего не получится, то хотя бы уведу придурков как можно дальше в лес. И пусть потом выбирают. А к этому времени, надеюсь, проснутся наши военные, хотя бы Кострома: она всегда рано встаёт.

А даже если нет... И мне совсем не повезёт... То хотя бы старт моей капсулы станет сигналом для побудки. У Сочинца есть лечебные наборы: если капсулы Ани и Трибэ ещё не взмыли вверх, значит, есть шанс. А почему я могу умереть? А потому что не собираюсь сдаваться этим уродам. И, скорее всего, умру я, отбиваясь сразу от четверых противников...

Хрусть!

— А-а-а-а-а!

Троих противников...

Но лучше просто убежать.

Может быть, сумею сделать круг и оторваться. А потом затащить Трибэ с Аней в капсулу и вколоть им лекарство. А, может...

Бум, хрусть!

— А-а-а!.. А-а-а!.. А-а-а-а-а-а!

Прямо сейчас мои шансы выжить резко возросли. Осталось только уравнять их последним рывком... Выбрав секунду, я успел посмотреть за спину.

Борис и Илай были вне игры, причём серьёзно так «вне». Борис — видимо, закрытый перелом ноги. Илай — сразу по торчащей кости видно, открытый.

Прямо за мной — Сашок. Отстаёт совсем чуть-чуть. Удивительно ловкий гадёныш...

А Туз прыгает осторожно. Видно, что опасается руки-ноги переломать. Жаль...

Яма из-под убитого хищника — прямо передо мной. Я прыгнул с валуна, на котором принял бой с «картошкой», на землю. А затем, очередным прыжком, добрался до следующего камня после ямы. Сашок меня видеть не мог, а это именно то, что нужно...

По инерции налетаю на валун, но уже разворачиваюсь, переводя энергию бега в обратную сторону. Рывок обратно — и вот я снова на том же самом валуне, на котором уже однажды сражался. И готов принять бой.

Сашок слишком внимательно пялится под ноги. Он бы и без моих хитростей ничего не заметил. А так — вот он гонится за мной, а вот я перед ним с готовым для удара топором...

Удар.

Я, к своему сожалению и отвращению, ощущаю всё через рукоять. Весь разрушительный путь каменного лезвия через тупую башку гопника....

Камень, может, и не крепче меди — хотя это, на мой взгляд, сомнительное утверждение. Но если хорошо приложить заточенной каменюкой по башке... В общем, эффект будет смертоносный. Главное — не запоминать подробности, иначе потом по ночам будут сниться... Я не патологоанатом, чтобы радоваться виду двух мозговых полушарий (ну надо же, они у него есть, оказывается!), а потом ещё наблюдать за их полётом в виде бесформенно кашицы.

— Получено пятьдесят баллов за убийство колониста! — бесстрастно сообщил СИПИН.

Спустя секунду издали раздался знакомый хлопок. Капсула готовилась к отлёту.

А Туз всё приближался... Уже с двумя топорами. И один, зажатый в правой руке, явно готовился метнуть.

Я снова сиганул в яму, затем перепрыгнул ещё один валун. Вскочил на следующий — и рванул в сторону, сбивая прицел. Под гул уходящей в небо капсулы, в несколько прыжков я добрался до леса. Моя сила — в скорости! Моё спасение — в ней же. Впрочем, Аня с Трибэ тоже долго без помощи не протянут...

А значит, времени нет!

Вжууух!..

Туз всё-таки метнул в меня топор, продравшись сквозь подлесок. Но попал в сплетение листьев, образующих подобие ствола. А взять застрявший топор назад я ему не дал. На бегу обхватив рукой мощную ножку гриба, развернулся — и бросился в атаку.

Возможно, Туз дрался лучше меня. Даже так: скорее всего, он дрался лучше меня. И решимости ему было не занимать. И навыков тоже. Но его подвела самоуверенность. Потому что на то, чтобы переложить топор из левой в правую руку, нужно время. А если в этот момент ещё приходится гасить инерцию после быстрого бега, то задача усложняется.

И так оно и есть. Нас разделяло слишком маленькое расстояние, чтобы я не преодолел его за пару секунд, не потеряв скорости. А Тузу не хватило времени, чтобы всё осмыслить — и успеть подготовиться. Я поймал его в тот момент, когда он только схватился за рукоять топора правой рукой...

И он выставил топор блоком над головой. Удар каменного лезвия пришёлся между рук — по дереву рукояти. И этот удар вышел таким, что рукоять не выдержала — как и руки

моего противника. Отсушило знатно, видимо. Заорав от боли, Туз выпустил две половинки топора и скорчился на земле. А я пролетел мимо по инерции... Снова развернулся и кинулся добивать.

Вышло кроваво... Туз не хотел умирать. Первый удар он умудрился отбить ногой. И потерял эту ногу, как функциональную конечность. Треск и брызги крови подсказали мне, что там и рана, и перелом. Но и мой второй удар пришёлся по ногам. Никак не хотел умирать этот ублюдок... Совсем не хотел. Всем жертвовал, чтобы продлить жизнь...

Третий удар он принял на руку. И только четвёртый наконец-то пришёлся ему в плечо. Туз так и не смог ничего сказать: просто не успевал между ударами. Хотя и пытался, каждый раз открывая рот. Но я не хотел его слушать. Внутри всё клокотало от ярости: за себя, за Аню, за Трибэ, к которым ещё надо успеть.

А потом я услышал шипение, поднял взгляд... И увидел знакомые голубые льдинки зрачков.

Хромая на переднюю лапу, ко мне снова вышел серый хищник. И, сам не зная, откуда, я понимал: он не нападёт на меня. Он знает, что Туз — моя добыча. И я сам решаю, как с ней поступить. Но где-то в глубине сознания я вдруг осознал, что хищник хочет сожрать гопника живым. А я очень не хотел плодить людоедов... Вот только кто был людоедом больше? Хищник или гопник? Первый-то просто есть хотел, потому что с хромой лапой особо не побегаешь...

Туз, тем временем, залез здоровой рукой в карман своей хламиды. И трясущимися пальцами вытащил три лечебных набора. Вот только, похоже, любые движения причиняли ему такую боль, что Туз не удержал «лечилки» в руке. Выронил и теперь пытался нащупать.

— Мы просто попугать! — наконец, проблеял он. — Попугать хотели, братан... Я бы их вылечил... Йопт! Вылечил бы... Помоги!..

Я не поверил. Не стал бы он никого лечить... Три набора он принёс для себя любимого. И взял их все себе, потому что никому не доверяет. Унылая жизнь... Но ведь у него практически прокатило!..

Не отводя взгляда от хищника, я несильно приложил Туза по ноге, чтобы тот взвыл от боли и поменьше сопротивлялся. А затем, наклонившись, забрал лечебные наборы. Немного подумал... И залез к Тузу в карман, вытащив оттуда ещё и нож.

— Бери всё... Только помоги! — взмолился Туз, а потом всё-таки догадался, что я как-то странно себя веду. — Куда ты, ять, смотришь?! А?! Что там, ять?! Слышь?..

Второй карман был пуст. Я подхватил с земли медную часть Тузова топора, а затем, так и не сводя взгляда с голубоглазого хищника, выпрямился.

И сделал несколько шагов назад.

— Ты куда!? Ворюга! Верни моё! Кто там... А? Кто там? — Туз никак не мог поверить, что пришёл конец.

И не мой, а его.

А тут ещё и прелая гниль чавкнула под лапой зверя, начавшего сближение. Мы поняли друг друга... Добыча доставалась голодным.

— Что это, сука?!.. Ваню! Не оставляй меня! Ваню! — орал Туз, заметив приближающуюся к нему тварь.

Как только голову сумел так вывернуть? Но я продолжал отходить, а хищник — надвигаться.

Я всё-таки не удержался от прощания.

— Сдохни, сука. Просто сдохни! — сообщил я Тузу, выдирая второй медный топор из переплетения листьев.

А затем пожелал хищнику:

— Приятного аппетита! Ты только это... Того... Смотри, не отравись, дружище!

И даже успел отвернуться до того, как зверь приступил к трапезе... Но крики Туза ещё долго стояли у меня в ушах, пока я бежал назад.

Сашок был мёртв. Окончательно и бесповоротно.

А вот Борис и Илай ещё трепыхались.

Илай просто стонал и размазывал слёзы по лицу. На меня он посмотрел сначала с надеждой, а потом, когда вдали хлопнула и пошла на взлёт капсула Туза — со страхом. Но я не оправдал ни того, ни другого. Просто пробежал мимо.

Притормозил только рядом с Борисом. Потому что заметил лежащий рядом пустой шприц с лечебным набором.

— Я встану! — сообщил Борис.

— Нет! — уверенно ответил я. И опустил ему на голову медный топор.

Череп явно пробил. И до мозга достал — а подробности... Ну их в задницу! И без того тошнит и мутит... Хорошо ещё, СИПИН помог взять себя в руки, сообщив всё тем же бесстрастным тоном:

— **Получено пятьдесят баллов за убийство колониста!**

Снова знакомый хлопок, и нарастающий гул... Как в тумане, я выдрал топор из кости, отметив, что лезвие у него пришло в негодность. А потом наконец-то добрался до Ани и Трибэ. Оба лежали на земле — на том же месте, где упали. Бледный Трибэ зажимал бок и трясся, как в лихорадке. Но жил и дышал. И даже указал на Аню.

А вот с девушкой всё было гораздо хуже... Она умирала. Топор прорубил рёбра и порвал лёгкое. А я чувствовал свою полную беспомощность. Я не медик, блин, я ничего не знаю о раненых!.. Всё, что оставалось — это достать «лечилку» и вколоть шприц Ане в шею.

А потом вернуться к Трибэ, чтобы вколоть ему второй набор. Парень застонал, но даже не дёрнулся.

— Не двигайтесь! Помощь скоро будет! — попросил я и рванул к капсуле Сочинца.

Как я ему дверь не вынес, сам не знаю... Барабанил, пока тот, заспанный и зевающий, не открыл. А открыл он быстро, видимо, проснулся от старта капсул. К счастью, терять время на объяснения не пришлось. Сочинец увидел запыхавшегося меня, увидел топоры, увидел кровь...

— Туз... Аня и Борис ранены... Лечебный набор обоим... Аня лёгкое — захлёбывается!.. — выдал я, пытаясь восстановить дыхание.

— Где? — коротко спросил он.

— Костёр...

— Беги к Костроме! Она в своей капсуле! — потребовал военный, со всех ног стартуя к костру.

А я побежал к Костроме.

Через пять минут рядом с костром началась такая суета, что я даже соваться туда не стал. Вместо этого положил полтора топора (и Туза, и Бориса) на землю и двинулся к лесу.

Илай всё ещё был там. Он пытался ползти, но среди валунов ползать было не слишком удобно. Увидев меня, он замотал головой, что-то шепча... Похоже, голос от страха отказал.

А у меня отказала жестокость. Внезапно. После боя — ещё была, а тут будто

испарилась...

И в то же время оставлять его в живых не хотелось. Мелькнула костяная спина, и я снова столкнулся со знакомым взглядом голубых глаз.

И снова чёткое понимание, что могу оставить ей.

Хищнице, самке. Она голодает. Надо кормить молодых особей. Живёт лишь ради них. Они не ели людей. Ела только она.

Телепат — эта тварь, что ли? Или это у меня воображение шалит?

Быстрый шмон по карманам — очередной нож. Я подобрал топор и остановился.

— Не убивай! Не надо... — хриплым шёпотом попросил Илай. — Это всё Туз реально...

— Не убью, — кивнул я. — Но тебе бы лучше было, чтобы тебя я прикончил, Илай. Реально!..

— Чё там? — я снова смотрел в глаза хищнице, и Илай заподозрил неладное. — Чё там? Реально кто-то есть?!.. Не уходи, братан! Не уходи!.. Чё там?!

Навстречу мне спешили Кострома и Дунай. Девушка смотрела встревоженно, а мужчина — удивлённо. Я быстро пошёл им навстречу, не глядя назад. Знал, что там не будет ничего приятного... А вот Кострома и Дунай всё видели.

— Мать мою! Звездец! Что это?! — возопил Дунай, остановившись и придерживая Кострому.

Они таращились мне за спину во все глаза. А там орал Илай, и слышался шум. Хромая хищница тащила кричащее тело в лес.

— Охренеть не встать! — Дунай сглотнул. — Чёт, меня мутит чутка...

— Да ну, труп и труп! Просто отсроченный... — отмахнулась Кострома и посмотрела на меня. — Ты как?

Я пожал плечами. Потому что и сам не знал, как. Мутит, тошнит, а ещё внутри какое-то бесшабашное желание переплыть море, перескочить гору... С места, прям, перепрыгнуть!..

А ещё начинает трясти...

— Туз? — коротко спросила девушка.

Отвечать вслух не хотелось. Вообще разговаривать не хотелось... Вместо этого я чиркнул по горлу большим пальцем, а потом кивнул на лес. В ту сторону, куда голубоглазая самка утащила Илая.

— Пошли к костру, Ваню, — ещё раз опасно глянув на заросли, Дунай хлопнул меня по плечу. — Тебе бы выпить сейчас... Но я не нашёл тогда в списке на Алтаре. Роботы зажали, блин...

— **Вот это вы сами уж... Как-нибудь сообразите!** — возмущённо вмешался **СИПИН.**

— Да мы в медицинских целях! — тихо ответил Дунай.

Видимо, инструктор сейчас говорил с нами со всеми.

— Как Аня и Трибэ? — сглотнув ещё одну волну тошноты, спросил я.

— Выживут! — ответила Кострома.

Выживут...

Я бежал...

Я успел...

Я победил...

Правило № 1 успешного и живого колониста незнакомых планет

Для выживания в незнакомом мире нужно быть сильным, смелым и сообразительным. Но настоящий колонист в первую очередь должен уметь хорошо, сразу, быстро и долго бегать. Не задыхаясь, не чувствуя стыда от содеянного, боли от сбитых ног и усталости, полностью отдаваясь процессу перемещения из точки А (место встречи с опасностью) в точку Б (безопасное место).

Настоящий и живой колонист может (и даже должен для психологической разрядки) стыдиться, жаловаться на боль, плакать, истерически смеяться, а также рефлексировать любым другим способом по поводу своего перемещения из точки А (место встречи с опасностью) в точку Б (безопасное место). Но исключительно тогда, когда уже находится в точке Б.

Любая попытка совершить рефлексивные действия в точке А, а также в любой части отрезка на прямой (а также кривой и просто в пространстве) между точками А и Б, с высокой вероятностью приведёт к тому, что колонист станет мёртвым. А, следовательно, неуспешным, потому что труп колониста не может ничего колонизировать, а только лишь удобрить.

Уточнение № 1 для Правила № 1 успешного и живого колониста неизученных планет.

Колонист должен бежать, но не обязан спасаться бегством. Любое бегство — это бег. Не всякий бег — это бегство.

Иногда бегство — это наступление, а наступление — на самом деле, бегство. Да, эта концепция поначалу сложновата для понимания. Но... Просто... Шевели ходулями, колонист! А что именно ты делаешь — осознаешь уже в процессе. Потому что для колониста бег — это жизнь, здоровье и общая целостность организма...

Дневник Листова И.А.

День десятый. Мать-ехидна...

Я знал, что она выйдет. Мы как раз разгребали последствия того, что случилось утром. И, поверьте, нам было что разгребать...

Там, где раньше стояли капсулы убитых гопников, нашлось немало интересного. В том числе, и три связанные голые девушки. Мы-то, наивные лопухи, думали, почему они не выходят... А они, оказывается, уже вышли... Просто не тем на глаза попались.

Хорошо ещё, что их не успели в дело пустить. Только связали, сказав чутка подождать. В итоге подождали «кавказские пленницы» чуть дольше, но результат их порадовал гораздо больше. Мы их развязали, вернули одежду и обещали накормить мясом. В общем, немного восстановили веру девчонок в человечество.

А потом из леса вышла старая хищница... Дождалась, когда я буду у костра, и пришла.

Никто из наших не решился подходить к ней. А я пошёл, глядя в холодные голубые глаза слишком умного зверя...

И понял, зачем она пришла. Ровно в тот момент, когда из-за камней появились три молодых хищника.

Размерами они были чуть поменьше, но скоро обещали вымахать в здоровых зверюг. Две самки и один самец. Те, кто никогда не пробовал человеческое мясо... Они тихо скулили, но старая самка была непреклонна. Подтолкнула их вперёд, сердито, но как-то беззлобно фыркнув. А затем посмотрела мне в глаза, взглядом потребовав беречь и любить

тех, кого мне доверила.

А я взглядом ей это пообещал.

— Ты приручил местную хищную фауну. Это, между прочим, немалое достижение! Пока колонистам удавалось приручить только травоядных, — вмешался СИПИН. — За каждого зверя полагается три тысячи баллов. Так что... Ты теперь самый богатый колонист в северном полушарии.

Да, я теперь такой — самый богатый... Правда, нет времени ни капсулой заняться, ни планы по завоеванию мира построить. Надо разгрести последствия первых дней... К тому же, детишки, выданные мне на хранение старой ехидной, кушают мясо. А мясо надо где-то доставать. Эта троица хоть и почти самостоятельна — но в том-то и дело, что «почти»...

На несколько дней того, что у нас было, хватит. А потом — давай, Ваню, ищи серьёзную добычу. Хорошо ещё, не всё мясо успели закоптить. И сырое не успело испортиться. Интересно, а эти детишки хотя бы умеют охотиться?

Жарким выдался этот день... И не только в плане солнышка, хотя оно очень старалось. Но разве же угонишься за нами, бешеными колонистами?..

Крохотулечная недоглава 25. Ваще чот!

Дневник Листова И.А.

День одиннадцатый. Объединение!

Роман, Линза, Голубь и Саныч вышли сами. Даже стучать не пришлось. Да и какой смысл им был скрываться? Мы явились вооружённые до зубов. Копья, топоры, щиты, морды лица суровые — аж самим страшно. А уж чужие точно боялись! Ну и правильно.

— Знали, что будет? — коротко спросил Сочинец.

— Догадывались... — ответил за всех Роман. — Но точно не знали... Просто видели, что-то замышляют.

— Почему не сказали? — короткий вопрос будто по щеке Романа хлестнул.

Он весь дёрнулся, а потом опустил плечи и покраснел.

— Почему, Рома? — повторил Сочинец.

— У нас не было оружия для защиты... И мы боялись! — ответил тот, честно, откровенно и глупо.

— Помощи попросить религия не позволила, что ли? — Сочинец перестал давить и сменил тон.

Ответа на вопрос не требовалось. Если гордость — это чья-то религия, то именно она и не позволяет людям вынырнуть из тех глубин задницы, куда они забираются. И эту печальную истину, похоже, теперь понимали все. В том числе, и сам Роман: не совсем же он дурак.

— Что теперь? — спросил он, выдавливая наружу слова через ту самую гордость.

Рома очень хотел быть старостой. Ну или просто заместителем старосты. Я был почти уверен, что именно это Туз ему и посулил. И теперь возомнившему себя большой шишкой Роману приходилось узнавать свою дальнейшую судьбу у тех, кого он ещё вчера презирал.

— Сами решайте, — ответил Сочинец. — Но порознь больше нельзя. Сожрут.

— Вот и отделяйтесь за свой счёт!.. — буркнул Линза из-за спины Романа.

— Слушай, умник, мне легче тебе башку от тела отделить! — сообщила ему Кострома. — И решить вопрос радикально! Есть, что возразить?

— Нет... — Линза ответил очень поспешно. Видимо, прослышал про нрав нашей валькирии.

— Поэтому отделяться будете вы. И насрать, если честно, куда вы свалите! — сообщила Кострома.

— Ладно, ты не горячись... Роман, а вы решайте: либо объединяемся, либо валите отсюда. Кстати... Где Мелкий? Видели его? — поинтересовался Сочинец.

— Не видели, — Роман понуро покачал головой. — Может, в капсуле сидит?

А то мы не проверили... Нет его там! Где затихарился — никто не знает. А у него ведь тоже наверняка есть медный топор, который этот придурок способен пустить в ход.

Красавицы-культуристки, Маша и Ника, выходить отказались. Предпочли сидеть в своих капсулах, как последние дуры. А вот Ваня, Ботан и Лексей отсиживаться не стали — вышли. Получили свои фонари под глаз, а затем были отправлены думать над своим будущим.

Ната и Вика, подружки гопников, были обнаружены вдвоём. Как выяснилось, прятались они в капсуле Наты.

И вышли по первому требованию. Теперь Ната и Вика стояли у костра Романа, на глазах у всей их честной компании.

— Знали, что ваши придурки задумали? — спросил Сочинец.

— Да всё они знали! — не выдержала Кострома. — Они сами эти топоры тащили, подстилки сраные!

— Инна, ну подожди ты! Пусть сами ответят... — попросил Сочинец.

— Да конечно!.. Ответят они тебе! — насмешливо сдвинула брови Кострома. — Стоят, сопли по лицу мажут... Две взрослые бабы, а всё туда же! В гопников решили поиграть! Что, не надоело давалками быть?! Вам уже о другом надо думать, дуры тупые!

— Да знали мы, чё они купили, и чё? И чё? — неожиданно Ната вскинула голову. — Все, блин, знали, только вы не знали, и чё? Я чё, их мысли читаю? Думаешь, они всё нам говорили?

Дальше шла длинная тирада на русском матерном, которую я бы побоялся воспроизвести — даже если бы очень захотел. Это было грубо, но почти красиво. И очень содержательно.

Натой были использованы такие ёмкие смысловые словосочетания, как: «коза военная», «дура набитая», «жопа плоская», «дуболомы», «сранный клоун» (это про меня!) и «полный психотрон».

А основной смысл тирады сводился к тому, что Туз советов не просил, только приказы отдавал. А не согласен — получай в бубен, как Мелкий. Который у Вики в капсуле засел. И если не имеешь за спиной богатого опыта, надёжного защитника или хотя бы прикольного придурка Ваню, то и рыпаться бесполезно. Потому как гопота вообще берега потеряла.

В ответ Ната и Вика получили предложение: либо нормально «дружить» («а не то!..»), либо сваливать. Как ранее его получила группа Ромы и свита культуристок.

А потом все пошли Мелкого из Викиной капсулы доставать. Концерт по заявкам — честное слово!..

— Братва! Я бы сам вышел! Я бы сам! По чесноку! — орал Мелкий, которого выносили под руки я и Дунай.

И, кажется, даже не врал...

У него на это была тысяча и одна причина! Тысячу причин он слил в хранилище, ибо туалета в капсуле Вики не было. А одну — последнюю и вонючую — отложил от обиды на стол. В процессе, правда, отощал и обессилел: всё-таки сутки без еды и воды, да и раньше он не особо шикавал.

И пока Вика орала благим матом что-то бессвязное, хаотично бегая по своей капсуле, Мелкий улыбался во все двадцать зубов. И демонстрировал всем большую дырку вместо передних.

— Меня дуры наши заперли! Натурально! Им Туз так сказал! — радостно орал Мелкий, не переставая счастливо улыбаться. — Я реально не знал, еси чо! Чесна, братва! А как узнал, я ему сразу так и сказал: типа, братан, ну это ваще чот! Ты ваще чот, грю! Оборзел в конец! На кой мне мокруха твоя!

— И чё? И чё? — с интересом полюбопытствовала Кострома.

— А ваще такое началось чот! Давай меня месить! Зубы выбил! А я такой ему — хоть режь, сука! Ваще чот подписываться никакой мазы! Ну он дурам и сказал запереть меня, типа! Вернусь, грит, я тя ваще закопаю... Да мне похрен! Я живучий! Откопаюсь, думаю! Ну и оставили меня...

— Высокодуховные у вас отношения были... — я покивал, поджав губы.

— Ваще чот высоко... это... духовные! — согласился Мелкий. — Ваще чот хорошо, что их больше нет!

Маша и Ника продержались до вечера... А потом, когда поняли, что никого убивать не будут, сдались и вышли. Получили стандартное предложение. И почти сразу дали ответ.

А я так думаю, что они поступили честнее всех. Потому что остальным «ваще чот» до фига времени дали подумать...

Правда, всерьёз, мне кажется, только Мелкий и раздумывал. Но всё-таки остался с нами.

У остальных кишка была тонка в свободное плавание отправляться. Всё их устраивало в нашей группе — ну кроме их положения в социуме.

Но тут уж либо вали на все четыре стороны, либо принимай всё как есть. И все всё приняли.

Мы объединились!

Ночи в долине были холодные. Впрочем, глядя на далёкие шапки гор, трое охотников иногда представляли: а что случилось бы, окажись они там? Среди скальных круч, горных рек и снегов...

Именно с гор по ночам веяло холодом. Не холодом даже, а зимней лютой стужей.

Это внизу, на равнинах, всюду начиналась весна. Это внизу, в зарослях густых местных джунглей, всё цвело и благоухало. А наверху, в горах, ещё царили морозы.

Охотникам повезло. Капсулы их группы стояли в долине реки, текущей с крутых горных склонов.

На север и на юг тянулись такие кручи, что не было никакого желания туда соваться. Да и оттуда почему-то никто не приходил.

А вот через долину люди иногда проходили. Впервые — на третий день после высадки. И с тех пор регулярно кто-нибудь да появлялся.

Андрей, лидер посёлка, делился с товарищами тем, что гости рассказывали. А рассказывали они про снегопады, лютые морозы и скудные ресурсы.

Впрочем, и с побережья не самые весёлые истории приходили. Хищные твари и ядовитые гады, куда ни плюнь...

Их группе повезло оказаться между этими филиалами ада. Прямо как в маленьком Эдеме, где всего было в меру. Впрочем, однажды Дмитрий слышал историю про большой посёлок у крупного Алтаря Вознаграждения. Там, мол, вообще плевать, в какой ты группе. Там настоящий город растёт.

Но ни Дмитрий, ни его товарищи, Саша и Василий, не верили в эти рассказы. Города растут в раю, а рай — у них тут, в долине. Ни тебе крупных ссор, ни дежежа ресурсов, ни вооружённых стычек. Десять групп, живущие в речной долине, отлично поладили. И это при том что на всех у них был один-единственный Алтарь.

Много ли можно успеть за первую неделю на другой планете? Они успели многое. Все одеты, обуты, вооружены. Едят с тарелок, пьют из чашек. Вилки, ложки, ножи, инструменты — всё есть! И будет ещё больше. СИПИН баллы валит, как из рога изобилия. Говорит, им надо.

А у них здесь и так, будто в раю. Днём тепло, а ночами прохладно, но жить можно. Вода в реке — что слеза. Зверья в лесах — полно. Камни — под рукой, и даже выход известняка имеется. Медь россыпью на северных склонах лежит. Говорят, один товарищ на востоке даже олово нашёл. Если это правда, то будет своя бронза, а не покупная...

И всё это за неделю! Неделю!

Другие вон, в травяных юбках ещё бегают. Неудачники. Так считали Дмитрий, Саша и Василий. И многие жители долины были с ними согласны.

Вот только вчера произошло кое-что неприятное. И не очень понятное. Под утро Ирка, дежурная по костру, видела массовый старт капсул. Это произошло где-то на востоке, вверх по течению реки.

И лидер их посёлка, Андрей, решил выслать туда охотников. Разведать, что да как.

Вот Дмитрий, Саша и Василий и отправились на восток, к соседям...

Два посёлка они прошли ещё днём. Оставался третий, который располагался ближе всего к горам. Где его искать, охотники знали. Рядом со скальным навесом в виде вороньей

головы. Его жители как раз хотели из-под него отселиться куда-нибудь. Говорили, что под навесом жить неуютно: того и гляди, какие-нибудь камни на голову свалятся.

Правда, трое охотников никогда не были в этом посёлке. Просто знали по описаниям, где и что находится. Сюда на второй день приходили послы от их конгломерации групп. Вот они-то и объяснили охотникам, как найти дальний посёлок.

— Ну вот... — сказала Саша, останавливаясь. — Тут должны быть...

— И? — спросил Василий.

— Что «и»? — уточнил Саша.

— Если должны быть тут, то где они? — пояснил Василий.

— А я, ять, откуда знаю?! — удивился Саша.

— Хватит! — поморщившись, попросил обоих Дмитрий. — Саша прав: посёлок тут должен быть.

— Темно! Вот и не видно ни хрена! — пожаловался Василий.

— Так давай факелы сделаем! — предложил Саша.

— Ты умный такой! — возмутился Василий. — Из чего их делать-то?! Тут до деревьев ещё метров триста.

— Да хватит уже!.. — рявкнул Дмитрий, заставив всех заткнуться. — Мне Андрей фонарик выдал на такой случай...

Фонарик был простой, заправленный маслом. У посёлка своего масла ещё не было, но можно было купить на Алтаре. Только стоило оно дорого. Поэтому фонарь берегли и лишний раз не использовали.

Крутанув колёсико поджига, Дмитрий запалил огонёк. А затем поднял ценный прибор высоко над головой.

Мягкий свет растёкся вокруг, освещая каменистую землю.

— Вон! — указал Василий. — Лежит чё-то...

— Ага, идём поглядим! — кивнул Дмитрий.

Вообще ему было немного не по себе... Если верить описаниям, посёлок должен был находиться прямо тут. Вокруг них. Вот только ни одной капсулы не было видно. Вообще ни одной. И это навевало какую-то доисторическую жуть...

Предмет, который заметил Василий, оказался топором. Кустарный каменный топорик. У них такие тоже использовали: всё сразу на Алтаре дорого покупать.

Станным было то, что он оказался измазан кровью. И ладно бы только коричневой — местных животных... Но и красной кровью людей.

— Кровь, да? — зачем-то уточнил Саша, нервно сглотнув.

— Она, блин... И красная, и коричневая, — подтвердил Дмитрий. — Ох, ребзя, что-то я очкую...

— Не ссы, Дим! — в этом плане Василий у них был самый толстокожий. — У всего есть объяснение. И наверняка рациональное!

— Вот от объяснений-то мне и не по себе... Ни одного нормального, сплошь жуть какая-то!.. — признался Дмитрий.

— А это костёр, кста... Кострище, то есть! — заметил Саша, указывая в сторону.

А дальше понеслось: кострище тут, какие-то тряпки там, а ещё бутылки воды и пищевые рационы, вываленные на землю. Везде кровь, кровь, кровь... И никакого намёка на капсулы, белые костюмы и людей...

— Не могли же они все разом помереть! — в какой-то момент возмутился Саша. —

Может, напал на них кто?

— Если напал, то почему так много звериной крови? — спросил Василий.

— Ну... Может, аборигены какие? — предположил Саша.

— Ну ты чего, Саш? СИПИН же всем сказал: нет тут аборигенов! — напомнил Дмитрий.

— Хищники? — предположил Василий.

— Это объясняет, почему трупов нет, но кости-то должны были остаться! — заметил Дмитрий. — А костей нет.

— Если бы люди напали, то забрали бы вещи... — задумчиво протянул Саша, а потом хлопнул себя рукой по лбу. — Слушайте! А что если какие-то хищники утащили все трупы?

— Чтобы звери, да куда-то утащили? Как монстры в фильмах ужасов? — удивился Василий. — Сам-то в свою чушь веришь?

— Слышь, за языком следи!.. Степные волки часто запасы на зиму делают! — оскорбился Саша.

— О как! Не знал о таком... Если правда, то извини! — сразу пошёл на мировую Василий.

— Правда... — кивнул Дмитрий. — Слышал, что они задерут какое-нибудь стадо, но сразу не едят... Потом заташат в овраг и снегом присыпят. Типа на чёрный день. Да и грызуны всякие на зиму еду запасают, Вась! Так что ты зря.

— А, ну да... Белки, хомяки и прочие... — кивнул тот. — Но про хищников я это впервые слышу. Не хомяки же тут всех съели...

И все трое замолчали, осознав: они уже всерьёз рассматривают очень нехорошую версию. Что кто-то взял и сожрал сорок человек.

Разом сожрал.

И никто живым не ушёл.

— Вот теперь даже я очкую, братва! — неожиданно признался Василий. — Вот прямо сильно!.. Нет ощущения чужого взгляда?

— Вась, ну теперь и ты от нас понабрался, да? — возмутился Дмитрий.

А потом почувствовал, что взгляд-то и вправду есть.

— Ну вот... — нервно добавил он. — И я, кажется, из-за тебя запараноил...

— Ха-ха! — наигранно хохотнул Саша, а потом напряжённо обернулся. — Да чтоб вас двоих!.. Запугали, блин...

— Тихо! — Василий резко присел, начав оглядываться. — Слышали?!

— Не-а! — еле выдохнул Дмитрий, тоже принявшись вертеть головой.

Лёгкий ветерок шевельнул волосы у него на голове.

— И я нет! — подтвердил Саша. — А чего было-то? Вась?..

Они с Дмитрием уставились на то место, где стоял их приятель.

А тот уставился на них в ответ.

С немой мольбой в глазах.

Из его разорванного горла толчками выходила кровь.

Саша указал на темноту, на себя... Протянул руку... А Дмитрий, стряхнув оцепенение, достал лечебный набор и сделал шаг к товарищу.

Он не знал первого правила успешного и живого колониста неизученных планет. А если бы знал, уже бежал бы прочь со всех ног. Вот только это вряд ли бы ему помогло.

Бежать надо было в тот момент, когда они нашли первый топор...

Дмитрий ещё заносил руку, чтобы вколоть набор нанороботов в шею Василию, а сам уже смотрел мимо... В темноту... В которой горели зелёным светом глаза неизвестных тварей.

В голове билась одна шальная мысль: а может, уже для себя приберечь?

А потом что-то сильно сдавило ему шею сзади. И противного хруста собственных позвонков он не услышал...

Дневник Старцева Н.А., позывной «Пилигрим»

День десятый. Кровавое утро

Я бежал по косогору, цепляясь руками за пучки сухой травы. Надо было забраться повыше, уйти от погони... Руки покрылись ссадинами, а уставшие ноги болели, как никогда в жизни. Впрочем, на руках мышцы тоже болели — из-за того, как часто приходилось подтягиваться наверх.

Нужно было найти обрыв, который будет не по зубам этим тварям. Чтобы его мог преодолеть только я со своими цепкими пальцами примата.

Если не найду — мне конец. Это я понимал уже отчётливо. А тогда, утром, не понимал...

Они пришли тихо, перед рассветом, когда все спали. Много ли надо, чтобы сформировались дурные привычки? За десять дней не приучишь себя делать зарядку, а вот чтобы перестать её делать — хватит и пяти дней. Мы слишком расслабились...

Союз трёх групп, пусть и неполных. Девяносто восемь человек, которые очнулись на новой планете рядом с Алтарём Вознаграждения. Вокруг нас не было никого, кто мог бы стать серьёзной угрозой. Пять соседних групп внутри себя не могли достигнуть единства. Что уж говорить о каком-то совместном набеге...

Да мы и не жестили. Хочешь к Алтарю? Три пайка. Хочешь переночевать? Пожалуйста! В капсуле — пять пайков. У костра под навесом — один. Мы даже перестали выставлять часовых: хватало дежурных у костров, которые смотрят по сторонам.

Голубоглазые бестии, исчадия дурной местной фауны, окружили поселение в дымке тумана, поднявшегося над рекой. Морозный воздух был слишком неподвижен, чтобы донести до наших нечутких носов запахи поджарых хищных тел.

А затем люди проснулись, вышли наружу... И тогда они напали. Я был из тех несчастных, кто в то утро задержался в своей капсуле. Мы были приговорены изначально. У тех же, кто успел выйти — ещё был шанс спастись. Но многие не воспользовались даже им.

Хищников было больше сотни. И это только тех, кто участвовал в атаке на поселение. А сколько ещё этих голубоглазых бестий шныряло по округе? Я видел несколько стай по десятку особей.

Но в то утро никто ещё не знал, как умны наши враги, как плотно и со знанием дела они обложили поселение... Казалось, это простые хищники. И когда снаружи раздались крики, я сразу кинулся к двери, подхватив дубину.

Твари знали, что мы все выйдем. А ещё знали, что мы почти беззащитны и довольно вкусны. Кроме того, они как-то догадались, что в каждой капсуле будет не больше двух человек. И даже успели запомнить, какие капсулы уже опустели.

Поэтому каждую капсулу, где ещё кто-то был, сторожило по две голубоглазых бестии.

Без ложной скромности скажу: разве что один человек из тысячи сумел бы найти выход.

Тот, кто привык думать, оценивать и действовать — и делать это быстро. Потому что ситуация с каждой минутой становилась для нас, запертых в своих жилищах, только хуже...

В первый момент люди сумели дать отпор. Какой-никакой, но хотя бы организованный. Мужчины с копьями встали рядами, перегораживая узкие проходы. Женщины с камнями лезли на крыши. Вот только нет у человека клыков и когтей... А к рукотворным (или купленным на Алтаре) ещё надо привыкнуть.

И голубоглазые твари знали, что мы не привыкли. Кто знает, сколько людей они к тому моменту успели убить? Да что уж там, они знали нас куда лучше, чем мы их. Потому что мы видели в них обычных хищников, а эти твари в нас — опасную, но вкусную добычу.

Они знали, чем опасно оружие. Знали, как беззащитны безоружные. Знали, что женщины слабее. И ударили все одновременно, дав возможность своим прыгучим собратьям забраться на крыши к девушкам-стрелкам...

Никогда до этого я не видел столько крови, как в ту страшную секунду, когда выглянул в окошко двери. Но в голове уже билось понимание, что может быть и больше. И я не растерялся, тратя драгоценные секунды на оценку ситуации.

Я видел, как твари, в считанные мгновения прорвав оборону, устремились внутрь скопления капсул. Кто-то из людей успевал уйти. Часто это были женщины, которых прикрывали мужчины. Они платили своими жизнями за почти незнакомых людей. Просто в силу социальной ответственности перед тем, кто более беззащитен.

И твари об этом знали. Они знали, что так и будет. Поэтому отпускали женщин, добывая мужчин.

Я видел, как ложатся в засаду отдельные особи у некоторых капсул. И был уверен, что они не сторожат пустые жилища — только те, где есть люди. Пока их было мало, пока они только готовились... Но скоро, когда основная стая пройдёт косо по посёлку — придёт подкрепление.

А ещё я видел, как мой сосед Миша попытался убить своих охранников. Через щель в двери, не открывая её до конца. Что ж, будь перед нами обычные хищники, могло бы и прокатить. Придерживать дверь ногами, не дать зверям расширить проход головами, как это делают земные собаки и волки...

Однако твари отлично знали, как вскрывать человеческие убежища. Поэтому и сторожили парой. Одна хваталась лапами за край двери, упираясь задними в край дверного проёма — и распрямлялась, как упругий согнутый прут. А вторая — врывалась внутрь.

Миша продержался семь секунд... Но я уже видел: твари прекрасно поняли, что такое дверь, как она работает и как её открыть.

И когда я потянул свою дверь вбок, между ручкой и дверным проёмом была заклинена рукоять недоделанного топора.

Голубоглазые бестии сильно удивились, когда, несмотря на их усилия, проход остался узким. И ещё сильнее удивились, когда умерли...

А следом умерли твари, кинувшиеся на помощь от соседних капсул.

А потом я воспользовался маленьким временным окном, которое подарила мне судьба. Выбрался из капсулы и рванул прочь. А голубоглазые охранники других капсул смотрели мне вслед и выли на все голоса, отчего кровь стыла в жилах.

Особенно, когда со всех сторон пошёл отклик, в виде ответного воя...

Я ещё успел заметить, как стартанула капсула Миши. Из неё вывалились голубоглазые бестии, вместе с вещами и покусанным телом. Вывалились — а затем легко, без малейшего

испуга, снова встали на лапы... Они уже знали, что так всё и будет.

А на месте, где стоял наш посёлок, состоялся массовый старт звёздного флота, сука!.. И это наводило на нехорошие мысли, что живых внутри почти не осталось.

Я думал уйти вдоль реки на побережье, но...

В той стороне были так дружно и так много, что я выбросил эту дурацкую идею из головы. Значит, на этом пути нас ждали. О да! Они нас, сука, там ждали — и ещё как!.. Удобно, что я и сам когда-то занимался организацией облав... Я прямо родственная душа с ними, чтоб их!..

Если бы мне надо было загнать, никого не упустив, толпу бегущих людей, именно так бы я и расположил загонные команды. Ниже по течению реки, со стороны выхода на равнины — основной заслон. Выше по течению реки — заслон поменьше. И ещё перекрыть узкие места.

А в горах пустил бы патрули. В расчёте на то, что туда сунутся лишь самые умные и самые глупые. Глупых поймать было просто, а умным бы я организовал изматывающую погоню. День за днём, неделя за неделей... Загнал бы их в какие-нибудь норы, а потом выкуривал бы оттуда.

Но я-то знал, что умных лучше бы вообще не выпускать!

Мало кто понимает, какая живучая тварь, на самом деле, человек. Если есть, ради чего жить — пересидит облаву в своей норе. Надышится ядами и дымом, отравится, но выживет. Если есть стимул жить — он не сдастся. А умным всегда есть, ради чего жить. Это дураки во всём видят трагедию вселенских масштабов.

И уходил я так, как не хотел бы, чтобы уходили от меня. Выше в горы! Выше по склону! Взбираясь на уступы, пересекая ручьи, перебираясь через глубокие промоины и ущелья. Я сам измотаю сраных голубоглазых бестий!.. И выживу.

Обязательно выживу.

Первой, кого я увидел, была Люда. Веселая хохотушка-лентяйка из нашего посёлка. Теперь она не хохотала. И впервые в жизни, наверно, жалела о своей лени. Дешевые и лёгкие тапочки, которые Люда купила на Алтаре, разваливались чуть ли не на ходу.

Я подумал, а не помочь ли ей... А потом увидел её окровавленные ноги. И только и смог, что, мысленно извинившись, пожелать удачи. Она стала бы обузой, которая в итоге утащит нас обоих на дно. И хоть Люда упорно двигалась вперёд, причём правильным путём, я слышал потом её отчаянные крики. Значит, догнали всё-таки...

Было ли мне стыдно? Да, мать моя женщина, любому мужику будет в такой ситуации стыдно!.. Потому что мать моя была женщина! И я её любил! И в каждой женщине вижу, в том числе, и свою мать! Но это не я покупал Люде дурацкие тапочки. Хотя и предупреждал её у Алтаря: в этом дерьме она далеко не уйдёт. Но тогда Люда никуда и не собиралась...

Следующие, кого я увидел, были Ромка с Кристиной. Двое влюблённых охотников. Друг в друга были влюблены, в охоту, в лук...

Ключевое слово — «были». Я видел, убегая, туши хищников со стрелами в боках и башках. А ещё я видел, что Кристина тащит Романа на себе. Если бы было наоборот, я бы, не задумываясь, помог. Два здоровых мужика утащат хрупкую девушку. Но хрупкая девушка, даже с моей помощью, не может тащить здорового мужика быстрее, чем двигаются хищники.

Страшный, сука, выбор!.. Помочь или нет? Я должен был помочь, но хотел жить. И понимал, что если меня ранят, то Кристина потащит дальше своего Ромку, а я — сдохну. Так

что простите меня, Кристина и Рома...

А вот Лёше я пытался помочь. Он бежал почти по моим пятам, когда меня нагнала стая в одиннадцать голов. Точнее, его нагнала стая... А я успел выйти из-под удара.

И попытался помочь ему забраться на отвесный обрыв. Тянул копьё, готовясь вытащить Лёху... Но ему не хватило пяти сантиметров до древка. Несчастных пяти сантиметров...

Голубоглазая бестия вонзила два клыка над подошвой его ботинка. Этого хватило, чтобы Лёха сорвался с обрыва. Он упал прямо в гущу хищников.

Лёха умер молча, забрав с собой двоих врагов, хоть его и рвали на живую... Я вот точно не смогу молчать, когда меня жрать начнут. Буду орать так, как в жизни не орал. Напоследок можно...

Косогор закончился и уткнулся в пятиметровый обрыв. Именно на эту непроходимую стену я и надеялся. Его можно было обогнуть, но для этого пришлось бы идти вдоль русла реки, которая петляла в этих местах, как бешеный заяц, выискивая лазейки среди скал. Расстояние было втрое, а то и вчетверо больше, чем если просто залезть на обрыв.

Два этажа, Коля, ты справишься!

Только нужна минута отдыха. Да, все они на счету, но иначе я потеряю больше. Последний рывок — и свобода!..

Женская фигурка вынырнула из-за валунов внизу склона. И понеслась по косогору вверх, как совсем недавно нёсся я. Она так же цеплялась за сухую траву. И так же упрямо ползла к обрыву. Даже интересно стало, кто это ещё такой догадливый и умный...

Я привстал и чуть не выматерился. Сраные роботы брали в колонисты людей в возрасте от двадцати до тридцати. Но сейчас ко мне бежало тридцатишестилетнее исключение...

Лена! Красивая баба, легко давшая бы фору многим молодым.

Упёртая такая, серьёзная.

Вот сейчас, в шаге от спасения, я бы любую кинул, а её — не мог. Ноги сами понесли меня навстречу Лене. И даже три голубоглазых бестии, появившиеся следом, не остановили.

Вытащу её! Вот вытащу — и плевать. На хрен спасаться, бросив Лену, если потом стыдно будет в зеркало смотреть?!

Я взял в руки копьё и примерился в самую прыткую сволочь.

Лена заметила меня. Сначала испугалась, а потом всё поняла.

Обернулась, доставая из-за пояса нож.

— Беги, мать твою, беги! — закричал я, почти съезжая вниз в облаке маленьких камушков.

Послушалась, побежала... Умница! Лидирующий в забеге хищник увидел меня: постарался уйти с траектории и пропустить мимо. Наивный дурачок... Я — человек! Мои предки извели на своей планете все подобные сучьи виды!.. Я даже когда копьё делал, задумывал его именно против таких хитрецов, как ты! Как знал, что однажды встречу здесь настоящих хищников...

Костяной крюк пропорол бок зверя, воткнувшись между пластин, которые прикрывали почти весь верх тела. Визг раненой бестии огласил косогор, заставив её товарок сбавить обороты. Я успел заметить обиженный взгляд слишком умных голубых глаз. А ещё коричневую кровь, хлестнувшую из рваной раны, и широкие рёбра, видневшиеся в разрыве. Отбегалась, паскуда!..

Второй твари я запорошил проклятые голубые глазки... Вполне прицельно. Съезжал

мимо неё, но не пропустил момент: сыпанул гальки и каменного крошева. Бестия жалобно заскулила и начала мотать головой.

А вот в третью я оттормозился.

Она не додумалась уйти подальше. Наверно, думала, что я просто падаю. И о том, что это управляемое падение — не догадалась. Я подправил траекторию движения, и копьё пробило проклятую зверюгу, войдя в зубастую пасть и выйдя откуда-то из жопы.

Хвататься за наконечник с крюком, измазанный её испражнениями, было противно. Но что делать?! Это короткое копьё было моим единственным оружием. А вторая бестия уже проморгалась и как раз нацелилась на меня. Не успею...

Я понял это внезапно... И как-то даже спокойно. Не успею — и всё тут. Третья ещё бьётся в агонии: если меня моим же копьём поранит, пока буду его вытягивать, я не выкарабкаюсь. Заражение крови, сепсис... Раны с дерьмом не слишком хорошо заживают, а у меня воды осталось совсем чуть-чуть. И лечебный набор выронил, когда из посёлка уходил...

И в этот самый момент Лена с разгону врезалась хищнику в бок. Видимо, поняла, что я теперь безоружен. Покатилась вниз и вцепилась медный нож в шею голубоглазой бестии... Я от досады чуть не взвыл. Ну зачем? Зачем полезла?! Зачем в шею била?! В сердце надо было! Или в бок, где внутренние органы — расковырять там всё, чтобы от боли не могла даже кусаться!..

Удар в шею хищник почувствовал... И даже обиделся, но не сразу понял, что уже мёртв. Фонтан крови, конечно, был красноречивым. Вот только шок у сволочи... Боли нет, а злость есть...

Короткая морда сделала рывок, зубами вцепившись Лене в грудь. Голова бестии дёрнулась, мотая женщину туда-сюда, как тряпичную куклу... А потом лапы ослабли, челюсти разжались — и, тихо булькая, хищник наконец-то сдох.

Вот только Лена...

Я чуть не пропустил момент, когда на меня кинулась первая, самая опытная бестия. Надо же: выжила, тварь... Зубы цапнули за ногу, разрывая штанину. Я сумел избежать самого страшного: вытащил конечность из пасти в последний момент, но раны вышли глубокие и плохие...

— Чтоб тебя!.. — прошипел я, отскочил, нагнулся, схватил копьё, упёрся ногой в мертвую тушу... И всё-таки выдернул оружие.

Мой враг был слаб, мой враг умирал. И всё-таки нашёл в себе силы подползти и отомстить. Я обычно такого не делаю с животными. Но этих голубоглазых бестий я за животных не считал. А значит, все моральные запреты были сняты. Копьё пробило живот, пришила хищника к земле в области паха.

— Ты, сука, будешь долго умирать! — пообещал я. — Долго и больно!

А потом отвернулся и побежал к Лене. Ну как так-то, ять! Ведь ушла же почти...

— Лена!.. Лен!.. — я опустился рядом на колени.

А она как-то спокойно улыбнулась. Слишком спокойно для того, кто хочет выжить... А затем, судорожно вздохнув от боли, вцепилась пальцами мне в предплечье.

— Чёрт... И набора нет.

Лена снова улыбнулась, на этот раз натужно. А потом раскрыла сжатую вторую руку.

На ладони лежал шприц лечебного набора.

— Я сейчас, Лен... Сейчас! — пообещал я, хватая шприц и пытаюсь вколоть его

раненой.

Но Лена не позволила: слабо оттолкнула мою руку. И даже помотала головой.

— Ты чего?..

— Дочка у меня... Дочка... — выплюнула она слова вместе с кровью.

— Да я знаю, что у тебя дочка есть! При чём тут она?! Время уходит!

— Не вытащишь меня... Даже с набором... Не смогу ходить... — Лена упорно плевала мне в лицо правду.

Жестокую, рациональную, расчётливую правду.

— А ты сможешь, Коль... Дочке восемнадцать... Вместе брали займ... Её тоже спрашивали...

Страшные слова, смысл которых дошёл до меня не сразу. Ему ещё пришлось пробиваться сквозь пелену бессилия, злости и обиды.

Но дошёл.

— Дура-баба! — не выдержал я. — Вытащим тебя и найдём её! Не о ней сейчас думай! О себе думай, дура!..

— Я — мать... — Лена вдруг заговорила до того спокойно, что кровь в жилах стыла. Вот только слова давались ей с явным трудом. — Я не могу не думать... Про неё... Где она... Уходи, Коль... Предупреди других...

— Да ять! Я даже не знаю, как твоя дочь выглядит! — мой голос сорвался на крик.

— Не важно... Спасёшь других... Спасёшь её...

И серые глаза Лены закрылись. А в моей руке остался лечебный набор, который был мне так необходим...

«О чём ты, Лена? — думал я, глядя на спокойное расслабленное лицо. — Кого всех? Зачем их спасать? От кого?».

И тут я вспомнил, что когда мы только появились здесь, со стороны равнин приходили люди. Там стояло две группы капсул, для которых наш Алтарь был ближайшим. Первые пришли на третий день. Потом на пятый. Жаловались, что кто-то воет рядом с их посёлком. Будто стая волков.

А потом не приходили...

А затем охотники сказали, что видели издалека: одна из соседских групп куда-то отчалила. Вот только никто не пошёл проверить: а точно ли отчалили? Или их вещи лежали в кровавых следах, оставленных после пиршества голубоглазых бестий?

А потом напали на нас...

Значит, стаи хищников двигались вглубь гор, собирая богатую добычу. Посёлок за посёлком. Они шли на пиршество для своего молодняка. Как та тварь, которую я пришилил копьём к земле. Опытная, крупная... Она вела за собой двух молодых, чтобы досыта накормить их свежим мясом.

А потом они придут к остальным нашим соседям...

И всё повторится. Снова нападение, и снова загонная охота на выживших. Но всё ещё можно было изменить. Если кто-то предупредит другие посёлки о голубоглазой беде. Если кто-то им скажет: если услышали вой — либо бегите, либо сражайтесь.

Пусть, сука, платят за наши трупы кровью своего молодняка... Пусть дохнут на копьях, под ударами топоров, истыканные стрелами... Пусть запах их палёных шкур разнесётся над местными горами. Мы — люди! Мы истребили таких, как они, у себя на Земле. Значит, истребим и тут.

Загоним их в самые дальние уголки дикой природы. Заставим их убегать, как мы сейчас. Заставим их прятаться, как приходится нам. И каждая сраная капля красной крови отольётся реками коричневой...

Просто Лена поняла это раньше. А ещё она понимала, что далеко не уйдёт. Мы вместе не уйдём. Два израненных человека. Но поняла она ещё и то, что если её дочь там, где-то в этих горах, то, предупредив людей, её можно спасти — даже не зная в лицо.

Поняла и отдала лечебный набор мне.

Иди, Коля... Иди, Пилигрим... Твоё время пришло...

От Алтаря к Алтарю, от скопления капсул к скоплению капсул.

Пусть, как пожар, разлетится весть о голубоглазых бестиях.

Пусть знают об опасности.

И я вколол себе набор.

Я уходил. Далеко за спиной оставалась капсула, которая дарила мне тепло и воду. И Алтарь с его пищевыми рационами и лечебными наборами. Я потерял всё... Даже моё копьё сломалось, когда я воткнул его в каменистую почву. Я уходил с одним медным ножом за поясом.

Не беда... Всё, что было потеряно, я сделаю снова. Накоплю сто баллов и призову свой дом туда, где буду находиться. Я начну свой бой! Бой с голубоглазыми бестиями, что решили отведать человека. И они познают его вкус! Они узнают, как мы оказались тут! Они поймут — зачем. Но станет уже поздно.

Лес, ночь, голод...

Голод выгнал её из рощи, где она воспитывала своё потомство. Лютый голод. А ещё далёкий вой серой стаи... Хромая на переднюю лапу, старая самка добралась до спуска с обрыва, а затем двинулась прочь.

Новые звери, ходившие на задних лапах, были вкусны. Но она была мудра. Она не дала своим молодым попробовать их мясо — ела сама. И наблюдала. За новыми обитателями её гор. Она видела их слабость и никчёмность. И она видела их силу.

Ей хватило ума оценить эту силу, чтобы понять, чем она грозит. Да, старая хищница могла убить любого из них. Но она не могла убить Большого Зверя, прячущегося среди камней. Никогда не могла. И никто из её сородичей не мог.

А у слабого зверя, ходившего на задних лапах, получилось. И он со своей стаей даже съел «прячущегося среди камней». Значит, тоже хищник. Правда, зачем-то сначала в огонь сунул мясо. Чуть не испортил ведь... Она всё видела, когда издали наблюдала за этими новыми зверями.

У них не было рогов, но они делали деревянные рога. У них не было когтей, но они делали каменные когти. У них не было крепкой шкуры — они надевали чужую.

Когда-то, давным-давно, её серая стая разделилась. Одни ушли служить тем, кто ходил на задних лапах, а другие — остались в лесах. А потом те, кто ходил на задних лапах, исчезли. И память о них начала стираться. Остались лишь крохи... Стаи снова стали едины.

И сейчас эти крохи памяти всплывали в голове старой самки. И заставляли её делать то, чего она раньше бы никогда не сделала. Она ведь бежала в этот лес, чтобы спасти от нового вожака свой молодняк. А теперь сама отправила молодняк к зверям, ходившим на задних лапах.

Потому что в те часы, что она спала, перед её глазами вставали картины седой старины.

Времена, когда те, кто ходит на задних лапах, и серые, что служили им, шли рука об руку. Времена великих свершений и важных дел. Времена, когда её предков любили просто так.

Никто не любил старую самку. Разве что её мать, но это воспоминание почти стёрлось из памяти. Но мать любила её так, как сама старая самка любила свой молодняк. Ради своих детей она стала изгоем. И её мать стала бы изгоем ради неё.

Но те, кто ходит на задних лапах, любили её предков за верность и помощь. За то, что у новорождённого молодняка были большие глаза. За то, что её предки любили тех, кто ходит на задних лапах.

Эта концепция взаимной любви поразила старую самку в самое сердце... И придала ей сил, чтобы хромать дальше.

Вдали раздался вой серой стаи. Единой серой стаи. Много веков её сородичи не убивали друг друга без причины...

На всё была причина. Сменился вожак — убил отпрысков предыдущего. Стая слишком разрослась — сожрали соседей.

Но сегодня старая самка хромала навстречу стае, чтобы убивать в одиночку. Не потому, что защищает свой молодняк. Не потому что хочет занять своё, подобающее ей место.

Из седой старины, из памяти предков, из такой дали времён, что помнили только камни, к ней прилетел древний приказ. Приказ столь же зыбкий, столь же непонятный, сколь и родной. Приказ защищать от своих диких сородичей зверей, что ходят на задних лапах...

Серая стая, бурая стая, рыжая стая... Бойтесь!

Верная стая снова готова идти в бой!

Звери, что ходят на задних лапах, вернулись!

Больше книг на сайте - Knigoed.net